

Секция «Востоковедение и африканистика»

Этнологическое и историческое изучение Тайваня в Китайской Республике и в России

Азаренко Ю. А.

Новосибирский государственный университет

На Тайване прилегающих островках сконцентрировано разноязычное население, в котором выделяются две основные группы – аборигены-австронезийцы (11 народностей) и иммигранты ханьцы. Правление японцев в 1895-1945 гг. внесло дополнительную специфику в облик многоэтничного сообщества. Кроме того, в течение последнего полувека остров претерпел значительную вестернизацию. Европейцы оказывали влияние на Тайвань и в прошлом, колонизировав часть его в XVII в. Сегодня среди иностранцев заметна и доля представителей сопредельных азиатских стран. Изучение культурного взаимодействия различных групп населения Тайваня, в т. ч. его роли в историческом развитии Юго-Восточной Азии, способно прояснить или уточнить ряд вопросов современной этнологии и культурной антропологии.

Научное изучение Тайваня было начато японскими учеными, чья деятельность определялась потребностью создания системы знаний о колонии: о языках, структуре населения и взаимодействии различных групп, об особенностях культуры, а также об опыте управления этой территорией и экономическом потенциале. Тематика исторического прошлого Тайваня для самих тайваньских ученых во многом нова, т. к. в связи с идеологическими установками до конца 1980-х гг. они концентрировали внимание на общекитайской проблематике и локальной истории отдельных территорий материкового Китая. Изучение диалектов китайского и языков аборигенов (а значит и фольклора, мифологии) ограничивалось как противоречащее политике распространения единого государственного языка. Лишь археологи имели достаточную свободу действий, и благодаря масштабным раскопкам в целом реконструированы ранние этапы этнической истории района.

В настоящее время этнографическое и историческое изучение острова приобрело чрезвычайно актуальный характер в связи с политическими и идеологическими переменами. Местная история и культура оказались в центре внимания общественности и специалистов и даже помещены в ряд приоритетных направлений научных исследований, возглавляемых Институтом истории и филологии Академии Синика.

Тем не менее возрождение культурных традиций, переживаемое Тайванем, и означенный бум этнологических и связанных с ними исторических, лингвистических, культурологических изысканий, как правило, остается вне поля зрения отечественных синологов, хотя российские ученые еще в первой половине XX в. сказали веское слово в этнографическом изучении Тайваня. Например, описания формозских племен П. Ибиса, Н.К. Мацокина и А. Мольтрехта – одни из первых в европейской науке; до сих пор классической считается работа Н.А. Невского о языке аборигенов цоу. Для советской этнографии значителен вклад в изучение племен Формозы Н.В. Кюнера («Горные племена Формозы», «Народы острова Тайвань»). Среди востоковедов, обращавшихся к изучению народов Тайваня, следует также назвать М.Ф. Чигринского (этнография аборигенов; европейская колонизация; анализ письменных источников), А.М. Решетова (этноистория), С. Кучеру (археология), Ф.А. Годер (история 19 – начала 20 вв.) и др.

С установлением культурных и научных связей с Тайванем возможности исследований и полевых наблюдений многократно возросли. В результате появились публикации на темы духовной жизни послевоенного тайваньского общества: К.М. Тертицкого (синкретические религии), П.М. Иванова (особенности христианства), С.А. Горбуновой (социальные функции буддизма), А.В. Ломанова (философские традиции в современной культуре). Культурологические наблюдения проф. В.В. Малявина, исследования мифологии аборигенов член-корр. РАН Б.Л. Рифтиним, отстаиваемая проф. Ю.М. Галеновичем идея сложения «своеобычной тайваньской нации», изучение А.А. Москалевым вопросов администрирования в районах проживания аборигенов – все это формирует более яркий образ Тайваня, открывает важные аспекты жизни «другого» Китая.

Однако в большинстве работ о Тайване (А.В. Островского, А.Г. Ларина, А.Н. Карнеева, Л.М. Гудошникова, А.В. Меликсетова, В.А. Козырева, В.Г. Бурова, В.П. Полякова и др.) главным образом рассматриваются проблемы экономического и политического развития, международного положения и отношений с КНР, что типично и для западной тайванистики. Комплексное исследование этой части Китая требует учета нарастающего пласта научной китаезычной литературы о средневековой и новой истории, специфике этнолингвистической ситуации Тайваня, развитии многокомпонентной местной культуры, и включения этих материалов в контекст исследований Юго-Восточной Азии и Китая.

Работа выполнена при поддержке гранта Минобразования РФ А03-1.2-144.

Нефтяные доходы и проблемы эффективного развития (на примере развивающихся и ряда развитых стран)

Алехин М.В.

Институт стран Азии и Африки при МГУ им. М.В. Ломоносова

1. Одной из особенностей современного периода экономического развития является отставание по темпам экономического роста стран с богатыми природными ресурсами от стран, лишенных собственной сырьевой базы [1, 3; 2, 1]. Целью работы является: (а) оценка реального вклада нефтяного сектора в прирост ВВП нефтеэкспортирующих стран и (б) выявление причин такого отставания.

2. Наличие богатых природных ресурсов далеко не всегда предопределяет успех экономического развития. Показательным является развитие капиталоизбыточных нефтеэкспортирующих стран: Кувейта, Омана, Катара Саудовской Аравии, ОАЭ, Ливии и Брунея. Это, действительно, наиболее благополучные страны-нефтеэкспортеры с точки зрения результатов, достигнутых ими в экономической и социальной сферах за последние три десятилетия. Благодаря нефтедолларам они смогли создать современную инфраструктуру, сократить внешний долг, увеличить золотовалютные резервы, улучшить показатели уровня жизни. Однако зависимость этих стран от экспорта нефти сохраняется и ограничивает возможности дальнейшего роста.

3. На основе макроэкономической производственной функции была построена трехфакторная модель по Ирану, отражающая количественные взаимосвязи между экономическим ростом и затратами живого труда, основных производственных фондов и природных ресурсов. В силу специфики развития страны эти расчеты в определенной степени носят ориентировочный характер. В частности, прямой вклад нефтяного сектора в прирост ВВП в период с 1960 г. по начало 2000-х гг. колебался в пределах 17 - 35%. Замедление экономического развития Ирана в последние два-три десятилетия, таким образом, вряд ли можно целиком связать с собственно «нефтяным фактором». Многие определялись характером внешней и внутренней политики, качеством создаваемых и уже созданных институтов.

4. Сохранение зависимости экономики страны от экспорта нефти, как правило, объясняется рентостремительным поведением, свойственным большинству получателей природной ренты. И все же, в мировой практике существуют примеры, когда странам удавалось преодолеть зависимость, вызванную «голландской болезнью». США, Австралия, Канада, Аргентина, Швеция, Финляндия в свое время тоже были чистыми экспортёрами сырья. Однако им удалось диверсифицировать экономику и обеспечить относительно сбалансированное развитие ведущих отраслей экономики. Другим примером является Норвегия. Сырьевой экспорт этой страны достигает 50%, государству удается обеспечивать эффективное перераспределение природной ренты. Норвегия является членом ОЭСР, а по экономическому развитию опережает многие страны Западной Европы. Наконец, Индонезия и Малайзия. Эти страны пошли по пути диверсификации экспорта и углубления степени переработки сырья. Сегодня значительную долю их экспорта составляют готовые изделия.

5. Универсального решения проблемы эффективного использования ренты, как известно, не существует, так как огромную роль играют национальные культурно-институциональные особенности той или иной страны. Необходимо признать, что в значительной части развивающегося мира они нередко носят контрпродуктивный характер, консервирующей экономическую и социальную отсталость. Разумеется, нельзя все сводить только к деструктивной силе рентостремительного поведения олигархов, а также других представителей верхов и, как ни парадоксально, низов. В конечном счете, как правильно отмечает ведущий американский эксперт по проблемам стратегического менеджмента Питер Друкер, «нет бедных и богатых стран; есть плохо и хорошо управляемые страны». Активная государственная политика, направленная на формирование механизма созидательной конкуренции в обществе, развитие прибыльно-ориентированной мотивации, может послужить важным шагом в нужном направлении. Об этом, в частности, говорит опыт ныне развитых и быстро развивающихся стран Востока и Юга.

1. Jeffrey D. Sacks, Andrew M. Warner *Natural Resource Abundance and Economic Growth*, NBER, working paper 5398, 1995.

2. Richard M. Auty *Resource Abundance and Economic Development*, OUP, 2001.

Дукак, Тугтакин и политика Дамаска по отношению к крестоносцам

Алтухов Н.П.

Санкт-Петербургский государственный университет

Первые несколько лет после Первого крестового похода были принципиально важным периодом для истории крестоносного движения. Именно тогда решался вопрос о дальнейшей судьбе только что основанных франками государств на Ближнем Востоке. В последнее время много говорилось о преобладании в историографии одностороннего, европоцентричного подхода к рассмотрению крестовых походов, но сделано для его корректировки все еще очень мало. А стоит ли говорить, что без адекватного представления о том, что происходило в противостоявших франкам государствах, невозможно уяснить причины, позволивших крестоносцам надолго закрепиться в Сирии и Палестине, несмотря на целый ряд неблагоприятных факторов.

Лидером противодействия крестоносцам в Сирии начиная с 1110-х гг. стал Дамаск. Однако до 1105 княжество, напротив, проявляло поразительную пассивность по отношению к франкской угрозе. В чем кроются причины такого поворота во внешней политике города?

Основным внутривнутриполитическим событием в истории Дамаска 1100-05 гг. явилась смерть Дукака ибн Тутуша в 497/1104 г. и переход власти к его атабеку Тугтакину. В литературе [2; 5, 120-21; 7, 37] утвердилось мнение, что «когда Дукак утвердился в Дамаске, он поручил ведение дел Тугтакину, который, начиная с этого времени, был настоящим правителем Дамаска» [2]. Подобное утверждение представляется спорным.

Ж.-М. Мутон [5, 32] полагает, что изначальный переход власти к Тугтакину был неизбежен в силу юного возраста Дукака – в момент смерти его отца Тутуша (488/1095 г.) Дукаку было 13 лет. Однако необходимо учесть два обстоятельства. Во-первых, в те времена взросление происходило рано, и в тринадцать лет юноша был уже вполне способен действовать самостоятельно. Во-вторых, Дукак уже в 1096 г. проявил значительную активность. Когда старший сын Тутуша Ридван приказал убить своих братьев, юный Дукак не растерялся в этой критической ситуации, сумел избежать гибели, и вдобавок, завладеть властью в Дамаске.

Из текста хроники Ибн ал Каланиси можно сделать вывод о значительном изменении внутренней политики, которое Тугтакин произвел после кончины Дукака в 1104 г. Есть основания утверждать, что при Дукаке в жизни Дамаска происходили значительные неурядицы. Под 494/ 1100-01 гг. Ибн ал-Каланиси сообщает нам, что Дукак приказал схватить раиса Дамаска ибн ас-Суфи [1, 226]. На наш взгляд, это событие является знаковым. К началу XII в., раис начинает играть ведущую роль в жизни Дамаска и опирается на поддержку городских нотаблей и мусульманского духовенства. Поэтому его арест означает, что противодействие горожан Дукаку приобрело угрожающий характер и князь попытался обуздать оппозицию, лишив ее лидера.

Тугтакин же, напротив, начал проводить политику умиротворения жителей города. Более того, за смертью Дукака последовала и довольно серьезная смена внешней политики Дамаска. В течение нескольких лет после первого крестового похода, когда Иерусалимское королевство находилось в критической ситуации, Дамаск, в отличие от Египта ни разу не попытался его напасть на франков. Однако с 498/1105 г. Тугтакин все же начал поддерживать египтян. Ученые по-разному пытаются объяснить эту метаморфозу.

Согласно Г.Гиббу, «Тугтакин ждал исхода поединка ... и как только убедился в том, что египтяне не могут уничтожить государство крестоносцев, охотно начал оказывать им помощь» [4, 745]. Однако можно заметить, что египтяне терпели поражение от крестоносцев на поле боя целых четыре раза: в 1099, 1101, 1102 и 1105 гг. Почему же Тугтакин должен был сделать вывод о стратегическом поражении Фатимидов именно в 1105 г.?

По мнению других авторов [3, 386; 6, II, 89; 7, 48], пойти на союз с Фатимидами в 1105 г. Тугтакина побудил тот факт, что иерусалимский король оказал поддержку Иршаю, брату покойного Дукака, в его притязаниях на престол Дамаска. Действительно, в таком случае становится ясным, почему на следующий год Тугтакин послал на помощь Фатимидам дамаский отряд, участвовавший на их стороне в сражении при Рамле (27 августа 1105 г.). Однако в контексте дальнейших взаимоотношений Дамаска с франками не представляется возможным принять это в качестве единственной причины сближения Тугтакина с Египтом. Как тогда интерпретировать целую серию военных операций

против крестоносцев, продолжавшуюся вплоть до 1108 г., когда проблема с Ирташем уже давно перестала волновать Тугтакина?

Представляется более оправданным рассматривать пассивность Дамаска по отношению к крестоносной угрозе как следствие внешнеполитического курса именно Дукака. Непосредственно после его смерти Тугтакин не предпринял никаких действий против франков лишь потому, что его внимание было всецело занято проблемой удержания власти.

1. Ибн ал-Каланиси, *Зайл ма'рих Димашик*. Дамаск, 1983.
2. Elisseeff N., *Dimashk*, Encyclopaedia of Islam (Second Edition).
3. Fink, H.S. *The Foundation of the Latin States, 1099-1118* // A History of the Crusades, ed. K.Setton. Vol.I. Philadelphia, 1955.
4. Gibb H.A.R. Notes on the Arabic Materials for the history of the Crusades // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies* 7 (1933-35).
5. Mouton J.-M. *Damas et sa principauté de sous les Saljoukides et Bourides*. Cairo, 1994.
6. Runciman S. *A History of the Crusades*. Vol.I-II. Cambridge, 1957.
7. Stevenson W.B. *Crusaders in the East*. Cambridge, 1907.

Трансформация стереотипа как метод и механизмы его воздействия (на примере современной китайской прозы)

Буробина К.А.

Институт стран Азии и Африки при МГУ им. М.В. Ломоносова

Данное исследование представляет собой лингвистический анализ ряда художественных текстов – эссеистических произведений современной китайской писательницы Линь Бай (р.1958). Выбранные тексты характеризуются подчеркнутой прагматической установкой – установкой на преодоление автоматизма восприятия, которая реализуется в использовании определенных методов воздействия, основанных на психологии восприятия знака.

Соответственно, цель исследования можно определить как анализ приемов эстетического воздействия, «интеллектуальных методик», реализованных в тексте (совокупности текстов), - их описание, классификация и интерпретация механизма функционирования этих приемов. Осуществляется также частичная реконструкция стоящей за ними художественной и эстетической системы, что в данной работе, однако, вторично.

Анализ проводится с позиций лингвистической прагматики и затрагивает различные аспекты использования языкового знака: отношение знака к «говорящему» (в данном случае – автору текста) и особенно, к «адресату» (читателю).

Нами был сделан вывод, что используемые автором приемы основаны на механизме разрушения стереотипа и возникающем в результате эффекте противоречия – широко распространенном механизме, используемом в различных знаковых системах (интересной иллюстрацией кажутся аналогии с сюрреалистической живописью и теорией Р. Магритта [2]).

Разрушение стереотипа как метод представляет собой приписывание объектам свойств и отношений, не присущих им в сознании носителя языка, *противоречащих норме*. В основе метода лежит, как правило, т. наз. «категориальный сдвиг»- нарушение категориальных правил семантической сочетаемости. Кроме этого, автор осуществляет перераспределение прототипических для объектов семантических ролей во фразе.

Категориальный сдвиг является основой любой метафоры. Многие наблюдаемые в текстах оригинальные «аномалии», в сущности, восходят к базовым концептуальным метафорам (в понимании теории концептуальной метафоры [1]). Например: «слово, падающее на кожу» - вариант концептуальной метафоры слова как твердого физического объекта. Актуализируя буквальное значение, трансформируя или расширяя глубинную семантическую структуру, автор возрождает изначальную образность метафоры и возвращает метафоре ее энергию.

- При этом нарушения стереотипа обнаруживают системность, то есть, осмыслены и информативны, а не ограничиваются исключительно функцией привлечения внимания. В основном трансформации производятся в рамках бинарных оппозиций наиболее общего характера: абстрактное/конкретное, статическое/динамическое, пассивное/активное, живое/неживое. Наиболее продуктивным оказался перенос на область абстрактных свойств объектов области конкретного, «вплощение» абстрактных сущностей, причем с акцентом на активность и динамичность. В сферу же концепта человека переносятся свойства и отношения неживых, статических, пассивных объектов.

- Описанная система трансформаций – это реализация на уровне языковой формы художественной идеологии автора текста – установки на преодоление обыденности. Автор осуществляет свое намерение создать «иную реальность», функционирующую по особым законам. Анализ основных типов трансформаций и отдельных семантических полей позволяет дать общую характеристику концептуального мира автора. Тенденция представлять абстрактные сущности, большинство из которых относятся к сфере творчества и искусства, в качестве конкретных предметов и веществ, обладающих физическими характеристиками и определяющими свойствами активности и динамичности (на уровне семантики и синтаксиса), и, одновременно, овеществление человека как физического существа - показывает, что в концептуальном мире исследуемого текста решающая роль принадлежит искусству как способу творческого преобразования существующей реальности. Поэтому концепты, относящиеся к сфере искусства, и, прежде всего, художественное слово, представляются как активные субъекты, практически отделяясь от своего носителя – человека, выступающего как пассивный объект.

1. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // *Теория метафоры* Сб. статей М., Прогресс, 1990 сс. 387-416

2. Ноэль Б. *Магритт*. М, «Слово», 1997.

Трансформация сюжета о Муляне в литературах Восточной Азии

Берёзкин Р.В.

Санкт-Петербургский государственный университет

История о том, как Мулянь (сокращенная кит. транскрипция «Маудгальяна» – имени одного из десяти первых учеников Будды) спас из подземной темницы своего грешную мать, нашла широкую разработку в национальных литературах стран Восточной Азии: Китая, Монголии, Тибета и Японии. Этот сюжет, необычайно популярный в литературах данного региона, является одним из феноменов древнего межкультурного взаимодействия и представляет богатый материал для изучения кросс-культурных связей этих стран.

Этот сюжет появился в «Сутре об Улламбане» (чаще, в которой складываются приношения Будде и монашеской общине для освобождения предков от страданий в загробном мире). Сутра была переведена на китайский язык монахом Дхармаракшей (кит. имя Чжу Фа-ху) (235/239-313/317) [1; 391]. В оригинале это произведение не сохранилось. На русский язык сутра была переведена Л.Н.Меньшиковым [2; 91-92].

В Китае этот сюжет неоднократно использовался в произведениях проstonародной литературы. Среди них – несколько бьяньвэнь («сочинения о чудесах») – жанр буддийской проповеди эпохи Тан и Пяти династий (IX-X вв.), неизвестный до XX века и открытый в 1900 г. в составе библиотеки пещерного монастыря в Дуньхуане [3; 701-760]; баоцзюань (буквально «драгоценный свитки») – повествовательные произведения XV-XX вв.; музыкальная драма. Два разных баоцзюань о Муляне представлены рукописью XV в. [4; 318] и ксилографическим изданием 1922 г. из собрания СПб ФИВ РАН [4]. История о Муляне получила необычайную популярность, так как затрагивала принципы, на которых строятся семья и общество.

По этой же причине она была заимствована в сопредельных странах. В Японии в префектуре Исекава до недавнего времени на празднике поминовения умерших О-бон исполнялась песня о странствиях Муляня по подземному царству. В Монголии и Тибете эта история существовала в нескольких редакциях. В монгольских версиях заметно следование китайским бьяньвэнь через посредство тибетской литературы [2; 25].

Несмотря на многие черты сходства, при рассмотрении трех произведений разных традиций – переводной «Сутры об Улламбане», ойратской (западномогольской) версии истории о Молон-тойне (монголизированное имя Муляня) и позднего баоцзюань о Муляне заметны расхождения в плане содержания. К их числу относится разное решение вопроса о том, каким образом мать Муляня получает искупление за свои грехи. В разных версиях роли персонажей в этом процессе не одинаковы. В сутре важнейшее значение играет коллективная молитва всей монашеской общины, в ойратской версии – самосовершенствование матери в нескольких перерождениях, в баоцзюань – подвиги Муляня, который сам проходит несколько рождений, чтобы помочь матери.

Из сопоставляемых произведений самым далеко отошедшим от первоначальной сутры является поздний баоцзюань о Муляне. В нем заметна более светская трактовка сюжета. В поздней китайской редакции сюжет сильно привязан к национальным традициям и быту. Одним из перерождений Муляня выступает Хуан Чао – вождь крестьянского восстания 875-884 гг. В баоцзюань переосмысляются события китайской истории, что связано с частым для китайцев обращением к урокам прошлого. В позднем баоцзюань нет даже намека на иностранное происхождение сюжета. В монгольском произведении, наоборот, много типично китайских деталей. Усвоение заимствований в большем объеме в монгольской версии связано с тем, что монгольская литература в период проникновения в нее сюжета о Муляне еще только складывалась.

Дальнейшее исследование произведений о Муляне в разных национальных литературах сможет выявить еще более важные черты сходства и различия в народных традициях стран восточноазиатского региона.

1. Bunyiu Nanjio. *A catalogue of the Chinese translation of the Tripitaka – the sacred canon of the Buddhists in China and Japan*. Oxford. 1890.
2. Ойратская версия *Истории о Молон-тойне*. / Факсимиле рукописи. Издание текста, введение, перевод с ойратского, транслитерация, комментарий и приложения Н.С.Яхонтовой. СПб. 1999.
3. Дуньхуан бьяньвэнь цзи. (Собрание дуньхуанских бьяньвэнь). Пекин. 1957. Т. 2.
4. Чжэн Чжэнь-до. *Чжунго сувэньсюэ ши*. (История китайской проstonародной литературы). Пекин. 1954. Т. 2.
5. Мулянь сань ши цзю му баоцзюань. (Баоцзюань о том, как Мулянь в трех воплощениях спасал мать). Шанхай. Типография «Хунда». 1922.
6. Кавагути Хисао. Дай Мокуканрэн мэйдан кю: бо хэнбун. // Тонко: сирё: то Нихон бунгаку. № 3. (Бьяньвэнь о том, как великий Маудгальяна спас мать из мира тьмы. // Материалы из Дуньхуана и японская литература. № 3). Токио. 1984.

Политический ислам в современной Турции

Буянов Н.Н.

Кубанский государственный университет

Современная Турция среди мусульманских стран, в которых ислам играет главенствующую роль, является исключением – религия в ней отделена от государства.

Во многих странах мусульманского мира запрещена деятельность каких-либо политических партий, и в силу этого политический ислам в этих странах представляет собой оппозицию правящим режимам. Но именно в Турции был реализован легальный вход представителей политического ислама во власть. Речь идет о Партии благоденствия («Рефах»). Первым крупным успехом руководимой Н. Эрбаканом легальной исламистской партии оказались итоги муниципальных выборов в марте 1994 г. На них ПБ по ряду позиций завоевала первые и вторые места. Итоги этих выборов стали в Турции, да и за ее пределами, настоящей сенсацией. Многие наблюдатели назвали основными причинами успеха ПБ «ухудшающуюся экономическую ситуацию, разрастающиеся скандалы, связанные с коррупцией, социальные смуты и недовольство политической обстановкой» [1].

Свой успех партия развила на парламентских выборах в декабре 1995 г., получив 22% голосов, а затем, после полугодичной ожесточенной борьбы, в том числе с военным руководством, с лета 1996 г. возглавила правительство в коалиции с партией Т. Чиллер. Представляют интерес лозунги, с которыми шла на выборы «Рефах». Первый тезис предвыборного заявления партии гласил: «Истинной причиной проблем Турции является ошибочная политика, определяемая менталитетом подражательства. С таким мышлением проблемы Турции решить невозможно, они будут лишь возрастать» [1]. Другие лозунги требовали отказа от «угнетения верующих», прекращения «уничуждения нации», перехода «к подлинной демократии», во внешней политике – «спасения страны от роли сателлита», проведения «собственной независимой внешней политики». Место Турции – «не ЕС, созданный как христианский союз, ее место – в союзе мусульманских стран». Партия заявляла о необходимости срочного принятия закона о свободе верования, который обеспечит свободу ношения женского головного покрывала (тюрбана), пятничного намаза, деятельности школ имам-хатибов, вакуффов, использования в молитве арабского языка, и т.д. Как очевидно, свою предвыборную кампанию, обеспечившую ей значительный успех на выборах, ПБ строила на откровенно популистских лозунгах, утверждающих, не без основания, что правящая верхушка светской элиты Турции отчуждена от нужд широких народных масс и средних слоев.

Основная, внутренняя причина изменения религиозной ситуации в стране в пользу исламистов – углубление социального конфликта при одновременном расширении, под давлением Запада, демократических свобод, отмены жестких положений законодательства, касающихся политизации ислама. И то и другое использовалось исламистами. Все более очевидной становилась готовность идти на политические уступки исламистам со стороны двух ведущих светских партий правоцентристского толка – Партии верного пути во главе с Т. Чиллер (ранее – с С. Демирелем) и Партии Отечества во главе с М. Йылмазом (ранее – с Т. Озалом).

Придя в исполнительную власть в качестве лидеров, обладая относительным большинством в парламенте, контролируя муниципалитеты ряда крупнейших городов страны, прежде всего Стамбула и Анкары, исламисты вскоре напомнили о своих религиозных лозунгах и планах изменения конституции.

Деятельность Партии благоденствия в качестве правительственной партии заставила политиков и публицистов ряда западных стран и самой Турции заговорить об угрозе установления в этой крупной региональной державе исламского режима. В итоге сторонникам светского развития Турции удалось через Конституционный суд запретить деятельность партии.

Бывшие члены Рефах – депутаты парламента после ее закрытия недолго оставались в статусе независимых. В течение непродолжительного времени ее активисты создали новую партию «Фазилет» (Партия добродетели – ПД), а после ее закрытия – новую партию – Партию справедливости и развития, которая на парламентских выборах 2002 года завоевала абсолютное большинство голосов и получила право формирования внутренней и внешней политики страны.

В то же время в Турции действуют и различные радикальные группировки под исламскими лозунгами, такие как «Турецкая армия исламского освобождения», «Борцы за исламскую революцию», «Фронт Партии исламского освобождения», «Турецкие спецотряды шариатского мщения» и другие [2]. Но социально-политическая модель турецкого государства позволяет различным политическим силам реализовывать свои интересы на легальном поле, поэтому радикальные группировки пользуются поддержкой населения только в наиболее отсталых районах страны.

В целом политический ислам является постоянным и одним из основных факторов политического процесса в Турции. Партии и группы, которые можно отнести к политическому исламу, выражают интересы достаточно большого числа жителей страны, а одна из партий сегодня определяет всю внутреннюю и внешнюю политику Турции.

1. Киреев Н.Г. Светскость или шариат: раскол в турецком обществе на пороге XXI века // *Ближний Восток и современность*. Сборник статей (выпуск шестой). М., 1998. С.67-138.

2. Подробнее см.: Karmon E. Radical Islamic Political Groups in Turkey // *Middle East Review of International Affairs*. Vol. 1. No. 4 (December 1997).

Влияние иностранных инвестиций на формирование бюджета Ирана

Вальчук А.Л.

Институт стран Азии и Африки при МГУ им. М.В. Ломоносова

Влияние иностранных инвестиций на национальную экономику – многогранно, его политические и экономические аспекты всегда в центре внимания. В условиях Исламской Республики Иран проблема оценки влияния иностранного участия приобретает особую актуальность: иностранные инвесторы играли значительную роль в иранской экономике вплоть до революции 1979г, после которой страна оказалась фактически в изоляции. Сейчас Иран вновь все активнее выступает на международной арене, претендуя на роль регионального лидера. Такая активность ИРИ стала возможной только после возобновления диалога с иностранными партнерами. Однако такая проблема как воздействие иностранного сектора экономики на расходы и доходы бюджета, практически не изучена, не существует разработанной концепции анализа влияния иностранных инвестиций на формирование бюджета. В отношении Ирана дополнительной проблемой является недостаточность данных.

Таким образом, одной из основных задач исследования стала разработка методологии, которая позволила бы оценить влияние иностранного сектора на бюджет Ирана. При этом работа сосредоточена на анализе влияния иностранных инвестиций на доходные статьи бюджета ИРИ, т.к. исследование влияния иностранных инвестиций на расходные статьи бюджета возможно только на основе косвенных оценок.

Анализ построен по принципу перехода от тех статей государственного бюджета Ирана, где иностранное влияние максимально, к тем, где оно ощущается лишь косвенно, либо оценки невозможны из-за отсутствия официальных данных. Кроме того, следует отметить значительные расхождения в имеющихся данных, что затрудняет их реалистическую оценку. В результате следующие аспекты иностранного влияния в работе пока только упоминаются без количественной оценки их влияния на бюджет ИРИ: 1) расходы на содержание государственного аппарата и законодательскую деятельность, связанные с деятельностью иностранных компаний в стране; 2) удельный вес «точек роста» в общем экономическом росте и, соответственно, в бюджете страны.

На базе данных об объемах иностранных инвестиций, прибылях и доходах иностранных компаний и сведений о заработной плате, были сделаны расчеты вклада иностранного сектора в доходную часть бюджета. Также были изучены контракты, заключенные Ираном с иностранными партнерами, причем наиболее предметно были разобраны нефтяная и газовая отрасли иранской экономики, т.к., с одной стороны, именно в них иностранное влияние максимально, а с другой, именно эти отрасли вносят основной вклад в формирование доходов бюджета.

Кроме того, было проанализировано иностранное участие в СЭЗ Ирана, которые создавались для привлечения иностранных инвестиций, увеличения выпуска нефтяных конкурентоспособных товаров для экспорта и обеспечения за счет этого роста валютных поступлений. Соответственно, именно в этих районах для иностранцев созданы максимально комфортные условия ведения бизнеса.

Результатом исследования стали следующие выводы:

1. Согласно расчетам, общие поступления в бюджет ИРИ от иностранных юридических и физических лиц составляют 5,6 – 5,7 трлн. риалов или 3,5% доходной части государственного бюджета ИРИ. Несмотря на то, что эта оценка в некоторой степени условна, она тем не менее позволяет говорить о порядке присутствия иностранного сектора в бюджете ИРИ. Для сравнения: прямые иностранные инвестиции сопоставимы с государственными расходами на развитие дорог, торговли и связи вместе взятых.

2. В ходе исследования проверялась гипотеза о значительном влиянии иностранных инвестиций в нефтяной и газовой отраслях экономики Ирана. Однако значительного влияния выявлено не было. Полученные результаты говорят скорее о самостоятельном развитии иранцами своего нефтегазового сектора. Конечно, иностранные компании в подавляющем большинстве участвуют в проектах нефтегазовой отрасли иранской экономики, но государственные расходы на развитие этих отраслей на порядки превышают прямые иностранные инвестиции. Куда более неожиданной является четкая корреляция между иностранными инвестициями и государственными расходами на развитие промышленности. Это говорит о том, что с помощью иностранного участия создается инфраструктура нефтегазового сектора Ирана (сюда же входят и переданные технологии), формируются «точки роста», которые не только вносят определенный вклад в экономический рост Ирана, но именно в них создается современная производственная база экономики ИРИ. Этот вывод подтверждается тем фактом, что около 60% контрактов связаны не с разработкой месторождений, а с их обслуживанием.

3. В связи с тем, что иностранный сектор массово участвует в ограниченном числе отраслей иранской экономики, появилась возможность более эффективного перераспределения бюджетных средств: постоянное снижение государственных расходов на экономическое развитие (с 1995г) сопровождается ростом расходов на социальное

развитие. В иранских условиях такое развитие событий становится возможным только при постоянно растущих доходах от экспорта нефти, что в значительной степени обеспечивается именно иностранным участием.

Некоторые аспекты развития инвестиционного процесса в САР (1960-1990 гг.)

Валяев К.М.

Институт стран Азии и Африки при МГУ им. М.В. Ломоносова

Начиная с 1952 г. были изданы многочисленные законодательные указы и законы с целью поощрения инвестирования и привлечения иностранных капиталов. Следует заметить, что в 50-е годы политика поощрения инвестиций распространялась только на промышленный сектор. Освобождение от таможенных пошлин касалось только основного капитала, предоставленного на нужды строительства, закупки машин, инструментов и оборудования. Это освобождение не коснулось транспортных средств и сырьевых материалов, которые постоянно импортировались.

Что касается сельского хозяйства, то указ № 10 от 1986 г. стал важным законом, поощрявшим инвестиции в эту отрасль народного хозяйства. Заметим, что этот указ был издан спустя четверть века после начала сельскохозяйственной реформы. Этот указ предоставил права инвестирования сельскохозяйственным акционерным компаниям, в которых государство имело долю в 25% капитала в виде стоимости земли, предоставляемой государством фирме.

4 мая 1991 г. Сирия приняла новый закон о поощрении инвестиций. Общее число промышленных и сельскохозяйственных проектов, разрешенных к реализации с момента выхода закона и до конца 1995 г., достигло 604 с оценочной стоимостью в 205 млрд. сир. ф. А число полностью выполненных промышленных проектов и имевших промышленную регистрацию достигло 148 стоимостью около 24 млрд. сир. фунтов [1].

В 1996 г. частному капиталу были выданы разрешения на осуществление 99-и сельскохозяйственных и промышленных проектов с оценочным капиталом в 77 млрд. сир. ф. и 115 проектов по развитию транспорта с оценочной стоимостью в 25 млрд. сир. ф., причем большинство проектов концентрировалось в Дамасской области и в губернии Алеппо.

В отношении сельхозсектора все показатели говорят о том, что инвестиции по закону №10 не были произведены на требуемом уровне. Из 51 проекта было реализовано только три выполненных в области орошения и бурения скважин общей стоимостью 269 млн. сир. ф., (1,2% общей стоимости всех охваченных законом проектов.

В сфере морского и речного транспорта не было осуществлено ни одного проекта. Относительно сухопутного транспорта процент выполнения составил 42%. Было создано 12,5 тыс. рабочих мест., т.е. 25% из намечавшихся 52 тыс.

К негативным сторонам закона об инвестициях можно отнести следующее. Невысокий процент полностью реализованных проектов (менее 25% для промышленных и сельскохозяйственных и около 42% для транспортных) [2, с.52]. Слишком мало было выполнено промышленных и сельскохозяйственных объектов по сравнению с общим числом всех проектов и по сравнению с объективными целями закона об инвестициях, во главе которых были увеличение количества и номенклатуры местной продукции и рост количества рабочих мест. Большое число охваченных законом проектов не имело прибылей в первый год вследствие понижения спроса на местном рынке, затруднения экспорта и конкуренции. Стоимость одного проекта в среднем не превышала 3 млн. долларов, что было крайне недостаточным по сравнению с инвестициями в государственном секторе. Кроме того потенциальных инвесторов отпугивает рост расходов страны на поддержание обороноспособности, продолжающееся противостояние Сирии и Израиля в рамках ближневосточного конфликта, попытки США изолировать Сирию на международной арене, обвиняя ее руководство в «поддержке терроризма».

1. Подсчитано по: Статистический сборник, Дамаск, за соответствующие годы.
2. А.Далиля, *Сирийская промышленность*, Дамаск, 1997.

Займствования из западноевропейских языков в современном турецком языке (на материале прессы)

Володина Е. Г.

Институт стран Азии и Африки при МГУ им. М.В. Ломоносова

Западноевропейские займствования проникали в литературный турецкий язык главным образом через такие сферы, как газета и научные стили речи. Иноязычные слова, вошедшие письменным путем, в целом, подчинялись графическим нормам воспринимающего языка, они были более типизированы и унифицированы по сравнению с устным их воспроизведением. Поэтому западноевропейские займствования относительно быстро стабилизировались под влиянием нормализующего воздействия письменной речи. Стоит отметить, что эти займствования относятся в своем большинстве к специальным и научным сферам, что является обозначениями отвлеченных, научных понятий, заполняют пустые ячейки номинационной шкалы, долгое время остаются единственным средством номинации и существуют как результат лексико-семантической недостаточности. Широкое проникновение займствований из западноевропейских языков относится к периоду Танзимата, когда множество слов из французского, немецкого языков прочно укрепились в турецком языке. В последнее время наблюдается процесс займствования слов из английского языка.

Отдельно стоит вопрос о терминах в турецком языке, большинство из которых до сих пор остаются займствованными. Это во многом связано с введением западной системы образования и опережающим развитием науки на Западе. Другой проблемой является наличие и использование нескольких терминов для определения одного понятия.

Языковая политика Турции - пуризм. На развитие языка оказывает влияние как объективные факторы, к которым можно отнести социально-экономические сдвиги, вовлечение в сферу воздействия научно-технической революции, так и субъективные, среди которых важную роль играет языковая политика. В этом направлении руководящим центром является Турецкое лингвистическое общество, регулярно издающее списки слов турецкого происхождения, предлагаемых для использования вместо слов займствованных. Для этого существует специальный отдел, занимающийся «туркизацией» иностранных слов.

Причины устойчивости займствований из западноевропейских языков:

- тесные взаимоотношения Турции со странами Запада, как на уровне политики, экономики, так и на бытовом уровне;
- пропаганда западного образа жизни через средства массовой информации;
- влияние науки и техники, развивающихся опережающими темпами на Западе
- распространение в мире информационных и коммуникационных технологий
- общая вестернизация жизни в мире и процессы глобализации
- ориентир на Запад в качестве законодателя моды

На основе анализа языка турецкой прессы сделан вывод, что западноевропейские займствования до сих пор занимают значительное место в турецком языке. Их соотношение с собственно турецкими словами и решение об использовании иностранного или своего слова определяется несколькими факторами: темой сообщения (особенно много

иностранных слов в экономических, политических, спортивных, научных статьях), уровнем культуры и образования автора, его политическими убеждениями; политической ориентацией издания.

1. Кононов Н.Н. Основные этапы формирования турецкого письменного литературного языка. // *Вопросы языкознания*, 1977, № 4
2. Магницкий М.Н. К вопросу о классификации французских терминологических заимствованиях в турецком языке. // *Семантико-синтаксические проблемы теории языка и перевода*. М., 1996
3. Юсипова Р.П., О некоторых путях очищения современного турецкого литературного языка // *Социолингвистические проблемы развивающихся стран*. М., Наука, 1975
4. Aksoy Omer Asim Gelisen ve ozlesen dilimiz. 4. baski (genisletme ve eklemelerle) Turk dil kurumu yayinlari. Ankara 1975
5. Imer Kamile. Dilde degisme ve gelisme acisindan Turk dil devrimi // *Turk dil kurumu yayinlari, AU basimevi*, Ankara 1976
6. Dilacar A., Turk diline genel bir bakis // *Turk Tarih Kurumu basimevi*, Ankara, 1964
7. Sengul A. Ozerkan Turkce'yi nasil kullamyoruz? // *MARFI yayinlan 1997*, Istanbul.

Легитимность носителей власти в Китае эпохи Цинь-Хань (209-195 гг. до н.э.)

Габуев А.Т.

Институт стран Азии и Африки при МГУ им. М.В. Ломоносова

1. Данные тезисы представляют обобщенные результаты исследования истории верховной и региональной власти на территории современного Китая в период утверждения господства дома Хань (206 г. до н.э. – 8 г. н.э.). Основным источником исследования выступали «Исторические записки» («Ши цзи»), далее в тексте – ШЦ) ханьского историка Сыма Цяня (145?-86?). Объектом детального изучения стали главы 6, 7, 8 из раздела «Основные записки» («Бэн цзи») и главы 53-57, 89-99 из раздела «Биографии» («Ле чжуань»). В качестве дополнительного источника привлекались материалы 16, 17, 18 из раздела «Таблицы» («Бяо»). Основным инструментом исследования служил анализ описания действий, совершенных носителями власти, а также реконструкции понятийного аппарата и образной системы, использованных при этом в источнике.

2. После ослабления дома Цинь в 209 г. до н.э. на территории современного Китая возникают многочисленные соперничающие центры власти, находившиеся под контролем военных лидеров различного социального происхождения и местных элит. Однако для легитимности нового центра власти обязательным условием считалось принятие титула вана одним из потомков носителей верховной власти (чжухоу) эпохи Чжаньго (481-221 гг. до н.э.), инкорпорированным в состав новой элиты. На наш взгляд, это связано с устойчивостью представлений о сакральной благодати, свойственной кланам чжухоу. Лишь представители этих кланов могли совершать ритуалы на алтарях Земли и злаков (шэ), функционирование которых считалось важнейшим условием для создания центра власти. Таким образом, региональная идентичность пространства, контролируемого тем или иным центром власти, имела во многом сакральный характер и формировалась вокруг алтаря шэ и фигуры вана. В борьбе за контроль над различными территориями, отождествляемыми с бывшими «царствами» эпохи Чжаньго, многие военные лидеры использовали разных представителей одного и того же правящего клана (например, Лю Бан и Сян Юй патронировали различных представителей правящего клана Хань).

3. В ходе вооруженной борьбы между региональными элитами, многие представители старых правящих кланов были убиты. Именно их физическое уничтожение позволяло военным лидерам претендовать на верховную власть. Для обоснования легитимности своего положения они проводили специальные ритуальные акции, к числу которых относятся: 1) воздвижение алтарей шэ; 2) принесение жертв прежним правителям, Небу, Земле, четырем сторонам света, горам и рекам; 3) установление особой цветовой символики знамен своих войск; 4) обретение стольного города; 5) строительство дворца.

4. Другим источником легитимности верховной власти было обладание районом, который в источнике именуется Гуаньчжун (т.е. «Среди застав»). Нам представляется, что этот окруженный горами регион на территории современной провинции Шэньси, помимо выгодного стратегического положения, имел особое сакральное значение. Здесь располагалась не только циньская столица Сяньян, но также древняя чжоуская столица Цзунчжоу (Хаоцзин), а впоследствии – и ханьская столица Чанъань. Выстроив близ Сяньяна копии дворцов всех покоренных чжухоу, Цинь Ши-хуан перенес в Гуаньчжун и часть сакрального статуса покоренных стольных городов. Вступив в Гуаньчжун первым из военачальников в 207 г. до н.э. и приняв капитуляцию последнего циньского правителя Цзы-ина, Лю Бан значительно укрепил свой авторитет и мог претендовать на господство в Поднебесной.

5. Еще одним источником легитимности власти служило обладание различными сакральными артефактами: бронзовыми треножниками для жертвоприношений, барабанами, печатями и поясами, яшмовыми табличками и дисками, знаменами и т.п. Данные предметы являлись не просто атрибутами, но и источниками власти. Носители верховной власти часто не могли одним лишь приказом отстранить от командования подчиненного военачальника: для этого необходимо было захватить соответствующие печати и верительные бирки (например, Лю Бан часто был вынужден действовать подобным образом против собственных полководцев, Хань Синя и Чжан Эра).

6. В исследуемый период также существовал особый комплекс представлений о фигуре носителя верховной власти, зафиксированный в письменных текстах (в том числе, и в ШЦ). Важнейшими из этих представлений были: 1) сакральное происхождение от небожителей (именно в силу этого данный носитель власти мог поклоняться им как своим предкам); 2) наличие особых знаков на теле, обозначающих высокое происхождение; 3) способность бороться с чудовищами и духами; 4) особые испарения, олицетворявший обретение человеком статуса Сына Неба; 5) внушающий почтение внешний облик, в котором преобладают черты дракона (представление о правителе-драконе отражено еще в чжоуских надписях на бронзовых сосудах).

7. Представления о власти, существовавшие на территории Китая в исследуемый период, на наш взгляд, сохраняют свою сакральную природу. Описание этих представлений как «идеологий», а борьбы носителей власти, элит и сакральных центров между собой – в терминах, восходящих к европейским идеям XVII-XVIII вв. о политике и государстве, являются существенной модернизацией исторической реальности.

Калмыцкий государственный университет

«Джангар» - это серия песен-поэм о подвигах богатырей эпической державы Бумба во имя защиты свободы и упрочения ее могущества. Сказанное, прежде всего, относится к калмыцкой версии эпоса, в значительной мере – к синьзянской версии и лишь отчасти – к западно-монгольской.

Еще в 20-е годы прошлого столетия академик Б.Я.Владимирцов писал, что ему приходилось слышать о бытовании «Джангара» у синьзянских калмыков. Эпос «Джангар» и его версия в Синьзяне характеризуется сходством почти на всех уровнях эпического повествования. Прежде всего, следует выделить близость версий в изображении главных героев эпоса. Для сравнения имен эпических героев-богатырей, которые, как правило, сопровождаются индивидуальными эпитетами, выступающими их качественными постоянными характеристиками, мы взяли антропонимику героического эпоса «Джангар» калмыцкой и синьзянской версий. Прежде всего, обращает на себя внимание тот факт, что имена основных героев эпоса в целом совпадают:

калм	синьцз
Эзн Богд Джангар,	Эзн Богд Джангар,
Арг Улан Хонгор,	Одхн Улан Хонгор,
Бумбин Улан Хонгор,	Увчин Улан Хонгор,
Арха Сарха баатр,	Арха Сарха баатр,
Торгон Джоло хан,	Торгон Джоло хан,
Кюнд Гарта Савар,	Кюнд Гарта Савар,
Кюнкан Алтн Чееджи,	Кюнкан Алтн Чееджи,
Салькн Тавг баатр,	Дидирай Салькн Тавг баатр.

Однако из вышеуказанных примеров видно, что эпитеты, определяющие богатырей синьзянской версии далеко не всегда идентичны калмыцкой версии «Джангара».

Кроме того, нами были обнаружены имена, которых нет в калмыцкой версии «Джангара»: Муута баатр; Тарха Хожгр; Кёк баатр; Нарндала хан; Баатрдала; Нарндала.

Также можно обнаружить различия в географических названиях. Например, название возвышенности Болзатын Бор доун, Болзатын Бор толга, Шиджир уул, Цаста ондр уул присутствует и в калмыцкой, и в синьзянской версиях. Но в то же время в местности Могата живут многие тысячи подданных Джангара, в местности Тюнкта живут сотни тысяч подданных Джангара. Географические названия Могата, Тюнкта отсутствуют в калмыцкой версии «Джангара», но встречаются в качестве старых народных топонимов на территории Калмыкии. Такие названия как Шиджир уул, Хату уул, Цялзюр цаган кёдя/Эрвнг цаган кёдя не встречаются в калмыцкой версии «Джангара».

Таким образом, вышеприведенные примеры антропонимов и топонимов калмыцкой и синьзянской версии «Джангара» свидетельствуют как об общих, так и специфических чертах калмыцкого языка и языка синьзянских калмыков. Думается, что сопоставительное исследование лексики имеет большое значение для более полного выявления богатства живого калмыцкого языка, для установления реальных потенциальных возможностей развития и обогащения словарного состава калмыцкого литературного языка.

Перспективы незаконного оттока капитала и «отмывания грязных денег»

Гевелинг А.Л.

Институт стран Азии и Африки при МГУ им. М.В. Ломоносова

«Бегство капитала» превратилось в неотъемлемый аспект глобализации экономических систем и отношений между отсталыми и развитыми странами. Отсталые страны, как «старые», изначально относившиеся к «третьему миру», так и «новые», скатившиеся в пропасть отсталости за последние пять-десять лет, оказались первыми и основными жертвами перестройки мирового порядка, глобализации мировой экономики.

Следует констатировать, что на нынешнем уровне интернационализации социально-экономических процессов почти все богатства трансформирующегося мирового рынка имеют тенденцию перетекать (законными и незаконными путями) в богатые страны, вне зависимости от того, где они были созданы и к чему относятся – к материальным ресурсам или к обретшим материальную форму духовным ценностям. Вне зависимости от места их создания эти богатства будут стремиться «мигрировать» в развитый мир. Туда же «бежит» капитал, многократно возрастают миграционные потоки. Полным ходом идет поляризация богатства и нищеты, что создаст объективную основу для роста глобализации преступной деятельности. Международная торговля наркотиками, выпуск фальшивых денег, нелегальный оружейный бизнес, организованная проституция, незаконные финансовые операции и другие сферы криминальной экономики превратились в составляющие международного нелегального движения финансовых ресурсов, значительная часть которого приходится на долю «бегства капитала».

В современной Нигерии проблема оттока капитала стала практически национальным бедствием. Дальнейшее развитие событий не внушает особого оптимизма. Нигерийское правительство во главе с президентом О. Обасанджо не обладает реальными возможностями для пресечения легального и нелегального оттока капитала из страны. Высокая степень коррумпированности государственного аппарата, нестабильная политическая и экономическая ситуация в стране, сильнейшая зависимость Нигерии от цен на нефть, отсутствие развитой банковской системы – все это является определяющими факторами в принятии решений людьми, собирающимися вывезти капитал из страны. По оценкам нигерийских ученых, объем «бегства капитала» в течение ближайших пяти лет может вырасти до 150 млрд. долл. США.

Поиск выхода из создавшейся ситуации – задача, стоящая перед большинством развивающихся стран. Решение проблемы незаконного оттока финансовых ресурсов предполагает осознание подлинных национальных интересов, целей и приоритетов, ослабление жесткой зависимости от внешних факторов, сведение к минимуму неэквивалентного обмена и отказ от не оправдывающих себя фальшивых и идеологизированных лозунгов, использование имеющихся ресурсов во благо общества, а не коррумпированных правящих элит. Конечно, нельзя возлагать борьбу с незаконными финансовыми операциями только на то или иное государство. Эта задача может быть решена лишь совместными и скоординированными усилиями большинства стран мира и ведущих международных организаций.

Вместе с тем, в области противостояния финансовым преступлениям сохраняются значительные трудности. Они связаны как с географическим аспектом организации борьбы, так и со спецификой конкретных мер по пресечению процессов «отмывания» денег. В этом направлении еще предстоит значительная работа. Не секрет, что в мировой практике постоянно появляются новые инструменты и методы отмывания денег. Действие этой тенденции объясняется, прежде всего, тем, что преступники интенсивно ищут страны и отрасли экономики, в которых государственный контроль отличается фрагментарностью и непоследовательностью. При этом преступники могут свободно – и почти мгновенно – переводить свои незаконным образом полученные доходы практически в любую страну мира.

Представляется весьма важным, чтобы развивающиеся страны продолжали совершенствовать законы и системы превентивного характера, предусматривающие выявление фактов оттока капиталов, полученных преступным путем. Банки, небанковские финансовые институты, различные коммерческие организации, участвующие в финансовой деятельности, обязаны играть более существенную роль в предотвращении процессов «отмывания» денег. Надлежащая идентификация клиентов и тех, кто стоит за ними, а также информирование об операциях, вызывающих подозрение в том, что они связаны с преступной деятельностью, являются важными мерами, которые могут привести к предотвращению и (или) заслуженному наказанию за участие в нелегальном перемещении денег, взяточничестве и иной преступной деятельности. Тенденции, наблюдаемые в некоторых развивающихся странах, убедительно доказывают, что по мере усиления контроля в традиционных финансовых сферах, криминальные деньги перемещаются в другие, менее контролируемые сферы. Как известно, Специальная группа по мерам в финансовой сфере, Европейская Комиссия и некоторые другие международные организации активно работали над тем, чтобы ликвидировать такие «брешы» в финансовом контроле.

К вопросу о создании «экономической зоны Японского моря»: современные тенденции и перспективы

Дворянкин П. А.

Институт Стран Азии и Африки при МГУ им. Ломоносова

С окончанием холодной войны и противостояния Восток – Запад практически во всех странах начали меняться приоритеты внешней и внутренней политики. Не стал исключением и Азиатско-Тихоокеанский регион, в особенности его азиатская часть, проявившая наиболее внушительные показатели экономического роста в конце XX века. Второй особенностью региона можно назвать интенсификацию различных по форме процессов интеграции и интеграционных инициатив, среди которых важную часть составляют процессы регионализации. Примеры создания Европейского Союза и Северо-восточной Американской зоны свободной торговли только стимулировали ряд азиатских стран на пути объединительных процессов.

Большое количество участников, разный уровень их экономического развития, традиционные связи и историческое прошлое стимулирует появление большого количества интеграционных процессов, которые очень часто становятся альтернативными, а также противоречий на пути интеграции. Нереализованность надежд, связанных с деятельностью АТЭС, в установленной среднесрочной перспективе, стимулировал продолжение интеграционных процессов на субрегиональном уровне. Одним из наиболее важных стимулов, заставляющих страны идти на компромиссы в их взаимных противоречиях – боязнь остаться за бортом интеграционных процессов, фактически обуславливающих экономическое развитие стран и регионов в будущем.

В данном докладе автор рассматривает интеграционные процессы в Северо-Восточной Азии, и в частности – формирование и перспективы развития «экономической зоны Японского моря», как одного из немногих процессов, подразаемающей также и интеграцию Дальне-Восточного региона РФ в активные экономические процессы АТР.

Формирование «экономической зоны Японского моря» («Концепция «Кольцо Японского моря»»), нацелено на активизацию экономического развития прибрежных к Японскому морю территорий Японии, КНР, КНДР, Республики Корея и России. На субрегион приходится примерно 10% населения Восточной Азии, 20% площади и 70% совокупного ВВП (3 трлн. долл.). Формирование «экономической зоны Японского моря» включает в себя несколько проектов – совместное освоение бассейна реки Туманган, разработка запасов природного газа на шельфе Сахалина и в Якутии, разработка лесных ресурсов Сибири и Дальнего Востока японскими фирмами на компенсационной основе. На китайской территории – развитие зоны морского порта Далянь и долины Сэньдзянпин по расширению производства зерновых культур.

1. Кастюнина Г. М., *Азиатско-Тихоокеанская экономическая интеграция*. М. 2000.
2. «Интересы России в Северо-Восточной Азии и перспективы использования многостороннего сотрудничества со странами региона для развития Российского Дальнего Востока». Доклад ИДВ РАН // *Проблемы Дальнего Востока*. 1995. № 3.
3. «Современные тенденции развития регионального сотрудничества в Восточной Азии». Материалы научной конференции ИМЭМО РАН. М. 2003

Микропроза в современной японской литературе

Дерибас Д.К.

Институт стран Азии и Африки при МГУ им. М.В. Ломоносова

Данные тезисы обобщают результаты исследования влияния традиционной системы ценностей японцев (в частности, принципов дзэн-буддизма) на формирование современной японской микропрозы.

В книге «Дзэн и японская культура» (1940 г.) Дайсаку Судзуки пишет, что принцип сатори – «озарения» сокровенной сути вещей – заключается в том, что их истинную природу можно постигнуть внезапно, интуитивно, а не путем логического умозаключения. Это, по мнению Судзуки, лежит в основе японской культуры. Восприятие прекрасного в природе и создание произведения искусства – одно и то же, между ними стираются грани и нет места логическому мышлению, представляющему постепенное восхождение к истине. В искусстве дзэн словам должно быть не только тесно, истина лежит просто «вне слов»: важными художественными компонентами становятся молчание, недосказанность, намек, естественная простота. Наиболее полным выражением эстетического принципа дзэн является японское трехстишие хайку, которое не может быть воспринято вне контекста ассоциаций. Своеобразие эстетических принципов дзэн заключено также в крайней лаконичности выразительных средств. Нередко это не законченный образ, а лишь намек, посылка. Недосказанность активизирует процесс восприятия образа или художественного явления и как бы привлекает читателя к сотворчеству. Вслед за намеком воображение читателя само создает сокровенную суть, скрытую красоту образа. Художник должен владеть таким измерением, которое делает незаконченность нерасторжимым продолжением жизненной ситуации.

В лирическом эссе дзуйхицу – «следовать кисти» автора ведет за собой кисть: не писатель ведет за собой повествование, а повествование ведет за собой писателя. Это следование слову, доверие внутреннему чувству, несвязанность намерением позволили сохранить первозданность впечатлений об окружающем мире, привели к удивительно свободной, непосредственной манере изложения того, что «приходило на ум и выходило из сердца» писателя. Напрасно исследователи ищут в дзуйхицу привычный закон композиционной связи. Его и не могло быть в традиционном японском мышлении. Это не значит, что даны пребывают в хаосе, никак между собой не связаны, подвержены закону случайности. Это значит, что простративная, причинно-следственная связь «по горизонтали» (завязка-кульминация-развязка) не единственный тип связи.

Наиболее интересным явлением в модернистской литературе Японии 20-х – начала 30-х годов был так называемый неосенсуализм. Его приверженцы утверждали, что писатель в своем творчестве должен опираться главным образом на свои «ощущения», «чувствования». Другим важнейшим тезисом неосенсуалистов была «революция формы». Тот же процесс происходит и в «рассказах величиной с ладонь». Про свои «рассказы с ладонь величиной» Кавабата говорит, что они не создавались, а просто возникали. Чем меньше объем произведения, тем больше возникает возможностей для различной интерпретации произведения для каждого читателя. Кавабата Ясунари в числе других считался одним из главных представителей школы неосенсуализма. По мнению писателей-модернистов, стремившихся к созданию новой, «чистой» литературы, малый жанр более всего соответствовал ее критериям. Отсутствие сложной структуры, занимательности сюжета, конкретности в постановке проблемы, характерное для коротких рассказов, предполагает высокий эмоциональный и интеллектуальный уровень воспитания, что сближает этот жанр со стихами и, соответственно, с «высокой» литературой. Необходимо обратить внимание не только на то, что в произведениях малого жанра зачастую отсутствует композиция, намеренно сокращены предложения, укорочены реплики героев, пропущены целые временные пласты, но и то, каким образом повествование изложено на бумаге, и каким образом расположены строки.

При анализе «рассказов величиной с ладонь» задаешься вопросом, где и как зародилась столь малая форма произведений. В мировой литературе это не единственный пример малых жанров, взяты ли «Занимательные истории» Маркиза де Сада или «Притчи» Кафки. Корни малого жанра в японской литературе заметны как в дзуйхицу, так и в эпизодах моногатари. Однако именно в японской литературе замечается проявление «минимизации» не только в малых жанрах, но и в стиле изложения, в образах, в литературном языке. Некоторые относят это за счет дзэнского мировоззрения японцев, как было сказано выше. В своем развитии микропроза стала особенно популярна в 20-е годы в литературных кругах неосенсуалистов, так были популярны короткие рассказы, которые назывались французским словом «conte» (рассказ или сказка). В сжатом объеме рассказов малого жанра проявляются особым образом границы таланта, если таковые имеются, чем в более объемных произведениях. Герои, детали и сюжеты, больше запоминаются читателю, если укладываются в рамки необъемного произведения. По законам дзэн, не существует в отдельности объекта и субъекта описания, поскольку они рассматриваются как единое целое, что помогает не только самому поэту, но и читателю всматриваться в себя при чтении произведения малых форм, вглядываться в свой внутренний облик.

«Живот» и «сердце»: границы стираются? (на примере слов *hod* и *lybb* в амхарском языке)

Дьяков И.М.

Санкт-Петербургский государственный университет

Еще совсем недавно как об общепринятом факте говорили о том, что LYB в семитских языках означает «вместилище разума, рассудка, памяти», для чего есть весьма веские основания: корень LABABA в семитских языках (например, в арабском и геэзе) имеет значения «быть разумным, умным», «понимать». Казалось бы, то же должно наблюдаться и в амхарском языке – ярком представителе эфиосемитской группы. Однако здесь ситуация несколько иная.

В конце XIX века *lybb* воспринимался в первую очередь как «разум». Так, в составе названия первого романа на амхарском языке «*Lybb welled tarik*» (досл. сердцем рожденная история) слово *lybb* воспринимается именно как воображение, которое «вымыслило» историю, а не «поведало» о реально случившихся событиях. Именно поэтому впоследствии это название стало именем нарицательным для обозначения жанра романа.

Хотя нельзя отрицать, что кроме вышеуказанных типичных значений этого семитского слова («здравомыслие», «интеллект», «рассудок», «разум»), у *lybb* в составе словосочетаний были и дополнительные лексические значения, обозначающие различные чувства (напр., *lybbu sebba* (досл. сердце-его толстое-есть) – быть гордым, жестоким, бессердечным, *bemullu lybb* (досл. всем сердцем) – искренне, открыто, *lybb seffe* (досл. сердце он-дал) – воодушевлять).

Тем временем *hod* («живот», «желудок») – как и расположенный рядом *angēt* – «кишечник» – традиционно считался вместилищем бурлящих в человеке добрых и злых чувств (*hodu qey new* (досл. живот-его красный есть) – он спокоен, *hod babba* (досл. желудок боялся) – бояться, *hodu ayferra* (досл. живот-его нечистый-есть) – в нем до сих пор кипит обида/недовольство и т.д.). Значения «ум» в словаре Бэзмана [1] не наблюдается, а у Т.Л. Кейна [2] (словарь, составленный на базе всех предыдущих словарей амхарского языка, последний из которых датируется 1985 годом) оно уже присутствует: “fig. mind”, *hodu aygeññum* (досл. живот-его не-найден-есть) – его намерения невозможно предугадать, *hodun qollefe* (досл. живот-его (Асс.) закрыл-он) – держать в секрете).

В других подобных выражениях, представленных в словаре Кейна, *hod* и *lybb* также начинают замещать друг друга, хотя если обращаться к дословному переводу, смысл иногда получается странным (напр., ср. *hodu rase* (досл. живот-его увлажнился) и *lybbu rase* (досл. живот-его увлажнился) – получать наслаждение, *hod lehod* (досл. живот животу) и *lelybb lelybb* (досл. сердце сердцу) – близко, тесно [напр., знать друг друга]).

Наконец, в словаре (2000) словаре [4], составленном коллективом эфиопских ученых, значительная часть словосочетаний может употребляться с обоими словами *hod* и *lybb* без ущерба для смысла (*hod/lybb gessa* (досл. живот/сердце забыл) и – забыть, *hod/lybb šakkere* (досл. живот/сердце шершавый-есть) – быть расстроенным, *hode/lybbe ger* (досл. сердцем/животом мягкий (Status constructus)) – добросердечный и т.д.). То же уже в этом году подтверждает и 19-летний информант. Причем, как видно из примеров, взаимозаменяются семемы со значением и «ум», и «чувство». Хотя по-прежнему слово *lybb* занимает лидирующее положение для обозначения разума.

Важно также отметить, что всеми амхароязычными людьми *hod* и *lybb* используются как термины для обозначения вполне определенных частей тела, живот и сердце соответственно. Появились новые специальные слова «мозг» и «сознание». И при этом в составе выражений, отводя на второй план первое значение и значение исконное, люди употребляют *hod* и *lybb* для обозначения тех процессов, которые обычному человеку сложно объяснить логически (где и как происходят мысли, чувства, эмоции).

1. Baeteman J. *Dictionnaire amarigna - français suivi d'un vocabulaire français – amarigna. Dire-Daoua*, 1929.
2. Kane T.L. *Amharic-English dictionary*. Wiesbaden, 1990.
3. Leslau W. *Concise Dictionary of Ge'ez (Classical Ethiopic)*. Wiesbaden, 1989
4. Amar yñña mezgebe qalat. Addis Abeba, 1993.

Шиитское паломничество в Атабат

Ефимова А.Е.

Институт стран Азии и Африки при МГУ им. М.В. Ломоносова

В основу данной работы положены путевые записки, фиксирующие непосредственные впечатления европейцев, по разным причинам оказавшихся в Иране и Ираке Персидском, и путешествовавших вместе с караваном паломников. Основным источником для описания шиитского хаджа послужили материалы АВПРИ, любезно предоставленные

научным руководителем, в т.ч. из фонда «Генеральное консульство в Багдаде», часть из которых впервые вводится в научный оборот. Территория Атабата являлась заповедной зоной для любого верующего шиита. Неджеф и Кербела, Самарра и Казимейн – четыре основных города «высокого порога», являются местом погребения шиитских имамов мучеников: Али и его семейства. В Атабате проживали также влиятельные шиитские улемы, некоторые из которых почитались шиитами-имамами святыми еще при жизни.

Безусловно, Большой или Мекканский хадж оставался для шиитов основным, но зиярат (паломничество) к святыням Атабата стремились совершить все правоверные шииты. Этот факт закреплен и в языке: прозвания, как правило прибавляемые к именам, Мешеди, совершивших хадж в Мешед и Кербелу, удостоившиеся милости святого шахида Хусейна, были у шиитов не менее почетны, чем Хаджи. В отличие от Большого Мекканского хаджа, шиитский хадж не подчинялся религиозному календарю, исключение, пожалуй, составляет священный месяц мухаррам, отмеченный траурным торжеством в честь шахидов мучеников. Как правило, время проведения хаджа зависело от того, сумел ли чауш собрать необходимую для путешествия партию. Самые большие караваны до 4 тыс. спин направлялись в Мешед, в Атабат же путешествовали более компактными группами, максимум 100 человек. Чауши играли большую роль не только в организации паломнических караванов, но и протяжении всего многотрудного пути.

Практика паломничества определила и основные маршруты, по которым двигались зуввары (пилигримы), независимо от того, путешествовали ли они из Ирана, Средней Азии или Закавказья. Время пребывания в пути варьировалось от 30 до 45 дней, в том случае, если караван отправлялся из Хорасана, речь могла идти о 2 месяцах. Но независимо от этого, последним крупным пунктом на Иранской территории был Керманшах, а далее верующие направлялись к Ханекину, где был расположен контрольно-пропускной пункт. Ханекинский пропускной путь представлял значительное препятствие в путешествии к святым местам, многие верующие не имели соответствующим образом оформленных паспортов, поэтому всецело полагались на усмотрение турецкой администрации, нещадно обиравшей паломников. Камнем преткновения служил бытовавший только у шиитов обряд перезахоронения. Отметим, что многие зуввары совершали такое опасное путешествие именно по завещанию умерших, желающих быть похороненными в святых местах или на святых равнинах. Каждый без исключения караван был отягощен особым родом ношей – погребальными ящиками, часто источавшими невероятный смрад. Предписания осуществлять перезахоронения не ранее, чем через три года после смерти, постоянно нарушались. Власти Багдада пытались наложить запрет на это, прибегнув даже к поддержке местных улама, но впрочем, акция успеха не имела ибо спровоцировала настоящий бунт в священных городах.

Прибытие каравана паломников было одним из главных событий населения Атабата и основным источником дохода для большинства местных горожан, неважно, шла ли речь о владельцах караван сараев и дуканов, смотрителях мечетей и кладбищ или даже о представителях правительственной турецкой администрации. Пребывание в святых местах не имело специальной ритуальной росписи. Оно включало в себя молитву, посещение гробниц святых имамов-мучеников проповедий улама, но без преувеличения можно сказать, что большую часть времени у паломников отнимали хлопоты, связанные с погребением праха родственников.

Популярности святых мест немало способствовало то обстоятельство, что они являлись резиденцией улемов, пользующих репутацией ученых мужей, теологов, прославленных святостью поведения, а о некоторых, как например Самарский муджтехид хаджи Мирза Мухаммед Хасан, слагались легенды. Ученые мужи Атабата не только основывали в священных городах медресе с присваиванием стипендии талабам, но и имели чрезвычайно высокую общественную репутацию. Жизнь за границей в Атабате в большей мере определяла независимость их поведения и суждений по самым животрепещущим внутри Иранским проблемам. Достаточно упомянуть, что муджтехиды Атабата принимали самое активное участие в редактировании дополнений к «Основному закону», иранской Конституции – 1907 г. Более того, через своих вакилей, представителей, улемы Атабата поддерживали постоянную связь с единоверцами проживающими в Иране, самым непосредственным образом влияя на умонастроения населения оставленной родины.

1. АВПРИ. *Фонд 194. Миссия в Персии*. Опись 528а. Дело 747.
АВПРИ. *Фонд Политархив*. Опись 482. дело 347. Дело 18.
АВПРИ. *Фонд Генеральное консульство в Багдаде*. Опись 912.
2. Бларамберг И. *Воспоминания*. Пер. с немецкого О.И. Жигалиной и Э.Ф.Шмидта. – М., 1978.
3. Друвиль Гаспар. *Путешествие в Персию в 1812 и 1813гг.* Ч.2. – М., 1824.
4. Корф Ф.Ф. *Воспоминания о Персии (1834 – 1835) Барона Федора Корфа*. - Спб., 1838.
5. Огородников П. *Очерки Персии*. - Спб., 1878.
6. Ацамба Ф.М., Кириллина С.А. *Хадж в Османской империи*. – М., 1992.
7. Коняшкина Т. А., «Караван шиитов паломников и роль чаушей в его организации» // Научная конференция «Ломоносовские чтения» Религия стран Азии и Африки. История и современность. Тезисы докладов, 2001.

Соотношение -in/-an/i- аффиксов тагальского (филиппинского) глагола

Заболотная Н.В.

Институт стран Азии и Африки при МГУ им. М.В. Ломоносова

Аффиксы -in/-an/i- участвуют в образовании трех страдательных залогов тагальского глагола. Если нас интересует объект, на который направлено действие, то употребляется так называемый «прямой» пассив, образуемый аффиксом -in. Если же нужно подчеркнуть место, где происходит действие, а также и инструмент, орудие, которым совершается действие или лицо, для которого совершается действие, то используются соответственно «местный» пассив (аффикс -an) и инструментальный (аффикс i-).

Однако традиционный набор семантических единиц оказывается малоэффективным для характеристики системных связей залоговых морфем. Традиционно выделяемыми единицами сигнификативного уровня помимо «агенса» («деятеля», «агента действия», «субъекта действия») и «пациенса» («реципиента действия») являются, например, «прямой объект» (он же «непосредственный» или «объект действия»), «инструмент», «средство», «место действия», «адресат», «заинтересованное лицо» и т.д.

В тагальском языке (ТЯ) есть достаточно много случаев, когда эти семантические единицы применимы для интерпретации пассивных залогов. (Этому обязаны своим происхождением и традиционные названия тагальских пассивных залогов: «прямой», «местный» и «инструментальный»).

Однако случаи, когда применение указанных семантических единиц не позволяло отграничить семантику одного залогового показателя от семантики другого, так многочисленны и часты, что скорее представляются правилом, а не исключением.

Соотношение -an/-in – « объект действия»:

При наличии показателя «местного пассива», суффикса -an, подлежащее может обозначать не только «место действия», но и «объект действия», таким образом, показатели «прямого» пассива (-in) и «местного» пассива (-an) оказываются взаимозаменяемыми при обозначении «объектов действия», но эти объекты как-то по-разному вовлечены в

происходящее событие, сравните: а).(аффикс -in) Inakyat niya ang bundok. – Он взобрался на гору и б).(аффикс -an) Inakuyatan niya ang bundok. – Он взобрался на гору. В предложении а). аффикс -in указывает на то, что ang bundok «гора» - это объект, который полностью испытывает действие, указанное корневой морфемой. То есть передает следующее значение: «вершина горы была достигнута» или «гора была покорена». В предложении б). аффикс -an тоже указывает на объект, но в этом случае не весь «объект действия» подвергается воздействию со стороны глагола, а лишь его часть, как, например, «вершина горы», таким образом, делая «ang bundok» местом, где располагается какая-то его часть. Laruan 'быть местом игры', 'быть тем, (с) чем играют', т.е. 'быть игрушкой'. Однако этот «объект действия» также несколько иначе подвергается воздействию, чем тот, на который указывает в составе глагола суффикс -in - показатель «прямого пассива»: Iaguiin 'быть тем, с кем играют, кого развлекают игрой' (корневая морфема -lago- 'игра') и т.д.

-an/i- - бенифециент:

Gawan mo ng damit ang Nanay («местный» пассив) Сшей (сделай) одежду для матери. Igawa mo ng damit ang Nanay (инструментальный пассив) - Awitan mo ako. - «Пой мне» («пусть я буду тем местом») или Ibasang mo ako. - «Читай для меня» (инструментальный пассив).

В этих примерах аффиксы -an и i- передают одно и то же грамматическое значение – действие, совершаемое для кого-либо, но есть и небольшое оттеночное различие между ними: если в «местном» пассиве лицо рассматривается как объект, на который направлено действие, то в инструментальном пассиве ярче выражена идея совершения действия в порядке любезности, то есть он употребляется, если говорящему важно указать на лицо, для которого или в интересах которого совершается действие.

Таким образом, вышеуказанные примеры показывают, что разные аффиксы могут передавать одно и то же грамматическое значение, характеризовать одни и те же падежные отношения. Однако есть аффиксы, которые выражают два и более значений.

Так, глагол iputol («инструментальный» пассив; корневая морфема -putol- 'рубка', 'резание') может обозначать и то, чем рубят, режут, и того, для кого рубят, режут. Другие глаголы с i- могут обозначать то, что высказывается (ibalita 'быть сообщенным'), то, что передается другому лицу (ibigay 'быть отданным, отдаваемым'), то, что приближается к другому участнику ситуации (ilapit 'быть приближенным'), сопоставляется, сравнивается с другим компонентом ситуации (ihambing 'быть сравниваемым'), наконец, причину действия (iluha 'быть тем, что оплакивают, из-за чего плачут'). Ibinigay ni Salud kay Dario ang kanyang payong. 'Салуд дала Дарио свой зонтик' (объектный пассив). Ipinalagay ng hari ang kanyang palad sa mesa... 'Ударил царь ладонью по столу...' (инструмент).

Многочисленные случаи такого рода уже при первом рассмотрении делают зыбким разграничение традиционных понятий «места» и «объекта», «объекта» и «инструмента» и т.д. Целесообразнее поэтому именовать названные формы нейтрально: in-пассивом, an-пассивом и i-пассивом.

Арабо-мусульманский фактор в истории Коморских островов

Зарипов Р.Р.

Институт стран Азии и Африки при МГУ им. М.В. Ломоносова

Целью данного исследования было выявить основные этапы распространения ислама на Коморских островах.

Коморские острова расположены в юго-западной части Индийского океана между о. Мадагаскар и восточным побережьем Африки. Архипелаг состоит из четырех основных островов: Нгазиджа (другое название – Гранд-Комор), Нзвани (Анжуан), Мвали (Мохели) и Маоре (Майотта). Совокупная площадь островов составляет 2033 км². Население смешанного состава. Главная религия (97% населения) – ислам шафиитского мазхаба [Pierre VÉRIN «Les Comores», Paris, «Karthala», 1994, стр. 4-5].

Первый этап распространения ислама связан с прибытием арабов из района Шираза, которые женились на дочерях местных правителей и принесли на Коморы ислам. Распространившись первоначально среди представителей традиционной знати, к XIII в. ислам охватил все население Коморских островов [P.Vérin, стр. 50]. Эта религия Писания дала коморцам письменность, книги и все достижения арабо-мусульманской науки и культуры того времени. Кроме того, приобщение Комор к арабо-мусульманской цивилизации открыло им новые экономические возможности, прежде всего, выход к рынкам Восточной Африки и Ближнего Востока.

В XVII и XVIII веках, благодаря своему удобному расположению, Коморские острова становятся постоянной остановкой для пополнения запасов воды и провизии европейских судов, направлявшихся в Индию и проплывавших через Мозамбикский пролив [P.Vérin, стр. 75]. Эта спокойная эпоха прервалась в конце XVIII века, когда на архипелаг стали совершать постоянные рейды пираты с Мадагаскара. Эти нападения продолжались примерно с 1785 по 1820 годы, оставив Коморские острова полностью разграбленными и сильно ослабленными. Мвали и Майотта были захвачены малагасийскими пиратами, местные султаны были свергнуты. Традиционные правители островов призвали на помощь европейские державы, которые не замедлили эту помощь оказать. На Коморских островах открыли свои консульства Франция и Великобритания. Однако после открытия Суэцкого канала англичане охладели к этому региону. Отныне водный путь в Индию пролегал через Северо-Восточную Африку, куда и устремились интересы Альбиона. В 1886 г. Франция объявила Коморские острова своим протекторатом [Hervé CHAGNOUX et Ali HARIBOU «Que sais-je ? – Les Comores», Paris, «Presses Universitaires de France», 1980, стр. 29].

Период с 1886 по 1912 г., когда Коморы стали колонией Франции, характеризуется хищнической деятельностью французских колониальных компаний, которые конфисковали земли коморцев, а самих их заставляли на них работать, выращивая тропические культуры на экспорт за символическую оплату. Это привело к быстрому обеднению коморского населения. Не получая поддержки от своих султанов, часто связанных договорами с французами, коморцы обратились к богу. Последняя треть XIX в. характеризуется резким взлетом религиозности, настоящим исламским возрождением на Коморских островах. В частности следует выделить активную деятельность суфийских братств – тарикатов. К концу XIX в. более 80% населения архипелага состояли в том или ином братстве [Sultan CHOUZOUR «Le pouvoir de l'honneur», Paris, «L'Harmattan», 1994, стр. 48]. Тарикаты аккумулировали энергию недовольства коморцев, направив ее в религиозное русло и не дав разразиться в революцию. С тех пор ислам стал универсальным ответом коморцев на любые вызовы.

Таким образом, можно выделить следующие этапы распространения ислама на Коморских островах: первично охватив знать, а потом все население между X и XIII вв. н.э., ислам смог к XIX в. стать цементирующим и сплачивающим элементом коморского общества, универсальной реакцией его на кризисные ситуации, такие как французская колонизация и ограбление населения колониальными компаниями. Авторитет арабов и ислама, по мнению автора, зиждется на том факте, что арабы были единственным народом в истории Коморского архипелага, который не напал на острова и не грабил население, как это делали малагасийские пираты и европейцы. Свою глубокую приверженность к ценностям арабо-мусульманской цивилизации и желание принадлежать к ней Коморские острова еще раз подтвердили уже в наши дни, в 1993 г., когда вступили в Лигу Арабских Государств.

Институт стран Азии и Африки при МГУ им. Ломоносова

Знакомство с классической китайской литературой началось у Сань Мао в раннем детстве. Особое место занимает роман Цао Сюэциня “Сон в красном тереме”. Образ сна, грезы как иного чертога человеческого бытия является одним из знаковых образов в произведениях Сань Мао. «Сновидение, мечты, безумие разрушают этическую и трагическую целостность человека и его судьбы. В нем раскрываются возможности иного человека и иной судьбы жизни, он утрачивает свою завершенность и однозначность, он перестает совпадать с самим собой» [1]. В произведениях Сань Мао сон фигурирует как квинтэссенция сокровенности душевного русла, отличного от пути материального. Несовпадение внутренней и внешней жизни иной раз бывает настолько разительно, что эта двойственность ищет объяснения, и теория сна как другого бытия довольно богатый литературный образ. Сань Мао опирается здесь на уже сформированную традицию. “Метафора сна – довольно распространенный художественный прием, что в значительной степени связано с той огромной ролью, которую играла в литературе концепция даоса Чжуан-цзы о сне-оборотне (“Сон бабочки”)[2]. В своих духовных исканиях Сань Мао часто сравнивала себя с Цзя Баоюем, главным героем романа «Сон в красном тереме». Цзя Баоюй является воплощением чудесного Камня, в нем “заложены частицы Неба и Земли, начала мужское и женское... двойная природа Баоюя как воплощения Земли и Неба: то есть яви - истинной сущности и сна – земной жизни” [3]. В своей жизни писательница практически идентифицировала себя с ним. “Камень и Баоюй – это путник, бредущий по жизни, пытающийся понять ее смысл. Камень – творение Небес – это символ необычности, а человек, воплощением которого он является – не от мира сего... Он поражает своей одаренностью и в то же время невежеством, добротой и озлобленностью, робостью и необузданной смелостью...”[2]. Подобная противоречивость поведения была свойственна Сань Мао и стала в свое время просто притчей во языцех. Двойственные устремления Баоюя воплощают его любовь к Дайюй и Баочай. Баоюй - волшебный камень посланный пережить “сон” земной жизни, его призвание оказывается в конце романа, когда он уходит с бродячим монахом и навсегда покидает “красный прах” “мирскую суету”. Красный цвет в романе – цвет “разбушевавшихся человеческих страстей” “красной пыли” (мирская суета). Красный цвет становится воплощением бренности мира, тщеты суеты людской, которая то радует своей ослепительной яркостью, то печалит скоротечной бесплодностью” [3]. Последнее свое произведение, сценарий к фильму Сань Мао назвала “Мирская суета”. Этот пленительный и одновременно отталкивающий образ преследовал ее всю жизнь. Сань Мао всю жизнь чувствует противоречивость своих привязанностей и осознает приоритет высшего, тоже хочет уйти, вернуться к чистому источнику, покинуть мир, но у Сань Мао уход от мира отчетливо ассоциируется со смертью. Сань Мао, прожив нелегкую жизнь, решает уйти, трудно сказать, была ли то капитуляция или логическое завершение земных страданий.

Знаковым является символ пустоты – пещера. Пустота “kong” имеет особое значение в буддизме и даосизме, согласно даосизму, “пустота – везде, чем больше пустоты – тем сильнее движение” [4]. Этот образ пронизывает ее творчество. Свою пустоту или опустошенность она представляет как символ уязвимости, с одной стороны, и некоего потенциала, с другой. Ее внутренняя пустота, как вакуум втягивает, всасывает знания о мире – здесь она использует образ воровства. Соломенное чучело (рассказ «Чучело») ворует и поедает все, что может достать, при этом поедание (здесь – имеется в виду чтение) это насыщение своей внутренней пустоты. После смерти мужа (“Феникс”) образ пещеры символизирует опустошенность утраты. Сань Мао просила похоронить ее в пещерах Дуньхуана, она мечтала уйти от мирской суеты в покой и созерцание, уединиться с книгами. Таким образом, можно проследить преобразование образа пещеры от втягивающего знания вакуума в юности, до места последнего успокоения на закате дней – пещеры Дуньхуан. В китайской традиции Великое всеобъемлющее Дао и есть Всеобъемлющее ничто, Великая Пустота. “В этой Пустоте человек постигает Истину. В даосизме это достижение небожительства, в буддизме – особое состояние святости, нирвана. Пустота – это некая надмирная обитель, где человек гармонически сливается с высшей Идеей и прозревает” [2]. При этом Пустота разума – это такое состояние, при котором накопленные знания не мешают восприятию всего нового. Таким образом, пустота воспринимается двойственно, это – движение и в то же время это – покой. Таким образом, образ пустоты внутри переключается с главным лейтмотивом жизни Сань Мао – двойственностью устремлений – к покою и к мирской суете.

1. М.М. Бахтин. *Проблемы поэтики Достоевского*, М.: Худ. лит. 1972, с. 197
2. Д.Н. Воскресенский. *Сага о большой семье, Сон в красном тереме*: роман в 3 т./ перевод В.Панасюка; Т. 3. – М.: 1995
3. А.П. Сычев. Традиционная символика вещей и имен в романе Цао Сюэциня “Сон в красном тереме” // *Проблемы просвещения в мировой литературе*, М., 1970
4. Л.С. Васильев, *Проблемы генезиса китайской мысли*, М.: 1989, с 160.

Новая экономика и парадоксы развития (Таиланд и другие НИС)

Зюзин И.Н.

Институт стран Азии и Африки при МГУ им. М.В. Ломоносова

1. Начало XXI века – период беспрецедентных изменений в экономике, политике, обществе и культуре, связанных с информационной революцией, которая уже произошла в большинстве развитых и ряде развивающихся стран. Данный процесс обуславливает развитие глобальной информационно-инновационной («knowledge-based») экономики, что отражается в качественных изменениях основных показателей экономического роста, роста населения, накопления капитала, инвестирования, конкурентоспособности, совокупной эффективности и др. Современный этап анализа проблем развития характеризуется очень высоким уровнем распространения технологий и, как следствие, высокими скоростями сбора, передачи и накопления информации. К сожалению, такие высокие скорости информационного оборота значительно усложнили адекватный анализ информационного потока, что стало одной из причин рождения многочисленных «заблуждений» и «мифов», которые во многом объясняют появление «парадоксов развития». Попытке охарактеризовать основные парадоксы, а также более детально проанализировать парадокс падения отдачи от капитальных инвестиций в информационные системы посвящён этот доклад.

2. Собственно об НТР как этапе НТП можно говорить начиная с 50-х годов XX века, хотя определённые предпосылки закладывались гораздо раньше. Значительные государственные инвестиции в военные разработки в период Второй мировой войны, в частности, в создание атомного оружия (Manhattan Project) и первых электронно-ламповых вычислителей (ENIAC), сыграли немаловажную роль на первом этапе НТР. С этой точки зрения интересные результаты может дать расчёт составляющей внешних и внутренних инвестиций в экономическом росте по формуле Харда-Домара. Полученные данные, в частности, свидетельствуют, что более высокие темпы роста в США во второй половине XX века в большей мере связаны с более высокими темпами роста внутренних инвестиций и внутреннего

рынка. Рост инвестиции, в том числе и капитальных обуславливает рост нормы капиталовложений, что в конечном итоге должно способствовать экономическому росту, но лишь до определённого уровня – парадокс Уитни.

Можно попытаться проанализировать в контексте НТР структуру экономического роста ведущих развитых стран (США и Японии) с точки зрения экстенсивных и интенсивных составляющих (модель Фуртадо). Данный расчёт может показать, в какой мере развитие обусловлено перемещением резервов из отраслей с низкой отдачей и в какой мере – ростом производительности. Рост производительности часто связывают с внедрением новых информационных систем, однако это не всегда так – парадокс Солоу.

3. Особый интерес представляет анализ факторов конкурентоспособности развитых стран в сравнении с некоторыми НИС и Таиландом (основываясь на GCI). Именно необходимость обеспечить конкурентоспособность продукции, а также значительный рост уровня макроэкономического развития и уровня развития общественных институтов в ряде РС создали необходимые условия для инициации крупными ТНК процесса выноса производств в эти страны (так называемый «outsourcing»). Оказывается, что по определённым позициям целый ряд НИС может сейчас уверенно конкурировать с ведущими развитыми странами, но уступая при этом по другим позициям, они проигрывают в общем уровне конкурентоспособности, даже несмотря на высокие темпы экономического роста – парадокс догоняющего развития, парадокс открытости.

4. Получив широкое распространение, процесс выноса высокотехнологичных производств в РС ознаменовал новый этап формирования «новой экономики». Основываясь на данных тайландской статистики можно попытаться оценить роль прямых инвестиций в экономическом росте страны. Особый интерес представляет структура инвестиций по основным секторам экономики и их вклад в экономический рост. В частности, в Таиланде доля продуктов высокотехнологичного сектора экономики в экспорте выросла с практически нуля в 1975 году до более чем 30% в середине 1990х. Нельзя недооценивать роль привлечения квалифицированных специалистов на первом этапе НТР и роль собственных кадров, формирование которых было государственной задачей в ряде НИС, например в Коре, на последующих. Здесь, кажется, уместным сопоставление Таиланда, ряда НИС и развитых стран по индексу человеческого развития (Human Development Index – HDI). Полученные данные в известной мере позволяют объяснить существующее разделение стран развивающегося мира.

5. Стоить отметить, что внешние инвестиции и участие международных организаций зачастую служили своеобразным индикатором для правительств современных НИС. Расчёты показывают, что истоки «тайландского экономического чуда» лежат именно в реализации внутренних резервов: перераспределение ресурсов, внутренние инвестиции, поощрительная государственная политика, значительные государственные заказы и т.д. Немаловажную роль сыграли индикативные планы развития.

6. Из нескольких перечисленных парадоксов развития наиболее интересным нам кажется парадокс Солоу, который отражается в уменьшающейся отдаче от инвестиций в информационных системы и их внедрения. Падение эффективности связано с целым рядом факторов, не последним из которых является человеческий фактор, о чём свидетельствуют скорректированные на качество расчёты уровня образования в дополнение к уже проделанным расчётам по HDI.

Сталинская дипломатия на Ближнем Востоке. 1945 – 1953

Исаев Г.Г.

Санкт-Петербургский государственный университет

1. После окончания Второй мировой войны две державы претендовали на роль мирового лидера: СССР и США. Крах стран Оси, ослабление Великобритании и Франции позволяло расширить сферу советских интересов, включив в нее страны и регионы, которые никогда в истории России в нее не попадали. Ближний Восток прежде считался сферой английского и французского влияния, но дряхлеющие колониальные империи постепенно сдавали свои позиции. Образовывался пресловутый «вакуум силы», заполнить который могли либо США, либо СССР. Еще во время Потсдамской конференции Молотов обратился с просьбой предоставить территорию Ливии под советское попечительство. Причины интереса СССР к Ливии были не случайны: получив Ливию в качестве своеобразной контрибуции, СССР имел возможность закрепиться в регионе, реализовав проект выхода в Средиземное море.

2. 19 марта 1945 г. Молотов сделал заявление о денонсации советско-турецкого договора 1925 г. Турция придерживалась нейтралитета в войне, но были известны факты прохода немецких военных кораблей через проливы. В планах Кремля было окончательно решить вопрос безопасности на юге, и проливы стояли на первом месте. Отношения между Турцией и СССР обострились после предложения СССР внести изменения в конвенцию Монтрё, которая устанавливала режим использования черноморских проливов. В ноте от 7 августа 1946 г. Советский Союз предложил новый режим, в котором выдвинул идею создания черноморскими странами совместной системы обороны проливов от предотвращения использования их во враждебных черноморским державам целях. Турция, поддержанная США и Великобританией, ответила отказом. Кроме этого СССР предъявлял права на территории Карса и Ардахана, которые некогда принадлежали России и были аннексированы Турцией после Первой мировой войны. Реакция Турции была негативной и совпадала с реакцией США и Великобритании.

3. Одновременно сложная ситуация складывалась на границе с Ираном. Еще в 1941 г., опасаясь прогерманского переворота в стране, СССР и Англия ввели войска в Иран. После окончания войны Англия и США требовали вывода советских войск из страны. В Тавризе было поставлено просоветское правительство. Учитывая, что в северном Иране преобладает азербайджанское население, СССР планировал расширить Азербайджанскую ССР за счет Ирана. Однако, как и в турецком вопросе, свою роль сыграло противодействие Англии и США. СССР был вынужден вывести войска, а Азербайджанская республика на севере Ирана была ликвидирована силой иранских правительственных войск.

30 мая 1953 года Молотов заявил, что после смерти Сталина отношения между Турцией и СССР могут улучшиться, и что СССР отныне не имеет никаких территориальных претензий к Турции. СССР декларировал свое возвращение к ленинской политике уважения суверенитета других стран. Однако Турция к тому времени была связана с США экономическими и военными соглашениями и в 1952 г. стала членом НАТО, разместив на своей территории военные базы и контингент атлантического союза. 20 июля 1953 г. МИД СССР направил правительству Турции ноту протеста по поводу присутствия английских и американских кораблей в Стамбульской гавани, расценивая это событие как провокацию. Улучшения отношений между государствами не произошло. Турция в дальнейшем принимала активное участие во всех антисоветских блоках в регионе.

Таким образом, план создания зоны советского влияния на Ближнем Востоке, которая включала бы в себя в себя территории Ливии, Эритреи, Турции и Ирана не был реализован. Вместе с тем, несмотря на неудачу как следствие жесткой политики, нельзя не констатировать прагматичного и грамотного подхода советского руководства, пытавшегося создать линию безопасности далеко за пределами Советского Союза. Отбросив коммунистические принципы, СССР проявлял имперские амбиции, выступая на равных с колониальными империями.

4. Отношения с сионистами СССР поддерживал через Еврейский антифашистский комитет. 18 мая 1948 г. СССР признал Израиль *de jure*. После начала первой арабо-израильской войны СССР в ООН осудил вторжение арабских армий («инспирированное Англией») и требовал немедленного прекращения огня и их вывода с израильской территории. Но очень скоро между СССР и Израилем появились серьезные противоречия – советское правительство отказывалось разрешить советским евреям эмигрировать в Израиль, а высшие круги Израиля, в свою очередь стремились к налаживанию тесных отношений с США.

15 августа 1948 г. премьер-министр Израиля Г. Мейер заявила: «Мы имеем право надеяться, что СССР поймет, что государство Израиль, являющееся страной массовой эмиграции и широкого расселения, не может быть создано без американских евреев, без американского правительства...» Занятие Израилем проамериканской позиции принятие военной и финансовой помощи ознаменовало неудачу советской политики в палестинском вопросе. В дальнейшем отношения между странами ухудшались. 13 февраля 1953 г., после того как на территории посольства СССР в Иерусалиме был совершен дерзкий террористический акт, Москва заявила о прекращении дипломатических отношений с Израилем.

После смерти Сталина отношения между двумя странами были восстановлены. Основным условием, на основании которого СССР возобновляли дипломатические отношения, было неучастие Израиля в военно-политических организациях под управлением США и Великобритании. Фактически, Израиль не нарушал этих условий и не вступал в военные организации, но причины этого были скорее в нежелании стран Ближнего Востока состоять с Израилем в одной и той же военно-политической организации.

Концептуальные доминанты духовной культуры народов сквозь призму языковой картины мира

Калиева Ж.М.

Евразийский национальный университет им. Л.Н.Гумилева, Казахстан

Мы живём в уникальное время – время тесных контактов разных стран, время взаимопроникновения различных культур и народов. Именно сейчас, в новом тысячелетии, весьма актуальной представляется проблема языковой картины мира, постижения языка и культур народов для налаживания дружественных отношений между странами.

Как верно заметил Х.Ортега-и-Гассет, «с момента появления на свет мы живём, погружаемся в океан обычаев, именно они – первая наиболее сильная реальность, с которой мы встречаемся»[1, с.32-33]. Для более глубокого осознания указанной проблемы мы попробуем рассмотреть особенности отражения языковой картины мира на примере Японии и сравнить с Западом и Казахстаном.

Многие лингвисты разделяют теорию американских учёных Сэпира и Уорфа о том, что язык, на котором мы говорим, не только выражает наши мысли, но в значительной мере определяет их ход.

Как справедливо отмечает Н.Д. Арутюнова в книге «Язык о языке», «язык становится как бы двойником *homo sapiens*. Он формирует его сознание»[2, с.12]. Каждая цивилизация, социальная система характеризуется своим особым способом восприятия мира, особым языковым мировидением, сформулированным еще В. Гумбольдтом как научно-философская проблема в начале 19 века. Известно, что сам термин «языковая картина мира» выдвинул немецкий учёный Витгенштейн.

Проблема языковой картины мира рассматривается в данной статье как проблема вклада языка и языковых категорий в выражение и создание глобальных принципов восприятия и членения мира, как проблема взаимодействия культуры, человека и языка, отражения культуры в языке и языка в культуре. В этом отношении интересно рассмотреть и сравнить особенности языкового мировидения японцев, русских, казахов и англичан.

«Япония весьма схожа с Англией чёткостью общественной иерархии: любой контакт между людьми тут же указывает на социальную дистанцию между ними», - пишет В.Овчинников в своей книге «Ветка сакуры»[3, с.72]. Поэтому японец при обращении выражает свою социальную позицию: подчинённое положение или, превосходство по отношению к собеседнику [4, с. 256].

Как писал Ю.М. Лотман в своей книге «Беседы о русской культуре», «культура есть память... когда мы говорим о культуре нашей, современной, мы, может быть, сами того не подозревая, говорим и об огромном пути, который эта культура прошла» [5, с. 8-9].

Языковая картина мира – факт национально-культурного наследия. Язык и есть одна из форм фиксации этого наследия, в т.ч. примет, поверий и т.п. Так, если в русском языке слово *гусь* вызывает представление о важности или жуликоватости, то в английском языке эта реальность ассоциируется с богатством, глупостью и т.п. Ср.: *важный гусь, экий гусь* или *гусь лапчатый* (о человеке); *the goose that lays the golden eggs* = *курица, несущая золотые яйца*, источник обогащения; *as silly* (или *stupid*) *as goose* = *глуп, как пробка* и т.п. В немецких сказках Братьев Гримм *гусь*, как у англичан, - источник обогащения (сказка «Золотой гусь»), а также символ добра (сказка «Гусятница»), находчивости (сказка «Лиса и гуси»).

Слово *волк* в русском языке содержит *жестокость, агрессивность*, а в казахской культуре *волк* – сильный, умный и вместе с тем коварный. Слово *дракон* для европейцев связано с отрицательными определениями, он *страшный и могучий* (в русских сказках – трёхглавый Змей Горыныч), а у китайцев дракону поклоняются, его обожествляют.

На основе вышесказанного можно заключить следующее: изучение особенностей языковых картин мира у разных народов даёт богатый материал для сопоставления культур, учёта их национальной специфики, необходимого для правильной организации общения разных культур и обеспечения понимания ими друг друга.

Так, например, люди вкладывают разные понятия в слово *душа*. Когда русский говорит о своей душе, о себе, он указывает пальцем на грудь и говорит: «Я». Когда же японец или китаец говорит о себе, он указывает пальцем на нос и говорит: «Watashi» (wo). Причём этот жест для жителя Ливии или Сирии означает: «Я клянусь!» Многие европейцы понимают этот жест как несогласие, желание оппонировать и начинают доказывать и убеждают.

Именно поэтому изучение языковой картины мира и её отражения в культурах народов обеспечивает взаимопонимание этих народов, способствует оптимизации процесса общения между культурами.

1. *Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира*/ Б.А.Серебрянников, Е.С.Кубрякова, В.И.Постовалова и др. М., 1988.
2. *Язык о языке: Сб. статей*/ Под общ. рук. и ред. Н.Д. Арутюновой. М., 2000.
3. Овчинников В.В. *Ветка сакуры; Корни дуба; Горячий пепел*. М., 1988.
4. Пронников В.А., Ладанов И.Д. *Японцы*. М., 1996.
5. Лотман Ю.М. *Беседы о русской культуре*. СПб., 1994.

Дальневосточный государственный технический университет

В сети Интернет все чаще и чаще появляются статьи, знакомящие читателей с обстановкой в области образования в КНР. Необходимо обобщить эти данные для представления более полной картины реальности. О чем повествуют эти статьи?

За 20 лет после проведения политики реформ и открытости Китай непрерывно расширяет связи с зарубежными странами, благодаря чему количество иностранцев, приезжающих в Китай учиться, увеличивается с каждым годом, особенно после 1981 г., когда в китайских университетах приняли международную систему степеней.

После объявления Госкомитетом КНР по делам просвещения о снятии Китаем всех ограничений на обучение в стране иностранцев китайские вузы смогли самостоятельно набирать учащихся из-за рубежа, не испрашивая на то разрешения у правительства. Теперь иностранцы регистрируются в учебных заведениях, минуя вышестоящие инстанции. Это привело к увеличению потока студентов в Китай. Только в 2000 г. в более чем 250 вузов Китая поступило около 40 тыс. иностранцев из 154 стран. В 2001 г. в более чем 360 китайских институтов и университетов, поступило около 50 тыс. студентов из-за рубежа. По состоянию на конец 2001 г. общее число обучающихся в Китае иностранцев уже превысило 350 тыс. человек. В 2002 г. количество поступивших в вузы Китая иностранных студентов уже превысило 50 тыс., а общее число обучающихся – 360 тыс. человек. В 2003 г. эти цифры возросли до 60 и 400 тыс. иностранцев соответственно. Студенты приезжают уже из более чем 170 стран и регионов мира. Ныне китайские вузы ежегодно принимают учащихся из Кореи, Японии, США, Индонезии и Германии. Эти страны занимают первые пять мест по количеству студентов, обучающихся в Китае. Кроме того, здесь учатся и студенты из многих других стран мира. Часть из них обучается за свой счет, а часть – бесплатно, в том числе и по различным грантам и в рамках студенческих обменов.

В настоящее время с санкции Министерства просвещения страны около 400 вузов государственного значения получили право на прием иностранных студентов. Пекинский университет, Пекинский университет языков и культуры, Университет «Фудань», Пекинский педагогический университет, Политехнический институт «Цинхуа» и еще более десятка вузов ежегодно принимают свыше тысячи иностранных учащихся каждый.

Китайское правительство всегда обращает большое внимание на работу в области приема зарубежных студентов, рассматривая ее как важное средство для укрепления связей Китая с другими странами. В качестве поощрения иностранных студентов за обучение в Китае в последние годы правительство дает иностранным студентам-отличникам стипендию. Некоторые зарубежные страны тоже предоставляют стипендии и гранты своим студентам, обучающимся в Китае. Ныне около пяти процентов от общего числа зарубежных студентов учатся в Китае благодаря стипендиям.

Образование иностранных студентов в китайских вузах имеет некоторые особенности, отличающие его от образования китайских студентов. В основном, образование для иностранцев подразделяется на бакалавриат, магистратуру, докторантуру и разного рода языковое обучение. И категории иностранных студентов весьма разнообразны: студенты-обладатели Стипендии Правительства КНР, обладатели стипендий университетов Китая, студенты, направленные университетами и организациями разных стран для повышения уровня их знаний, а также студенты, обучающиеся за свой счет. Наибольшие привилегии среди иностранных студентов имеют обладатели Стипендии Правительства КНР – им предоставляется бесплатное обучение, проживание, медицинское обслуживание на срок обучения, культурная программа и ежемесячная стипендия в размере от 800 до 1800 юаней в зависимости от его статуса.

Университеты организуют и познавательные-развлекательные мероприятия, которые способствуют студенческому общению в языковом и культурном плане.

Работа по набору зарубежных студентов на обучение в Китае не только способствует обмену Китая с другими странами в области образования, но и является важной составной частью дипломатической работы Китая.

Причины и обстоятельства отречения Реза-шаха Пехлеви

Кожанов Н. А.

Восточный факультет Санкт-Петербургского государственного университета

Вопрос об отречении Реза-шаха до сих пор не получил должного освещения в современной историографии. Существуют различные версии о его причинах: от нежелания правителя подчиниться оккупационным войскам до его плохого здоровья. Некоторые авторы говорят, что его заставили отречься, но не упоминают, по чьей инициативе это было сделано.

В данной работе на основе документальных и мемуарных источников, научных исследований и периодики сделана попытка выявить причины отречения шаха и факторы тому способствовавшие.

После успешного завершения 31 августа 1941 г. военной операции в Иране Союзники (по расчетам Москвы) должны были заняться подготовкой южного пути поставок ленд-лиза. Но уже 4 октября 1941 г. Черчилль лично подтверждает невозможность какой-либо помощи СССР в ближайшие полгода. Одновременно в эти же дни Лондон объявляет о модернизации трансиранской ж/д и переброске в регион Среднего Востока до 750 000 солдат. Причиной подобной позиции являлись события осени 1941 года, которые давали возможность англичанам предполагать, что очень скоро Москва будет взята, а вместе с ней падет и СССР. Любая помощь ему на тот момент в Великобритании считалась бессмысленной, намного важнее для англичан было защитить нефтяные источники. В этом случае предполагалось держать оборону на Кавказе и в Иране. Такой вариант развития событий Лондон предполагал изначально, о чем свидетельствовали донесения советских дипломатов и сообщения газет того времени.

Подготовка к прогнозируемым событиям требовала решения не только военных, но и политических задач. Для того, чтобы полностью обезопасить себе тыл (на случай переноса военных действий в Иране) Британия старалась создать на территории Ирана подконтрольную ей администрацию, о чем ее дипломаты заявляли московскому руководству. Единственным препятствием на пути англичан был Реза Пехлеви. Даже несмотря на оккупацию он «сохранил контроль над страной и ... армией, или тем, что от нее осталось...». Пока шах продолжал сохранять свою власть, англичане не могли чувствовать себя хозяевами в Иране. Кроме того, Британия не могла забыть пронемецкие настроения шаха. По этой причине закономерным явилось решение англичан сменить шаха.

С этим предложением Криппс явился на встречу к Молотову 12 сентября. Он хотел узнать мнение советского руководства о возможности сменить Реза-шаха. Свое высказывание посол мотивировал тем, что на шаха в «выполнении заключенных с ним договоров положиться нельзя». В качестве альтернативы предлагалось создать регентский совет и выбрать нового наследника из Каджарской династии.

СССР решил не препятствовать Великобритании. Основные задачи Советского Союза в этом регионе на тот момент были выполнены. Сталин предпочел не ссориться со своим союзником.

Дальнейшее обсуждение происходило уже между английским и советским послами в Иране. Единственный вопрос, в котором посол СССР в Иране А. А. Смирнов проявил настойчивость – выбор будущего правителя. Каджарская династия оказалась бы марионеткой в руках англичан, да и не вызвала бы поддержки среди масс населения. Как альтернатива была предложена кандидатура сына иранского шаха – Мухаммада Реза или реставрация отмененной парламентской республики. Влиять на последнюю Лондону было бы сложнее, и Буллард согласился на компромиссную фигуру наследника. Фигура молодого и неопытного шаха устраивала англичан. Информировав Москву о происшедшем разговоре, Смирнов «получил указание поддерживать позицию англичан, которые к тому времени склонились к возведению на трон сына Реза-шаха».

Операция по смещению Реза-шаха началась с пропагандистской компании. Союзниками через радиовещательные станции и органы печати была развернута антишахская пропаганда. Реза-шах в очередной раз с августа 1941 г. проявил государственную мудрость. Обоснованно опасаясь, что он будет свергнут в результате подготовленного извне переворота, или ее просто сменят силой нескольких дивизий, Реза Пехлеви отрекся от престола в пользу своего сына. Был ли такой шаг «подсказан» ему через каналы английских спецслужб можно только догадываться. С этим решением «совпало» начало марша советско-английских войск на Тегеран, проводимый под предлогом изгнания немецких шпионов из столицы. 16 сентября произошло отречение. 17 сентября советские войска вступили в Тегеран.

Подводя итог, можно утверждать, что Реза Пехлеви заставили отречься от престола. Причем, как и при принятии решения о вводе войск в Иран, инициатива здесь принадлежала англичанам.

Анатмавада, буддийская доктрина о не существовании души

Коротков Е.А.

Санкт-Петербургский государственный университет

Учение о не существовании индивидуального вечного «я», называемого санскрите анатмавада, отличает буддизм, как от большинства неиндийских религий, так и от ортодоксальных религий Индии, признающих учение о «я» и о душе.

Философское значение атмана – рефлексия, положенная как нечто сущее. В широком смысле слова атман чего-то или кого-то есть то, что делает это нечто или этого некто самим собою. Обычно, понятие атман применяется к живым существам. Иногда атман понимается как духовная всепроникающая субстанция. Вопрос об атмане является одним из важнейших в индийской философии. [2]

Буддизм видел в чувстве «я» источник всех прочих помрачений, затягивающих живое существо в трясину сансарического бытия. На религиозно-доктринальном уровне буддизма этот принцип представлен идеологемой *анатма*: «не душа»: нет ни души индивидуальной, ни Души Мировой.

Но если нет души, то, что же такое личность? Буддисты отвечают, что личность суть только имя для обозначения соединенных в определенном порядке пяти групп психофизических элементов. Под пятью группами, называемые пятью скандхами (дословно «куча»), подразумевается пять ступеней восприятия, сопровождающиеся осознанием. Это группа чувственного, группа чувствований, группа понятий, группа мотивирующих факторов и сознание как таковое.

Мы видим, что участие сознания происходит даже на уровне чувственного восприятия, то есть в понимании «личности» не существует отдельно «человека» и, допустим, «солнца», а есть некое единое поле опыта – человек, видящий солнце. То есть, казалось бы, внешний объект – уже часть личности, включенная в неё через восприятие. Солнце стало частью внутреннего мира, частью «личности». Основную идею можно сформулировать так, что мир нас окружающий это не мир, в котором мы живём, а мир, который переживаем. [1]

Резонный вопрос: если нет никакой души, то что же перерождается? Ответ на него достаточно парадоксален: ничто не перерождается и не переходит. Вопреки распространённому заблуждению, в буддизме вообще нет учения о перевоплощениях, или реинкарнациях. [1] Человек в буддизме не есть воплощенная душа, он – поток состояний. Так что более корректным будет заменить такие выражения, как «перерождение», на «чередование рождений и смертей», которая интерпретируется как радикальная перегруппировка дхарм. Дхарма это базовый термин философии, это элементарное психофизическое состояние. Слово может быть переведено как закон, принцип. [3] Дхармы постоянно возникают и исчезают, заменяясь новыми, но обусловленными предшествующими дхармами по закону причинно-зависимого происхождения. То есть, каждое мгновение существует новая личность, причинно связанная с предыдущей, и обусловленная ею же.

1. Торчинов Е.А., *Введение в буддологию*. СПб., 2000.
2. Альбедиль М.Ф., Лубянский А.М., *Индуизм, Джайнизм, Сикхизм*. М., 1996.
3. Кузнецов Б.И., *Тибетика*. СПб., 2003.

Персидская Казачья Бригада в конце XIX – начале XX вв.

Кочешков А.А.

Институт стран Азии и Африки при МГУ им. М.В. Ломоносова

Задачей исследования является рассмотрение деятельности Персидской Казачьей Бригады (далее – ПКБ), ставшей важным этапом создания современных вооруженных сил Ирана. Руководимая русскими офицерами-инструкторами, ПКБ стала профессиональной школой для иранского офицерского корпуса. Служба в Элитных военных частях формировала необходимый профессиональный уровень и политические взгляды. Неслучайно основатель династии Пехлеви Реза-Шах начинал свою карьеру офицером ПКБ.

В работе использованы источники и литература на русском, английском и персидском языках. Важное место среди привлеченных материалов занимают документы из АВПРИ, часть которых впервые вводится в научный оборот.

В 1878 г. Наср-эд-Дин-шах совершал свое второе путешествие в Европу. Охранявшие маршрут его следования казачьи части русской армии выучкой и дисциплиной произвели на шаха сильное впечатление, которое оказалось решающим фактором в выборе инструкторов для иранских кавалерийских подразделений. Неслучайно речь зашла о создании кавалерийского корпуса: в условиях иранского бездорожья и географической протяженности были крайне необходимы образцовые конные части. В этом же году шах издал переданный российскому правительству указ, по которому и была создана ПКБ.

В Иран была направлена миссия во главе с подполковником Генерального Штаба А. Домонтовичем, который стал первым командиром ПКБ. Впоследствии был подписан концессионный договор, определявший порядок назначения командира ПКБ, жалование и обязанности инструкторов. Командир ПКБ подчинялся шаху и садр-азаму с оговоркой, что в вопросах политических он выполнял распоряжения русского посланника.

Официально в его обязанности входили тренировка и обучение персидских кавалеристов, но реально его полномочия и возможности были шире, ибо он являлся ближайшим советником шаха. Командир ПКБ поддерживал

регулярные сношения со штабом Кавказского Военного Округа. Так, ротмистр Бельгард, выполнявший функции главы ПКБ за 9 месяцев службы отослал в Петербург «по разным отраслям военных сведений 37 работ и 16 листов пятивёрстной карты, а по текущей военной агентуре - 20 работ».

Стоит отдельно рассмотреть вопрос о финансировании ПКБ, которое осуществлялось за счёт доходов с таможен Северного Азербайджана. Русские офицеры и урядники получали жалование как от русского правительства, так и от шахской казны. Солидные оклады были у персидских офицеров ПКБ, да и у рядовых казаков-иранцев. Иранское же воинство, годами не получавшее жалования, «являло собой пример отрицательной военной дисциплины». Численность ПКБ колебалась, обнаруживая тенденцию к росту: от 600 человек в конце XIX века до 1,5 тысяч человек к 1905 году, и даже 7 тысячам - к 1921 году, - в ней имелись пешие подразделения и две артиллерийские батареи. В 1921 году ПКБ приобрела дивизионный статус.

Казармы ПКБ находились в самом центре Тегерана. Помимо них в собственность ПКБ также входили конюшни, складские помещения, в том числе арсенал, больница и русско-туземная школа. При формировании ПКБ действовал принцип этнической избирательности. В первую очередь зачислялись представители воинственных кочевых племён: шахсевены, выходцы из ряда курдских племён, туркмены. Горожане принимались на военную службу с особой осторожностью и в ограниченном количестве. Главной задачей ПКБ была гарантия личной безопасности шаха и его семьи. По сути ПКБ выполняла военно-полицейские функции.

Стоит обратить внимание, что в условиях жёсткого англо-русского соперничества в Иране любой шаг русского руководства (оно всегда было невелико) имел сильное общественное эхо. Примером сказанного могут послужить раскритикованные прессой действия командира ПКБ полковника Ляхова в кризисных ситуациях 1908-1909 годов: разгон межджиса в первом случае и низложение Мухаммад-Али-шаха во втором.

1918-1921 годы являются особым этапом в истории ПКБ. Ликвидация концессии в 1921 году привела к постепенному вытеснению русских офицеров из ПКБ, а также к полному переподчинению её английским советникам. Парадоксом этого периода стало резкое увеличение численности штата русских военнослужащих за счёт офицеров-эмигрантов. ПКБ участвовала в подавлении движения Кучек-Хана, или восстания «дженгилийцев», во время которого казаки воевали не только с повстанцами, но и с частями Красной Армии. На счету ПКБ и разгром первой советской миссии в Тегеране во главе с И.О. Коломийцевым.

1. АВПРИ. Ф.596. Оп1. Ед. Экз. 377 Гаубе М.А. *Записки Гаубе Константина Константиновича «Персидская жандармерия, инструктируемая шведами»*. Январь 1915.
2. Газета «Речь» 1900-1909 гг.
3. Косаговский В.А. *Из тегеранского дневника*. М., 1962.
4. Мамонтов С.А. *Очерки современной Персии*. СПб., 1908.
5. П. Стрелянов (Калабухов), *Неизвестный поход*. М., 2001.
6. Brown E. *The Persian Revolution*. L., 1966.
7. Ahmad Kesravi, *Tarix-e Mahrute-e Iran*. Teheran, 1975.

Особенности внешнеэкономических отношений СРВ и КНР

Кочкин П. Е.

Институт стран Азии и Африки при МГУ им. М.В. Ломоносова

Последние три десятилетия XX века отмечены крупнейшими преобразованиями в Азии: мировая экономическая активность начала быстрыми темпами перемещаться из региона Атлантики в регион Азиатско-Тихоокеанского бассейна. Вслед за Японией и первыми новыми индустриальными странами, Китай и страны ЮВА, входящие в группу АСЕАН, заявили о себе высокими темпами экономического роста. Членство в АСЕАН и укрепление всестороннего экономического и научного сотрудничества с КНР стали одним из приоритетных направлений внешней политики и дипломатии современного Вьетнама. Успешная китайская экономическая реформа, ее теория и практика, стали объектами пристального внимания со стороны вьетнамского руководства, которое постоянно использует уроки Китая в деле формирования рыночной экономики. Укрепление связей Вьетнама с КНР и государствами АСЕАН является важнейшей гарантией мира и безопасности в Восточно-Азиатском регионе [1].

Исследователи отношений между СРВ и КНР выделяют ряд причин, позволяющих надеяться на то, что добрососедские отношения сохранятся и в будущем [2]:

1. Обе страны остались недовольны результатами взаимного противостояния конца 1970-х - начала 1980-х, так как Китай не сумел добиться впечатляющих военных результатов, а Вьетнам осознал невозможность процветания, оставаясь изолированным военным лагерем.

2. Преимущества от нормализации отношений быстро принесли плоды – экономика обеих стран отреагировала стремительным ростом, особенно в приграничных районах. Произошел процесс превращения пограничных провинций Китая в сравнительно крупных торговых партнеров соответствующих пограничных провинций Вьетнама. Начиная с 1991 года, темпы прироста приграничной торговли были очень велики. В 1992 году, например, они составили 600%. Всего с 1991 по 1999 год объем приграничного товарооборота вырос на 4500% [3]. Все большую долю местного бюджета стали составлять поступления от сборов таможенных пошлин и налогов с приграничной торговли, что стимулирует развитие вьетнамских пограничных провинций.

3. Географическое положение Вьетнама во многом определяет выбор экономических партнеров. Известно, что более 70% [4] всей торговли Вьетнама приходится на страны Азиатско-Тихоокеанского региона. Громадный потребительский рынок Китая стимулирует Вьетнам с каждым годом увеличивать объем своего экспорта.

Общий объем торговли между двумя странами достиг 3,26 млрд. долл. США в 2002 году, что является большим ростом по сравнению с 1997 (1,44 млрд. долл. США) и 1991 годом (всего лишь 30 млн. долл. США). Японские исследователи из университета в Кейо совместно с Азиатским отделением Всемирного Банка провели расчет индекса интенсивности торговли для многих стран Восточной Азии. Индекс выше единицы указывает на интенсивную двустороннюю торговлю. Чем выше индекс, тем более важным торговым партнером является страна-реципиент. Индекс интенсивности торговли между СРВ и КНР растет (с 2,0 в 1995 до 2,8 в 2000г.) [4], что подтверждает важность Китая для развития вьетнамской внешней торговли. Вступление Китая в ВТО будет иметь неоднозначные для Вьетнама последствия, но уже ясно, что со снижением торговых барьеров Китай станет еще более привлекательным импортером для СРВ.

4. Что касается инвестиционного сотрудничества, то в виду того, что обе страны являются реципиентами иностранных инвестиций, их взаимные капиталовложения очень незначительны. Так, к концу 2002 г. материковый Китай вложил в СРВ 291,6 млн. долларов США [5], что составляет 0,7% реализованных инвестиций, в то время как доля стран китайского ареала (Сингапур, Гонконг, Тайвань) – около 40% всех капиталовложений в экономику СРВ. Инвестиции же СРВ в экономику Китая сравнительно малы – 100 млн. долларов США [4] и совершенно теряются на общем фоне иностранных инвестиций, составляя 0,02%.

Тем не менее, существует и ряд проблем для Вьетнама. Для иностранного капитала Китай является гораздо более привлекательным реципиентом инвестиций, чем Вьетнам, в силу многих причин (более прогрессивное законодательство, вступление в ВТО, бездонный рынок и т.д.) и, таким образом, как бы оттягивает от Вьетнама иностранные инвестиции.

5. Существенно, что улучшение отношений между Вьетнамом и Китаем вписывается в общую политику более тесного сотрудничества со странами региона и мирового сообщества на основе прагматического подхода, основанного, прежде всего, на интересах обеспечения экономического роста. Как известно, Вьетнам считает Тайвань территорией, неотделимой от КНР, и имеет торгово-экономические отношения с островом не на уровне правительств, что, с одной стороны, способствует укреплению отношений с КНР, но с другой, несомненно, сдерживает в некоторой степени развитие торгово-экономических отношений с одной из наиболее развитых территорий ЮВА.

1. Нгуен Динь Хонг. *Современное состояние и перспективы внешнеэкономических связей Вьетнама с Китаем и странами АСЕАН*. Автореф. дисс. канд. экон. наук, Москва, 1996.
2. Womack B. *Vietnam and China*. Conference on Vietnam in 2001: Prospects for Economic and Social Progress. The Kenney Auditorium, Washington, D.C., November 16-17, 2000, abstract.
3. Nguyễn Minh Hằng. *Buôn bán biên giới Việt Nam – Trung Quốc lịch sử – hiện trạng – triển vọng*. Hà Nội, Nhà xuất bản khoa học xã hội, 2001, 307 tr.
4. Sakakibara E., Yamakawa S. *Regional Integration in East Asia: Challenges and Opportunities*. World Bank East Asia Project, Global Research Center, Keio University, 2002, 186 p.
5. Niên Giám Thống Kê, Statistical Yearbook 2002. Hà Nội, Nhà xuất bản thống kê, 2003, 725 tr.

Синтез античной и местной городских традиций в державе Селевкидов (312-64 гг. до н.э.)

Крючков И. А.

Институт стран Азии и Африки при МГУ им. М. В. Ломоносова

1. В данной работе представлены обобщенные результаты исследования социального устройства античного полиса и древнего города на Среднем Востоке, влияния этих городских традиций на формирование городов в державе Селевкидов (312-64 гг. до н.э.) и роли социальной организации полиса в падении Селевкидской империи. Источником исследования стали документы из архивов нескольких городов эпохи Селевкидов.

2. Существует довольно широко распространенное определение античного полиса как «города-государства», однако это определение вряд ли можно назвать точным. Сущность полиса была определена еще в древности греческими мыслителями, то есть самими жителями полисов. Для них важнейшей составляющей этого социально-политического объединения был коллектив граждан, определенным образом организованная общность людей. Аристотель отмечает важность формы этой общности (ее отличие от прочих форм общественного строя), ее цели (ее отличие от целевой направленности других социально-политических систем) и «качества» того человеческого материала, из которого «сделано» общество граждан полиса. В общем, «классический» греческий полис можно определить не как «маленькое государство», а как специфическую гражданскую общину.

На Востоке первые города развивались вокруг центра, который мог обеспечить безопасность его горожанам. Обычно в качестве такого центра выступал либо храм, либо крепость-резиденция местного правителя (или сразу оба из них порождали один город). В собственности у храма или другого политического и экономического центра того времени была земля, которая обрабатывалась рабами с помощью инвентаря, который также был собственностью центра. В эпоху эллинизма выгодное стратегическое положение и мощные городские укрепления уступают в важности интенсивности развития товарно-денежных отношений, ремесла, близости к торговым путям.

3. К началу III в. до н.э. на территории бывшей персидской державы сложилось крупное государство Селевкидов, основанная соратником и полководцем Александра Македонского Селевком I Никатором. Его предшественники управляли державой из Ирана – географического центра государства, но Селевк I решил сделать из своих владений средиземноморскую державу. Это решение повлекло за собой и развитие восточных городов по эллинскому образцу. При Селевке I и его сыне Антиохе I градостроительство в молодой державе велось быстрыми темпами. Уже первый правитель строит примерно 60 городов, 16 из которых названы Александриями и 9 – Селевкциями. Города Селевкидов строили по единому образцу, руководствуясь правилами Гипподамовой системы градостроительства. Институты эллинистических городов на Востоке в эпоху Селевкидов были, в основном, заимствованы из греческой традиции. Однако все они контролировались верховной властью через эписатрагов, что не было присуще «классическим» эллинским городам. Граждане владели клерами, которые обрабатывались местным населением. В городах эллинистического Востока храмы греческим богам соседствовали со святилищами местных восточных богов.

4. Политика урбанизации первых Селевкидов вначале способствовала экономическому подъему державы. Однако в этой же политике заключалась и основная причина скорого угасания и раскола молодого государства. На недавно завоеванные территории вводилась новая общинная система, которая подразумевает изрядную независимость населения от центра. Поскольку полис – одна из самых эффективных «самовоспроизводящих» систем, то вскоре экономический подъем полисов обернулся для державы Селевкидов ослаблением государственной власти на местах. Унаследованная от Персии система сатрапий также не способствовала укреплению «вертикали власти». Центробежные силы внутри империи Селевкидов стали настолько мощными, что вскоре она ослабла и в 64 г. до н.э. была покорена Римской империей.

Исторические и конфессиональные предпосылки формирования языковой ситуации в современной Эфиопии

Крючкова Т. В.

Институт стран Азии и Африки при МГУ имени М. В. Ломоносова.

Африканский континент один из наименее описанных с точки зрения территориального распространения языков и их диалектов, притом что многие из них зачастую еще не исследованы лингвистически. И в этом смысле положение Эфиопии не более выгодно, чем какой-либо другой страны континента. Первые работы по описанию языков Эфиопии относятся еще к XVII веку, и с тех пор были описаны наиболее крупные языки севера и центральной части страны, в середине XX века появились работы, в которых проводился анализ взаимовлияния наиболее крупных языковых групп и семей на территории Эфиопии [1]. Позднее были опубликованы схематические описания и более мелких языков региона. С другой стороны, данные последней переписи населения Эфиопии (1994 год) [2], а также результаты работы полевых экспедиций позволяют составить достаточно подробную этническую и, соответственно, лингвистическую карту страны. Однако, недостаточная степень изученности языковой ситуации в регионе затрудняет реализацию

поставленных целей языковой политики государства. Не менее серьезной помехой для осуществления языкового планирования в стране стала крайняя скудость информации (а для некоторых районов – полное ее отсутствие) о распределении дву- и многоязычия в регионе.

Однако Эфиопия как страна с более чем двухтысячелетней историей и древней письменной традицией, в отличие от большинства других стран Тропической Африки, обладает мощным внутренним информативным ресурсом, который позволяет на основе анализа богатого наследия исторических документов, хроник, описаний иностранных путешественников выявить основные процессы эволюции языковой ситуации в регионе в зависимости от социально-политических, экономических и культурных условий их развития. В рамках подобного анализа Эфиопия представляет интерес с любой из этих позиций. С одной стороны, это регион, где в течение уже многих веков сосуществуют две наиболее крупных мировых религии – христианство и ислам. Ареалы их распространения начали оформляться еще во второй половине первого тысячелетия н.э. Так, на территории Эфиопии существуют этносы, которые уже более тысячи лет развиваются в рамках соответствующей культурно-религиозной традиции, как, например, христиане амхара или традиционно исповедующие ислам афар и сахо. С другой стороны, на территории Эфиопии представлены практически все традиционные культурно-экономические комплексы: земледелие (амхара), скотоводство (афар), ремесла (джабарты), торговля (харари), кочевнический образ жизни (оромо – борана).

Систематизация данных истории и этнографии, анализ территориального распределения конфессий и культурно-экономических и политических комплексов позволит прогнозировать возможное развитие дву- и многоязычия в регионе, а также сформулировать некоторые закономерности эволюции языковой ситуации в стране.

1. Leslau, W., "The Influence of Sidamo on the Ethiopic Languages of Gurage." // *Language*, Vol. 28, №1, (Jan.-March, 1952), pp. 63 – 81; Leslau, W., "The Influence of Cushitic on the Semitic Languages of Ethiopia: A Problem of Substratum". // *Word* 1:1, 1945, pp. 59-82.

2. The 1994 Population and Housing Census of Ethiopia. Results for Oromiya Region. Summary Report. Federal Democratic Republic of Ethiopia. Office of Population and Housing Census Commission, Central Statistical Authority, Addis Ababa, 1994.

Диаспоры и их роль в процессе формирования внешней политики стран Запада (на примере Франции)

Кузнецов Д.

Московский государственный педагогический университет

Процесс формирования внешней политики стран Запада достаточно сложен и включает в себя ряд факторов. Среди них – значительная роль диаспор, существующих в той или иной стране. Это касается, в том числе и Франции. Деятельность двух крупнейших по своей численности (после французов) национальных общностей Франции – арабской и еврейской общин в контексте их отношения к внешнеполитическому курсу страны на Ближнем Востоке в целом, в конфликте в глобальном масштабе в частности, обозначившаяся во второй половине XX века, довольно типична.

Арабская община Франции насчитывает более 3 миллионов человек [1]. Но, несмотря на это, ее роль в формировании курса руководства страны в отношении конфликта на Ближнем Востоке фактически сведена на нет: в высших эшелонах французской власти не было людей, которые бы не только были из числа представителей арабов, но и хотя бы имели в отношении них сильные симпатии. Вместе с тем, попытки активизации арабской общины Франции все-таки имели место. Соглашаясь либо не соглашаясь с теми или иными действиями руководства Франции на Ближнем Востоке, арабы, проживающие в этой стране, могли выразить свою точку зрения следующим образом: участвуя в опросах общественного мнения [2], проводя демонстрации, высказываясь на страницах ведущих изданий страны, таких, как газета «Монд» [3], а также многочисленных мусульманских газет и журналов, выходящих во Франции, выступая на радио и телевидении.

Еврейская община Франции, численность которой составляет 650 тысяч человек [4], занимает иное положение. Наличие таких благоприятных факторов как прочные позиции лиц еврейского происхождения в экономике Франции, а также целая сеть организаций еврейского толка создавало все условия для активизации деятельности еврейской общины и в политической жизни. Однако активность еврейской общины Франции в сфере воздействия на руководство страны не была постоянной. Усиление ее происходило в периоды наиболее сильного подъема израильских настроений в стране. Показательным в этом смысле стал период президентства Ф. Миттерана (1981-1995 гг.).

Имея тогда в своем распоряжении, казалось бы, значительные средства для оказания влияния на ближневосточную политику Франции и, прежде всего, наличие в среде ближайшего окружения Президента Республики лиц еврейского происхождения (Ж. Аттали и др.), еврейская община, тем не менее, так и не смогла существенным образом повлиять на курс руководства страны. С одной стороны, это объяснялось тем, что вышеуказанное влияние носило в основном опосредованный, а не прямой характер, через СМИ, систему так называемого «еврейского голосования», проведение демонстраций, а также организацию массовых (носящих преимущественно финансовый характер) кампаний в поддержку Израиля. В определенных условиях такая деятельность имела вполне ощутимый, но опять же локальный успех, тем самым, способствуя некоторой, но очень незначительной, трансформации внешнеполитического курса Франции на Ближнем Востоке. Однако, с другой стороны, учитывая, что внешняя политика при Ф. Миттеране являлась его «заповедной» областью, куда не допускался практически никто, а также рационализм французских действий в этом регионе, можно констатировать, что реальных возможностей, которые могли бы кардинально изменить ближневосточную политику Франции, у еврейской общины страны все-таки не было. В реальности политика Франции на Ближнем Востоке в 1981-1995 гг., даже при определенном смещении акцентов в пользу Израиля, строилась иначе. В 1980-е годы арабский мир для Франции, для ее международного положения имел куда большее значение, чем отношения с Израилем. Поэтому деятельность лиц еврейского происхождения была успешной лишь тогда, когда она не противоречила национальным интересам страны.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод: роль арабской и еврейской общин Франции в формировании внешнеполитического курса Франции на Ближнем Востоке на протяжении второй половины XX века не являлась статичной и изменялась сообразно тем переменам, которые происходили как в направленности внешней политики, так и в среде руководства. Однако в целом она была невелика. При этом можно говорить о наличии дифференциации. Если возможности арабов были ограничены, и весьма значительно, то, в отличие от них, лица еврейского происхождения имели куда больше шансов оказать влияние на процесс принятия внешнеполитических решений в среде высших эшелонов власти Франции, что иногда в принципе, и воплощалось на уровне практических действий. Но не этот фактор являлся определяющим. Учет объективных обстоятельств, а также национальных интересов страны представлял собой главный, основной момент, исходя из которого, и строилась французская политика в отношении конфликта на Ближнем Востоке.

1. Страны мира: Справочник. – М., 1999. – С.439.

2. L'Etat de l'opinion. *Clés pour* 1992. P., 1992. P.243.

3. См., напр.: Le Monde. 1993. 12-13 septembre.
4. Брук С.И. *Население мира*. Этнодемографический справочник. М., 1986. С.261.

Древний Вьетнам глазами историков XVIII-XIX вв.

Курохтина Е.В.

Институт стран Азии и Африки при МГУ им. М.В. Ломоносова

Темой нашего исследования является видение вьетнамскими историками XVIII и XIX вв. древнейшего периода истории своей страны. Данная проблема представляет особый интерес, поскольку показывает во многом уникальную попытку вьетнамских историков по-новому интерпретировать свою историю, включая ее древнейшие этапы. Данное исследование является первым подобного рода в мировой историографии. В качестве источников были использованы следующие хроники: 1) «Предварительные записки к историческим запискам Дайвьета» (Дайвьет шы ки тиенбиен), составленные ученым-историком Нго Тхи Ши (1726-1780) в конце XVIII в. при династии Ле (1428-1788); 2) «Общее резюме по истории Вьетнама» (Вьет шы тхонг зям кьонг мук), составленное коллективом авторов во второй половине XIX в. при династии Нгуен (1802-1945).

Для сравнения также используется хроника «Полное собрание исторических записок Дайвьета» (Дайвьет шы ки тоан тхы), составленная Нго Ши Лиеном в XV в., во времена династии Ле. Именно в эту хронику впервые были включены обработанные в духе исторического сочинения легенды и сказания о прародителях Вьетов – Киньзюнг-вьонге, Лак-лонг-куане, Хунг-вьонгах и Анзюнг-вьонге. Во многом это связано с началом оформления официального государственного культа Хунг-вьонгов во Вьетнаме.

Нго Тхи Ши жил и составлял свой исторический труд также при династии Ле. Недаром стиль историка, его приоритеты в отборе информации при составлении летописи соответствуют стилю хроники XV в. Нго Тхи Ши продолжает традиции Нго Ши Лиена, подробно описывая эти легенды. Это говорит о том, что в течение трех столетий идеология Вьетнама не менялась. Таким образом, культ предков на императорском уровне стал уже глубоко традиционным, несмотря на то, что и в той, и в другой хронике составители подвергают сомнению достоверность описанного. В хронике новой династии Нгуен мифы о происхождении вьетов излагаются более кратко, зачастую в комментариях, обычно в пересказе «древней истории», что говорит о частичной утрате интереса.

Изложение преданий – это уже дань традиции. Например, цитата из «Шу-цзина» о китайском императоре Яо, приказавшем Си-ши поселиться в Наньцзяо (т.е. во Вьетнаме), с которого начинается повествование в летописях эпохи Ле, дано в летописи Нгуенов как примечание в контексте дальнейшего исторического повествования. Это место в «Шу-цзине» было чрезвычайно важно для средневековой вьетнамской историографии, поскольку здесь впервые в классической литературе упоминалась их страна. Спад интереса к мифам восполняется интересом к внешней политике древнего Вьетнама. Например значительно более подробно, чем в хрониках эпохи Ле, описывается первое посольство ко двору Чжоу. Это вполне соответствует пониманию Вьетнама себя как империи наравне с Китаем и переоценке китайско-вьетнамских отношений в то время.

Особое значение в хронике Нгуенов имеют географические комментарии и цитирование различных (вьетнамских и китайских) географических описаний. Первый император династии Нгуен Тхе-то (эра правления Зя Лонг) в начале XIX в. впервые в истории Вьетнама объединил всю страну в современных масштабах. Становление империи вызвал рост национального самосознания, территориальные вопросы стали принципиальными. Подробно описано административно-территориальное деление древнего Вьетнама, тут же в комментариях даются особенности его изменения при разных династиях. Интересно, что подробно описан пояс гор Улин (Пять Хребтов), отделяющий центральный Китай от южного. Интерес также вызывает структура книги. В хронике династии Нгуен в первую книгу включена вся древняя история Вьетнама (до начала зависимости от Китая), тогда как в трудах эпохи Ле этот период описан в двух книгах.

В качестве заключения можно сказать, что описание древней истории Вьетнама в хрониках отражает мировоззрение не только авторов данных трудов. Сопоставление материалов летописей позволяет утверждать, что изменение категорий мышления, взглядов на историю, государство, династию происходит в середине XIX в. – к началу написания государственной истории династии Нгуен. История династии Ле, составленная за полстолетия до этого (конец XVIII в.), написана в духе государственной истории «золотого» XV в. и отражает «средневековые» приоритеты Нго Тхи Ши.

Дискуссия о ВВП и темпах роста ВВП КНР в годы реформ

Лапердина В.В.

Институт стран Азии и Африки при МГУ им. М.В. Ломоносова

Китай, будучи крупной, динамично развивающейся страной, заставляет обращать на себя внимание соседей, партнеров и остальных. После смены концепции развития в Китае в 1978 году интерес к стране повысился. Можно выделить три основные дискуссии о развитии страны в период реформ. Обратимся к последнему эпизоду – началу 21-го века, когда основной темой стали успехи КНР с 1998 года. «Проблема оценки ВВП» пограничная тема, на стыке статистики, экономики и политики. Нас будет интересовать статистика. В Китае статистика исторически не сложилась как систематизированная наука.

После начала реформ у КНР появилась заинтересованность в создании развитой статистики. Международные обстоятельства потребовали этого, стал важен статус и имидж страны в мире. С начала 80-х гг. Китай приступил к перестройке своей статистической системы в соответствии с международными стандартами. Эта работа продолжается до настоящего времени. У Китая появилась достаточно развитая полная статистика. Тем не менее, сохраняется масса проблем, заставляющих исследователей сомневаться в правдивости китайских данных, в частности с 1998 года, когда в мире начался экономический спад, сам Китай обнаружил ряд внутренних проблем, но статистика по-прежнему сообщала о быстрых темпах роста экономики.

Остановимся на точках зрения трех западных исследователей Китая, наиболее уважаемых и цитируемых - Томаса Раски, Николаса Ларди, Карстена Хольца. Затем рассмотрим работу главы Отдела национальных счетов НСУ Китая.

Самая радикальная и нашумевшая оценка темпов роста ВВП профессора Питтсбургского университета Томаса Раски дана в статье «Что происходит с китайской статистикой?». Профессор утверждает, что верхний предел средних темпов роста ВВП с 1997 года не превышает 2%, а нижний опускается до -2%. Тесное общение с китайскими экономистами натолкнуло его на эти сомнения. Эта работа логически выстроенная и основанная на знании китайских реалий. В китайской статистике существует множество несоответствий. Выводы в большей степени интуитивны, так как официальные цифры ненадежны. С другой стороны, не имея других источников, исследователь не может провести независимый анализ, элементы которого у Раски присутствуют на примере роста в гражданской авиации. Этот показатель нерепрезентативен, но у ученого были независимые данные об отрасли. Другие два индикатора - потребление энергии, промышленный выпуск - подобраны как традиционно имеющие тесную связь с ВВП и менее подверженные фальсификации.

Н. Ларди в статье «Китай будет продолжать расти» соглашается с официальными цифрами роста. Его аргументы – стремительный рост импорта и фискальных доходов в 1997-2001 гг. Статья очень короткая и посвящена изначально вовсе не проблеме фальсификации официальных цифр ВВП, а вступлению КНР в ВТО. Показатели выбраны очень осмотрительно, к импорту и фискальным доходам в официальной статистике «прикопаться» стало невозможно, но кто может утверждать, что они не завышены.

Третья работа – доклад Карстена Хольца «Быстро, четко, аккуратно» – насколько надежна статистика выпуска и экономического роста в Китае». Автор разбирается в новой классификации промышленных предприятий, введенной в 1998 году. Доказывает, что данные намеренно не фальсифицируются, подробно анализирует подходы других специалистов. Один из основных выводов: «данные не так плохи, как думают некоторые, но в то же время менее надежны, чем полагают другие». Нужно отметить, что автор очень хорошо знаком со статистикой НСУ, но в работе не всегда учтены особенности жизни в Китае.

Последняя работа, стоящая особняком, - «Исследование проблемы подсчета ВВП Китая» главы Департамента национальных счетов НСУ Сюй Сянчуня. Эту оценку можно приравнять к официальному взгляду на проблему. Автор выделяет пять основных отраслей статистики, где существуют проблемы. После корректировок уровень ВВП значительно не меняется, так как в одних отраслях наблюдается недоучет, а в других завышение, конечный результат – ВВП занижен на 1,5% за 1991-1997 гг., что совсем немного, по сравнению с оценками ОЭСР или Всемирного банка. Сюй поднимает известные проблемы статистики, но опять-таки не дает подробных разъяснений, как проводилась альтернативная оценка. Существование работы говорит о заинтересованности Китая в улучшении собственной статистики.

1. www.stats.gov.cn
2. www.dsbb.imf.org
3. Rawski Thomas, *What's happening to China's GDP statistics?* www.pitt.edu/~tgrawski/
4. Lardy Nicholas, *China will keep on growing*, Asia Wall Street Journal online 14/06/2002
5. Holz Carsten., *Fast, clears, accurate: How reliable are Chinese output and economic growth statistics?* The China Quarterly, no. 173, 2003
6. Xu Xianchun, *Zhongguo GDP hesuan wenti yanjiu* / «Исследование проблемы расчета ВВП в Китае» / www.ccer.org.cn

«Школа русского языка при Дворцовой канцелярии»: возникновение, статус и задачи

Лапин П. А.

Институт стран Азии и Африки при МГУ им. М.В. Ломоносова

В XVII в. с установлением русско-китайской границы и началом регулярных дипломатических контактов перед Цинской империей встал вопрос о создании службы, которая могла бы обеспечивать осуществление этих контактов. Вскоре эта задача была решена: Россией с ее «Белым царем» стала заниматься Палата по делам вассальных территорий («*Лифаньюань*»). Палата же в своих решениях стремилась опираться на доклады иного ведомства так называемой Школы русского языка при Дворцовой канцелярии («*Нэйгэ Элосы Вэньгуань*»).

Вопрос о времени учреждения школы остается открытым. Наши изыскания, проведенные в Первом китайском историческом архиве, позволяют датировать создание школы 1708 годом. Был обнаружен «Приказ о создании в ведении Палаты по делам вассальных территорий и Дворцовой канцелярии Школы русского языка», ранее не попадавший в поле зрения исследователей. В этом приказе указаны цели новой организации и, что самое главное, время ее образования - 47 год правления Канси (т.е. 1708 г.) [3]. Схожую точку зрения ранее высказывал Гао Вэньфэн, опираясь на данные маньчжурских фондов того же архива [5;1].

Долгое время преподавание в школе велось русскими. Первым ее учителем стал некий купец Василий, прибывший в Пекин в 1708 г. в числе торгового каравана Петра Худякова. На раннем этапе работы школы система найма преподавателей не отличалась стабильностью. Нередко нанимались случайные люди, как, например, перебежчик Петр Калман, «который был принят в школу русского диалекта для полного изъяснения российских сведений, за что был оженат знатно. В 1771 г. пожалован он был офицером восьмого степени и учинен в школе вице учителем» [2; 24]. В то же время власти приглашали в преподаватели студентов Русской духовной миссии в Пекине. Первым из русских студентов, приглашенным преподавать, стал Илларион Россохин (1717-1761). В 1735 г. с окладом в 40 лян его зачисляют в преподаватели.

После нескольких ревизий в школе (1715 г. и 1725 г.), она начнет набирать 24-27 учеников в возрасте 10-12 лет (такая система сохранится на весь период работы). Дворцовое хранилище выдавало ученикам письменные принадлежности, бумагу и материю для пошива специальной форменной одежды, а также ежемесячное жалование: медью в размере 2 тыс. цяней и рисом на сумму в один цянь [4; 13]. Срок обучения в школе определялся пятью годами и заканчивался выпускными экзаменами на присвоение ранга. Первоначально, система преподавания русского языка не имела определенной методики. Первое учебное пособие появляется после прихода сюда Россохина, который вместе с неким маньчжуром по имени Фулахэ, знавшим русский язык, переводит на маньчжурский язык «Грамматику русского языка» Смотрицкого.

Помимо учебных задач, школа была основным консультационным органом цинского двора в ведении дел с русскими. Канцелярия школы принимала и обрабатывала всю информацию, поступающую от управляющих Русским Подворьем. Русские источники говорят: «при русских находились служители китайцы, кои по приказанию смотрителей российского двора офицеров, примечают и самые малые погрешности в русских, сказывают оное офицерам, кои, без сомнения, все слышанное от слуг вносят в журнал и делают русских людей поступкам оценку» [1; 32]. Источник также говорил, что «убережся же от них никак нельзя, ибо нанятые китайцы все время следуют за тобой» [1; 43]. Таким образом, можно утверждать, что школа имела определенные разведывательные функции, о чем писали сами китайские чиновники. Так, в январе 1759 г. уже цензор Русского Подворья Шэн Бао записал в своем: «Русские ученики во всем слушают своего *да-ламу*, который для них придумал твердые правила. Сейчас ученики много делают, чтобы в наши дома государственные попасть и секреты там получить» [7; 408].

Таким образом, опираясь на архивные материалы удалось реконструировать некоторые особенности организации школы и ее функции. В 1862 году в изменившейся политической ситуации она вошла в состав Пекинской школы иностранных языков («*Тунвэньгуань*»), где, помимо русского, преподавали еще английский, немецкий и французский языки.

1. Веселовский Н. И., *Материалы для истории Русской духовной миссии в Пекине.*, СПб., 1905.
2. «Доношение в Коллегию иностранных дел бывшего в Пекине в Духовной свите церковника Степана Зимина, поданного в 7 июня 1773 году» // *Православие на Дальнем Востоке. 275 летие Российской Духовной миссии в Китае.*, СПб., 1993.

3. Первый китайский исторический архив. Фонд: «Школа русского языка при Дворцовой канцелярии». Архивная папка №3624.
4. Хэ Цютао., *Шофан бэйшэн* (Готовьте колесницы в страну полуночную). Цз.12, Цз.13.
5. Гао Вэньфэн., Элосы Вэнь гуань (Школа русского языка) // *Хуйлунцзян дасюэ сюэбао (Вайной бань)*., Вып. 2., Хэйлунцзян, 1979.
6. Ча Пэнчэн., “Шофан бэйшэн” Элосы гуань цзиши бучжэн (Дополнения к записям о Русском подворье в трактате «Готовьте колесницы в страну полуночную») // Вэньши., Вып.7., Пекин, 1979.
7. Ча Пэнчэн. Элосы гуань яньгэ као (Очерк истории создания Русского подворья) // *Чжуншань дасюэ шисюэ цзикань*. Вып.1, Цзинань, 1992.

Африка в России. Культурные образы

Леонов Б.Н.

Санкт-Петербургский государственный университет

1. Африканская культурная реальность традиционно попадала в Россию двумя путями: непосредственно из Африки и через Европу. Та ее часть, которая попадала к нам через Европу, практически полностью вписывается в парадигму романтизма конца 18 начала 19 века, из которого и берет свое начало. Это Африка экзотическая, загадочная и притягательная. В этом отношении она близка к образам Магриба, Персии, Китая, Японии и другим дальним полусказочным краям, столь увлекшим европейцев в конце 18 века и материализовавшимся в интерьерах российских дворцов того периода благодаря предметам искусства, вывезенным с Востока, и их удачным подделкам. В то же время, если мы посмотрим на материальное выражение африканской культурной реальности в России, то наткнемся на такие предметы как gobelены с изображениями пирамид и верблюдов, фигурки чернокожих невольников в тюрбанах, львиные шкуры и бивни слонов. Все эти предметы, имея некоторое отношение к Африке, не несут в себе никаких образов собственно африканской культуры. Однако все они вписываются в вышеуказанные представления об Африке, попавшие к нам в эпоху романтизма и преобладающие в России поныне.

2. Эти представления поглотили и породили множество культурных символов, таких как африканские корни Пушкина, этнографичные африканские стихи Гумилева, сфинксов с набережной Невы. Но эта система образов представляет собой вовсе не реальную Африку, а лишь ее преломленное через Европу эмоциональное отражение в сознании россиян. Реальная же африканская культура, система образов остается лишь областью интереса специалистов этнографов и искусствоведов. При этом в самой Европе уже в массовом сознании загадочная и чудесная Африка эпохи романтизма в значительной степени уступила место иной Африке, континенту с множеством культур совершенно отличных от классической традиции, которые достойны интереса и уважения. Показателем такого уважения можно считать, к примеру, стоимость предметов этнического африканского искусства на ведущих мировых аукционах, которая порой достигает сотен тысяч долларов.

3. Такая Африка попадала и в Россию в виде отдельных предметов и образов традиционного африканского искусства, чаще всего не через Европу, а непосредственно. Но эти предметы не вписывались в старую традицию и до сих пор не оформились в новую. Поэтому африканское традиционное искусство вероятно еще долго не станет в России таким популярным как на Западе. А то, что принято называть африканским искусством у нас, неизменно будет иметь клеймо «Made in China».

Соотношение традиционных и западных элементов в бытовой культуре Японии периода Мэйдзи (по материалам путевых заметок В.В. Крестовского)

Лещенко К. А.

Институт стран Азии и Африки при МГУ им. М.В. Ломоносова

В начале периода Мэйдзи (1868-1912) после свержения сёгуната Токугава и восстановления власти императора новое правительство путем широкого заимствования западной культуры, науки и техники начало всестороннее преобразование японского общества по западной модели. Его целью было преодоление отсталости Японии и создание в стране «просвещенной цивилизации». В ходе преобразований сфера бытовой культуры также претерпела существенные изменения, тем более что этому способствовало само государство. Некоторые отечественные исследователи полагают, что перестройка повседневной жизни японского общества в период Мэйдзи «наносила ущерб традиционному культурному наследию» [2; 89]. Цель данной работы – уточнить масштабы проникновения элементов западной бытовой культуры в бытовую культуру японцев и характер их влияния в середине эпохи Мэйдзи.

Актуальность этой темы определяется тем, что бытовая культура японцев периодов Токугава и Мэйдзи пока мало изучена российскими учеными. Главным источником исследования стали путевые заметки В.В. Крестовского, известного писателя и публициста второй половины XIX в., побывавшего в Японии в 1880-1881 гг. Его подробные описания дают ценный материал для изучения бытовой культуры Японии 80-х гг. XIX в.

В качестве основных компонентов бытовой культуры японские ученые выделяют устройство жилища, одежду и пищу. Поэтому основное внимание в исследовании уделялось именно этим компонентам.

Архитектура. Крестовский побывал во многих крупных городах Японии (Нагасаки, Иокогама, Токио, Киото, Осака, Кобе) и обратил внимание на то, что главные улицы везде уже мало отличались от улиц европейских столиц. Но и жителями этих «европейских районов» были преимущественно европейцы. При этом автор указывает, что «европейские кварталы» были, как правило, четко отделены от районов застройки традиционными японскими жилищами.

Питание. В путевых заметках Крестовского уделено пристальное внимание теме пищи. Единственным новшеством, принесенным в национальное меню европейцами, отмеченным Крестовским, были мясные блюда. В период Мэйдзи, когда буддийский запрет употреблять в пищу мясо животных потерял силу благодаря правительственной пропаганде полезных свойств мяса, количество его любителей возросло. Но, как видно из заметок Крестовского, мясные блюда для простого народа еще были деликатесом.

Одежда и обувь. Крестовский более всего уделяет внимание повседневной одежде и обуви горожан. Его заметки дают понять, что европейская одежда и обувь к началу 1880-х гг. были уже достаточно широко распространены. Однако отказ от традиционного костюма или его элементов наблюдался в основном в портовых городах среди тех, кто были связаны делами с иностранцами, и у государственных служащих, которым предписывалось пользование мундирами европейского образца.

Заметки Крестовского демонстрируют разные варианты взаимодействия традиционной японской и европейской культуры в бытовой сфере в середине эпохи Мэйдзи. В архитектуре мы видим раздельное сосуществование лишь с незначительными проявлениями синтеза (органического соединения). В культуре питания также заметен синтез, но в целом - приверженность традиции. В одежде наблюдаются синтез и эклектика (механическое смешение), но и она чаще

всего подвержена идее синтеза. В то же время ни в одной из исследованных сфер бытовой культуры не наблюдалось вытеснения новыми элементами традиционных видов.

Главная причина заключалась, очевидно, в том, что все традиционные элементы быта вырабатывались веками и были идеально приспособлены к климатическим условиям Японии. Путевые заметки В.В. Крестовского дают понять, что бытовая культура японцев в период Мэйдзи, безусловно, претерпевала изменения, но вряд ли здесь можно говорить об «эйфории от всего западного» или о «ломке традиций». Новшества появлялись, но на первом месте сохранялись национальные черты бытовой культуры, даже в городах, наиболее тесно соприкоснувшихся с западными традициями.

1. Крестовский В.В. *В дальних водах и странах*. М., 2002.
2. Гришелева Л.Д. *Формирование японской национальной культуры в конце XVI-начале XX вв.* М., 1986.
3. *История Японии*. 1868-1998. М., 1998.

Темы женской поэзии танского периода (618-907гг.)

Масалимова Р.Р.

Бурятский государственный университет

Так сложилось, что произведения танского периода можно разделить по темам: «Природа и поэт», «Прочь от мира!», «Во храме», «Поэзия вина», «Поэзия чая», «Любовь», «Жена», «Друг», «Тоска по древности», «Изгнание», «На чужбине», «Старость».[1]

Касаясь тематики женских произведений, отметим, что авторы-женщины, будучи образованными людьми, писали произведения на эти темы, следуя поэтическим традициям. Но немаловажен тот факт, что они привнесли в классические сюжеты что-то свое, глубоко личное, окрашивая стихи в яркие, эмоционально насыщенные тона.

1. «Природа и поэт». Вечно прекрасная, неизменная в своей красоте она обрела особое звучание, особенно в стихах буддийской монахинь. Созерцая ее величие, уходишь в себя, гаснут думы о низком. Отдаваясь власти природы, отдыхаешь душой, становишься чище. Природа часто становится свидетелем прелести любовных встреч, горести расставания с любимым человеком, надежды на новую встречу: Хай Инь, Лян Цюн, Чжан Вэньци, Доу Лянбин, Сюэ Тао, Юй Сюаньци, Ли Е и др.

2. «Прочь от мира!», «Во храме» - эти темы способствовали раскрытию философского понимания жизни (в особенностях буддийского). В произведениях царит особый мир, где нет места мирской суете, низменным помыслам и деяниям, а главная цель – поиск самого себя, смысла жизни. Многие авторы выражают свое понимание жизни – чаще всего религиозно-философское (даосское, буддийское или представляющее собой сплав этих двух учений): Хай Инь, Чу Эр, «Женщина из рода Сун семьи Лан», Гуань Панлань, Сюй Юэин, Чжан Ин, Гэ Яэр, Ван Сяцин, Ян Дэлин, «Урожденная Чжао», Юй Сюаньци и др.

3. «Любовь». Эта тема раскрывается иначе, чем в произведениях авторов-мужчин. Это не искусственное чувство, заменяющее естественную любовь, а настоящее, живое, трогательное, немного наивное чувство. Порой оно не совсем законное, порой мимолетное, порой безответное, иногда уходящее, но всегда искреннее, находящее отклик в сердцах и понимание в душах читателей.

4. «Разлука». Эта тема нашла яркое отражение в произведениях женщин. Участь женщины в данное время: им часто приходилось разлучаться с мужьями, любимыми. Таков был удел жены, наложницы, певички – ждать возвращения своего господина, уехавшего по делам службы, семейным делам, сдавать экзамены, путешествовать. Многие произведения возникли ввиду политических и военных событий того времени: люди были вынуждены расстаться в силу тех или иных причин: Сюй Юэин, Пинкан Цзи, Чжан Яотяо, Чан Хао, «Певичка из Тайюаня» и др.

5. «Время». Сетование о времени, уходящем в историю, выражение озабоченности по поводу безвозвратности быстро текущего времени, сожаление, что невозможно остановить его стремительный бег, неизбежен приход старости, и ничто не в силах изменить этот круговорот: Лю Цайчунь, Тянь Э, Чжан Янь, Ян Дэлин, Ли Е и др.

6. «Положение в обществе». Здесь особенно ярко проявляется вся тяжесть положения женщины в обществе Китая той эпохи. И талант есть, и достоинство, и род славен, и помыслы целеустремленны, но что все это если твой удел – провести жизнь взаперти, посвятив себя семье, если не в силах изменить свою судьбу. Сетования на непонимание со стороны мужа, на то, что все давно predetermined. Хуа Чунгу, Юй Сюаньци, Ли Е, Чжоу Чжунмэй, Суй Юэин, Цуй Цзынь, «Урожденная Вэй», Цуй Су'э и др.

Исследование женской поэзии танского периода говорит, что некоторые темы раскрыты ярче, полнее. Стихи тоньше, эмоциональнее, в них много инюказаний, намеков. Это блестящий пример для подражания, достойный восхищения. Недаром многие авторы-мужчины порой предпочитали писать произведения от женского лица (Ли Бай - «Стихи о женской доле»).

Танские поэты-женщины - показатель высокого уровня развития поэтического творчества эпохи Тан, в их произведениях нашли отражение достижения и идеи всей китайской поэзии. По признанию многих синологов, величие танской поэзии заключено именно в том, что в это время в поэзию в буквальном смысле слова ворвалась когорта поэтесс, пытавшихся сказать свое в литературе. То, насколько это им удалось, можно судить по их произведениям, вошедшим во многие поэтические сборники.

1. Алексеев В. М. *Китайская литература*. М., 2002, с. 251
2. Встречи и расставания. *Лирика китайских поэтесс I-XX веков*. М., 1993, с. 352.
3. Масалимова Д.Д., Масалимова Р.Р., Масалимов Р.Ш. *Танские поэтессы (618-907гг.)*, Улан-Удэ, 2002, с. 116.
4. Строки любви печали. Стихи китайских поэтесс в переводах М. Басманова. М., 1986, с. 143.

Проблема конкурентоспособности Республики Корея на мировом рынке

Мудрова Е. Б.

Институт стран Азии и Африки при МГУ им. М.В. Ломоносова

Многие экономисты, приступая к исследованию корейской экономики, обращают внимание на успехи и показатели, достигнутые этой сравнительно небольшой страной с небогатыми запасами природных ископаемых и с неблагоприятными изначальными условиями за столь короткий период. С тех пор как Корея приступила к выполнению первого пятилетнего плана развития в 1962 г., ее реальный валовой национальный продукт увеличивался в среднем более чем на 8% в год. В результате ВВП Кореи вырос с 2,3 млрд. долл. в 1962 г. до 468,7 млрд. долл. в 2002 г., а доля ВВП на душу населения увеличилась с ничтожно малой цифры в 87 долл. за тот же период (все расчеты даны в текущих ценах).

Многие исследователи были склонны называть достигнутый прогресс очередным экономическим чудом. Однако скорее последовательная работа всего общества, всех экономических и государственных структур, чем чудо, позволили Республике Корея не только войти в список развитых стран и стать 10 мировой торговой державой, но и занять довольно высокие позиции в рейтинге мировой конкурентоспособности.

Под конкурентоспособностью страны принимается многоплановый показатель, объединяющий конкурентоспособность товара, товаропроизводителя, отрасли, характеризующий положение страны на мировом рынке и включающий в себя множество разнообразных экономических, социальных и политических факторов.

В последнее время сильно возросло значение этого показателя, особенно для стран с экономикой, ориентированной на внешний рынок, к числу которых можно причислить и Республику Корея. Международная конкурентоспособность определяется ежегодно двумя организациями: Лозаннским международным институтом менеджмента и развития (IMD) в Ежегоднике мировой конкурентоспособности и на Международном экономическом форуме в Давосе в Докладе по глобальной конкурентоспособности.

Согласно докладу экономического форума в Давосе от 2004 г., конкурентоспособность страны определяется двумя следующими индексами: индекс экономического роста (18 место РК в 2003 г., 25 в 2002) и индекс предпринимательства (23 место в 2003, 28 в 1998). Первый индекс включает в себя такие показатели, как макроэкономический климат (23 место в 2003 г.), качество государственных институтов (36) и уровень технологий (6). При определении второго индекса учитываются показатель деятельности предприятий (19 место в 2003, 24 в 1998) и эффективность национальной экономической среды (25 в 2003, 28 в 1998). Повышение рейтинга Республики Корея среди других стран, особенно в сфере технологий и по общему состоянию экономики составители этого доклада связывают с такими факторами, как благоприятная для РК международная экономическая ситуация, повышение доверия населения к политикам, улучшение распределения общественных фондов. Особенно отмечен стремительный технологический скачок. У Республики Корея один из лучших на данный момент показатель количества патентов на 1000 человек.

В докладе 2003 г. Лозаннского института менеджмента и развития выделяются 4 направления в определении глобальной конкурентоспособности страны: функционирование экономики (18 место в 2003), эффективность государственного регулирования (18), эффективность предпринимательства (20), инфраструктура (11). Каждый из индексов состоит из множества показателей. В 2003 году самыми сильными позициями для Республики Корея стали: уровень занятости, рост ВВП, торговый оборот, баланс государственного бюджета, внутренний государственный долг, государственные субсидии, общая продуктивность, рост количества патентов, расходы на НИОКР, количество мобильных телефонов на 1000 человек и другие. Среди слабых позиций выделяются следующие показатели: прямые иностранные инвестиции, дискриминация женщин, открытость внутреннего рынка капиталов, регулирование в области банковской системы, уровень высшего образования.

Международная конкурентоспособность зависит также от таких факторов, как случай (это и научные открытия, и изменение международной ситуации) и степень правительственного вмешательства в экономику. Для Республики Корея важны оба фактора. Успешное проведение опытов по клонированию, правительственный кризис марта 2004 г. не смогли не повлиять на рейтинг страны на мировом рынке. Следует учитывать и многочисленные меры, предпринимаемые правительством по повышению конкурентоспособности. Так, например, для превращения страны в финансовый центр Азии был создана «Корейская инвестиционная корпорация», получившая право распоряжаться огромными валютными накоплениями страны, объем которых уже превышает 150 миллиардов долларов.

Сейчас в России напрямую столкнулись с проблемой повышения международной конкурентоспособности, поэтому можно было бы использовать с учетом национальной специфики и опыт Республики Корея в решении этой проблемы.

1. Г.В. Куликов *Японский менеджмент и теория международной конкурентоспособности*
2. IMD World Competitiveness Yearbook 2003.
3. The Report of Global Competitiveness 1998-2003, World Economic Forum.

Особенности историко-культурного развития Арабской республики Египет во второй половине XX века

Мустафина Э. М.

Альметьевский муниципальный институт

Культура с ее составляющими элементами: образованием, наукой, литературой, изобразительными или массово-зрелищными искусствами самым тесным образом связана с политической и социально-экономической обстановкой в стране. Культурные процессы, происходящие в Египте во второй половине XX века, явили собой проекцию постколониального развития стран – бывших колоний. За 50 лет произошли глубокие изменения как в области тематики произведений культуры – от темы борьбы до интереса к вечным ценностям, так и в области формы – от реализма до модернизма.

50-е годы XX века характеризуются общим подъемом египетского народа в связи со свершившимися переменами в стране. Для контроля за функционированием всех отраслей культуры создаются организации, регулирующие работу её деятелей, с правом законодательной инициативы, решения вопросов финансирования, установления цензуры, подготовки кадров. Понимание необходимости развития образования в стране приводит к введению бесплатного обучения, строительству школ, открытию курсов ликвидации неграмотности. Повышение уровня образованности населения обуславливает широкое проведение научных исследований, интерес к которым возрастает в новый период развития страны. Главными темами литературы, изобразительного искусства, искусства театра и кино являлись борьба, связанная с ней тема мира и солидарности народов. Переворот 1952 года, национализация Суэцкого канала, война 1956 года, строительство Асуанской плотины – эти и другие исторические события нашли отражение в подавляющем большинстве произведений деятелей культуры. Имеющая решающее значение для сельскохозяйственной страны аграрная реформа привела к созданию литературных, драматических, живописных и кинематографических произведений, посвященных жизни и борьбе феллахов за землю.

60-е годы характеризуются некоторой двойственностью в развитии культуры. Часть художников, писателей, кинематографистов продолжают тематику 50-х годов. Другие деятели культуры критически воспринимая результаты постреволюционных преобразований, выражают резко негативное мнение в своих произведениях. Часть из них становится сторонниками модернистических течений, что объясняется, прежде всего, разочарованием в политическом курсе власти и результатах революции. Кроме того, подобная трансформация обусловлена также влиянием европейской литературы и живописи, так как не будь для нее благодатной почвы в виде разрыва между интеллигенцией и властью, воздействие оказалось бы не столь эффективным. Уход от реальности усугубляется поражением в войне с Израилем 1967 года. Развитие образования и науки характеризуется серьезными достижениями: введением бесплатного образования на всех уровнях, охватом большого количества людей начальным и среднеспециальным образованием вплоть до перенасыщения рынка рабочей силой. В эти годы также открываются научно-исследовательские центры.

В 70-е годы, с приходом к власти президента Анвара Садата и проводимой им политикой инфитаха, произошли заметные преобразования во всех сферах культуры. Несмотря на экономические успехи нового курса, непонимание и неприятие введенных реформ, ухудшение социального положения основной массы египтян, привело к критике существующих порядков, инфитаха и кэмп-дэвидских соглашений. Авторитарный режим Садата прореагировал на критику репрессиями и деятели культуры были вынуждены эмигрировать либо прекращать свою творческую деятельность.

Значительное место в памятниках культуры занимает концепция модернизма. Общественная тема, конфликта интеллигенции, отчаяния и ностальгии о прошлом также занимает место в литературных произведениях. В области кинематографии отмечается кризис содержания, которое сводится к легким, развлекательным сюжетам.

Сфера образования коммерциализируется: открываются частные учебные заведения, сокращается финансирование из государственного бюджета, уменьшается количество детей, охваченных начальным образованием.

В 80-е годы с приходом к власти Мубарака, предпринимаются попытки либеральных реформ. В произведениях литературы и кинематографии анализируются события насеровского и садатовского периодов, для чего часто используются традиционные национальные жанры. В некоторых произведениях распространяются мотивы ностальгии по прошлому. Произведения искусства отличает философско-религиозная направленность, воплощаемая с помощью модернистских и постмодернистских приемов.

90-е годы характеризуются анализом прошлого, результатов проведенных реформ. Характер кинематографических постановок, литературных произведений усложняется: теперь создателей интересует не просто описание волнующих проблем, но и подача материала с помощью метафор, обращения к прошлому, притчи. Изобразительное искусство больше ориентируется на воплощение общечеловеческих идей: семьи, любви, матери. В сфере образования происходят успешные качественные изменения: все дети охватываются начальным образованием, растет численность преподавателей.

Об эпистолярном жанре в письменной культуре калмыков XVIII в.

Мучаев В.О.

Калмыцкий государственный университет

Как известно, эпистолярный жанр представляет собой один из письменных источников по изучению истории человечества и народа в частности. Несмотря на частный характер, они являются объективным отражением письменной культуры своего времени.

Наше исследование мы решили посвятить эпистолярному жанру калмыцких старо письменных источников XVIII века.

Письма из Национального архива Республики Калмыкия, написаны на вертикальной старокалмыцкой письменности "тодо бичиг" ("ясное письмо"). Письма того времени отличаются своей структурой, определённым стилем, набором дежурных фраз. Как отмечают исследователи [1, 6], в XVIII в. письма имели разные структуры. Однако большинство из них писались по следующей схеме: 1) Имя адресата с указанием должности и всех его званий; 2) Вопрос о здоровье адресата; 3) Сообщение о своём здоровье; 4) Основное содержание письма; 5) Имя адресанта, отправителя письма; 6) Дата: название года, месяца и дня по лунному календарю; 7) Название местности, где написано письмо.

Для своего исследования мы выбрали одно из писем Аюки-хана (1642-1724) [2], выдающегося политика, оставившего заметный след в истории своего народа, правившего Калмыцким ханством в течение 50 лет.

Ниже мы даем его перевод на русский язык, выполненный нами:

«Аюка хаан здесь со всеми здоров. Астраханский боярин Михаил Ильич, надеюсь, со всеми здоров. Если будут вести от Белого хана о Турции и Кубани, пиши мне. Почему ты не сообщашешь о сведениях с четырёх сторон. Впредь услышанные новости передавай через посыльного Иши. Посыльный Иши впятером. Есть информация переданная устно»

Письмо написано 8 сентября 1714 г.

Исследуемое письмо написано на толстой серой бумаге чёрной тушью. Текст состоит из семи предложений, которые уместились в восьми вертикальных строках по 7-8 слов в каждой. Текст грамотный, орфографических ошибок нет. В начале письма в левом верхнем углу стоит знак «бирга», который ставится обычно вначале каждой страницы в ойратских и тибетских письменных источниках. Письмо начинается с сообщения о своём здоровье. После этого хан осведомляется о здоровье астраханского боярина. Порядок этих двух фраз сохраняется во всех его письмах. Это не случайно. В научной литературе имеется информация о дипломатическом этикете монголов, предполагающем, что первым о здоровье спрашивает менее знатный, или зависимый человек. [3; 9] Поэтому считаем, что Аюка-хан, следуя традициям монгольских ханов, сообщает о своём здоровье в первой строке, как бы уже отвечая на вопрос боярина, обращённый к нему, тем самым выражая своё превосходство над астраханским боярином, считая себя лицом выше как государственного деятеля. О его отношении к астраханской администрации в свое время писал историк Н.Н.Пальмов. [4, 55]

Аюка-хан называет русского царя «ик цаган хан» – «великий белый хан». Исследуя письмо, мы заметили, что слово хан встречается в двух случаях: «хан» с одной «а» (так он называет Петра I) и «хаан» с двумя «а» (когда пишет о себе). Дело в том, что «хан» в старокалмыцком языке означает «удельный князь», «царь», а «хаан» - «великий царь», «император», «потомок кагана». Относясь с большим уважением к русскому царю, находясь во владении России, подчиняясь ей, калмыцкий правитель тем не менее продолжал считать себя потомком кагана. Возможно, что это стилистическое выражение самооценки Аюки-хана по отношению к астраханскому боярину.

Хан интересуется информацией о Турции и Кубани. Это связано с русско-турецкой войной 1710 г. и частыми набегами татар из Кубани на калмыцкие кочевья. С начала XVII в., времени перекочевки из Центральной Азии на берега Волги, калмыки участвовали во всех войнах России. Между Аюкой-ханом и Петром I был заключен договор о том, чтобы калмыки охраняли южные границы Российского государства.

Краткость письма и требовательность тона свидетельствуют, на наш взгляд, о категоричности и немногословности Аюки-хана. Причиной краткости письма могла быть традиция калмыков часть информации передавать через посыльного устно. Нашу версию подтверждает и последняя фраза письма: «Есть информация, переданная устно».

В конце письма стоит большая квадратная печать красного цвета.

Таким образом, на примере одного письма Аюки-хана можно получить интересные сведения не только об эпистолярном жанре калмыков, но и об исторических событиях, нравах и традициях народа.

1. Кокшаева Н.О. Калмыцкие документы эпистолярного характера // *Актуальные проблемы алтаистики и монголоведения*. – Элиста, 1999; Сусеева Д.А. Об эпистолярном стиле старокалмыцкого письменного языка // *Филологические вести КНИИЯЛИ*. Выпуск 1. – Элиста, 1968.

2. Национальный архив РК. Ф. 36. Оп 1. Ед. хр.6.

3. Шастина Н.П. Алтын-ханы в Западной Монголии в XVIII в. // *Советское востоковедение*, VI – М.; Л., 1949.- С.391.
4. Пальмов Н.Н. *Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России*. – Элиста, 1992.

Экономический рост в Индии в эпоху глобализации

Небогатова О.А.

Институт стран Азии и Африки при МГУ им. М.В. Ломоносова

С наступлением эпохи глобализации проблемы экономического роста и развития встали с еще большей остротой для большинства развивающихся стран. Чрезвычайно интересным в этом контексте представляется пример Индии. Индия - это целая крупная экономическая и цивилизационная система, достаточно самодостаточная, поэтому, казалось бы, в меньшей степени способная извлечь выгоды от глобализации.

По оценкам Резервного Банка Индии, за первые три декады после обретения независимости индийская экономика стагнировала, однако подобный сценарий изменился уже в 80-х годах. Ускорение роста в этот период выдвинуло индийскую экономику на новый виток, но процесс роста в этот период становился все более нестабильным – это подтверждает нарастание макроэкономических диспропорций в виде высокого фискального дефицита, высокого уровня дефицита баланса по текущим счетам, растущие показатели внешнего долга, а также репрессивная и ослабляющая финансовая система. Эти явления усилили действие экономического шока 1990 года.

Сложившаяся ситуация и подтолкнула правящие круги Индии к проведению экономических реформ. Непосредственными задачами реформ были объявлены «достижение стабилизации» на макрофинансовом уровне и «реструктуризация» — на отраслевом уровне. Реформы охватывали практически все сектора экономики, хотя их «радикальность» была различной.

Темпы прироста ВВП Индии в 1950-70 годах составляли в среднем 3,7%, в 70-х годах – около 3%, в 80-х годах темпы были на уровне 5,7%, а в пореформенный период (с 1992 по 2002) они в среднем составляли 6%. Пересчет данных с помощью индекса Дивизия не дает радикальных изменений темпов роста, что говорит в пользу их относительной точности и реалистичности.

Также в пользу реалистичности ускорения индийской экономики говорит и повышение стабильности (устойчивости) экономического роста. Коэффициент погодовой флуктуации за 1991-2002 годы составил около 31% после высоких показателей «неустойчивости» 70-х годов (138,2%).

Для оценки «вклада» глобализации, или некоторой переориентации Индии на внешние факторы роста, автором была предпринята попытка рассчитать вклад экспорта в экономический рост Индии, выраженный темпами роста ВВП. В целом, как и ожидалось, вклад экспорта несколько увеличился за период реформ (с 4% в 70-ые годы до 8% в 80-ые годы и почти 20% в пореформенный период). В то же время, другими авторами было, в частности, подсчитано, что в 1979-1997 гг. рост экспорта позволил обеспечить 21% роста ВВП в Китае [1, 79].

По ряду оценок, в настоящее время объем притока иностранных инвестиций в экономику Индии составляет всего 11,45% [2] всей потребности, что свидетельствует о большом потенциале их дальнейшего роста. Рассчитанный автором показатель эффективности капиталовложений за период 1950-1980 годы составил 24%, за период 1981-2002 – 25%. Внешнее финансирование составляло в конце 70-х годов около 20% общего финансирования, в 80-х – 8%, а в 90-х – около 5%.

В поисках ответа на вопрос об источниках экономического роста Индии была также рассмотрена роль перераспределения ресурсов между отраслями экономики из секторов с меньшей отдачей в высокопроизводительные сектора, так как это обычно оказывает достаточно сильный эффект на экономический рост.

Традиционно принято считать, что по мере экономического развития в стране сокращается доля сельского хозяйства в занятости и ВВП, а также увеличивается доля услуг. В структуре экономики Индии действительно выросла доля третичного сектора – с 34% в 1960 году до 51% в 2002 году. Темп прироста этого сектора в 2002 году составил более 7% (в постоянных ценах). Однако вопрос заключается и в оценке производственных результатов этого сектора, так как услуги и цены на них достаточно плохо поддаются учету.

В целом, похоже, что существующие представления об экономическом росте Индии нуждаются в более тщательном анализе и пересмотре. Подобный анализ может помочь лучше понять, внутренние или внешние факторы, и в какой мере являются «двигателем» экономического роста Индии (в частности) и крупных развивающихся стран (в целом). Возможно, что повышение темпов экономического роста в Индии лишь частично можно объяснить прямым воздействием внешних факторов.

1. Гельбрас В. *Китайский общий рынок!?* - МЭиМО, 2002, №6, с. 79.
2. Новое "экономическое чудо" Азии, [Оборудование \(рынок, предложение, цены\)](http://www.expert.ru/oborud/archiv/index) #12, декабрь 2000 (специальное приложение к журналу [Эксперт](http://www.expert.ru/oborud/archiv/index)). - <http://www.expert.ru/oborud/archiv/index>.

Политическая деятельность братства Накшбандийа в Мавераннахре 15 в.

Нехорошева М.В.

Санкт-Петербургский государственный университет

К 13 веку суфийские братства в Центральной Азии были уже весьма распространены, хотя окончательное их организационное оформление относится к последующим столетиям. Однако и на наиболее раннем этапе появления тарика в регионе суфийские шайхи не всегда оставались в стороне от участия в общественной жизни, так, например, обращение ханов Золотой Орды в ислам зачастую происходило посредством посвящения шайхом какого-либо братства. Центральноазиатские правители традиционно относились с уважением к влиятельным суфиям своего времени, которые, в свою очередь, конкурировали друг с другом за право наставничества эмиров, тем самым завоевывая авторитет и религиозный престиж.

Братство Хваджаган-Накшбандийа наряду с Йасавийа и Кадирийа пользовалось наибольшим влиянием на территории Центральной Азии. Мистико-религиозное течение Хваджаган, бывшее предтечей Накшбандийа, существовало в промежутке с 12 по конец 15 века на территории Центральной Азии и представляло собой совокупность суфийских общин, возводивших линию своей преемственности к 'Абд ал-Халику ал-Гидждувани (ум. 1180 г. или 1220 г.).

С Баха' ад-дина Накшбанда (ум. 1389 г.) начинается новый этап в жизни братства, но и он сам, и его преемники придерживались политики невмешательства в политические дела. Ситуация кардинально меняется с появлением нового руководителя братства хваджи Насир ад-дина 'Убайд Аллаха Ахрара (1404- 1490 гг.). Именно он расширил сферу действия братства за пределы Трансоксиании и впервые придал ему четкую организационную структуру. Получив

влияние над тимуридским правителем Абу Са'идом (прав. 1451–1468 гг.), Ахрар добился от него решения отменить *тамгу* (налог на торговлю, взимаемый монголами с оседлого населения) в Бухаре и Самарканде и часто мог играть значительную роль в событиях времен его правления и его преемника Абд ал-Латифа. Считается, что хваджа Ахрар помог Абу Са'иду в 1451 г. свергнуть мирзу 'Абдаллаха и занять престол в Самарканде. Попытки хваджи Ахрара улучшить положение простых землевладельцев региона и добиться отмены некоторых тяжелых налогов, сохранившихся со времен монгольского нашествия можно на полном основании рассмотреть в контексте противостояния основанной на шариате оседлой культуры таджикского населения Центральной Азии и противоположных ему тюрок, только частично исламизированных, где Ахрар выступает на стороне первых.

Способность Ахрара установить свой авторитет, законность и престиж могут быть отнесены к нескольким экономическим, политическим и социальным факторам, существовавшим в Центральной Азии в эпоху Тимуридов: 1) система землевладения, которая предоставляла религиозным деятелям возможность владеть крупными земельными участками – вакфами; 2) политическая система Тимуридов, выразившаяся в ослаблении центральной политической власти; 3) религиозные верования, которые включали в себя культурные представления о власти и авторитете, приписываемые суфийским пирам; 4) связи между отдельными людьми и группами, основанные на обмене символического капитала (в форме духовного престижа и политической верности) на экономический капитал (в форме земель, материальных ценностей и доходов от сбора налогов).

Несомненно, Ахрар был наиболее богатым и влиятельным суфийским шейхом, обладавшим большой властью и авторитетом в тимуридском обществе 15 столетия, однако сложно дать однозначную оценку его личности. Современная наука представляла Ахрара либо как консервативного деревенского шейха, реакционного феодала, противника прогрессивной науки (В.В. Бартольд, Р. Набиев), либо же как миротворца и защитника оседлого населения (В.Л. Вяткин, Н.Л. Малицкий). Сам Ахрар считал себя назначенным Богом и Пророком, чтобы "защищать мусульман от притеснений угнетателей" путем "сотрудничества с правителями и подчинения их душ этим защищая интересы мусульман".

Начиная с хваджи Ахрара вмешательство в политические дела часто становится особенностью истории Накшбандийа, однако нельзя все же утверждать, что хваджа Ахрар возвел политическую деятельность в ранг основного принципа братства. Главным в вовлеченности хваджи Ахрара в мирские дела (делая скидку на его некоторую склонность к проявлению власти) была забота о шариате или о тех его сторонах, которые ставились под угрозу из-за пренебрежительного отношения или невежества правителей. Пример его, однако, был воспринят и развит последующими поколениями, как в этом можно убедиться на примере джуйбарских шейхов, активно действовавших в Мавераннахре в 16 веке.

1. А.Н. Болдырев. *Еще раз к вопросу о хадже Ахраре*. – Духовенство и политическая жизнь на Ближнем и Среднем Востоке. ("Бартольдовские чтения". 1982.). М., 1985.
2. Н. Algar. *A Brief History of the Naqshbandi Order*. – Naqshbandis. Actes de la Table Ronde de Sevres 2-4 mai 1985. Istanbul, Paris, 1990.
3. Н. Algar. *Political Aspects of Naqshbandi History*. – Naqshbandis. Actes de la Table Ronde de Sevres 2-4 mai 1985. Istanbul, Paris, 1990.
4. J. Gross. *Multiple Roles and Perceptions of a Sufi Shaikh*. Symbolic Statements of Political and Religious Authority. - Naqshbandis. Actes de la Table Ronde de Sevres 2-4 mai 1985. Istanbul, Paris, 1990.
5. D. DeWeese. *Islamization and Native Religion in the Golden Horde*. Pennsylvania State University Press, 1994.

О семантическом освоении заимствований в тагальском языке

Новожёнова Е.А.

Институт стран Азии и Африки при МГУ им. М.В. Ломоносова

Лексические заимствования - давнее и распространенное явление в тагальском языке, ныне филиппино – государственном языке Республики Филиппины. На разных исторических этапах в тагальский проникала лексика из таких языков, как китайский, японский, тайский, арабский, санскрит, малайский, испанский и английский.

1. Обычно языком-реципиентом усваивается не слово в полном объеме его семантики, а лишь отдельные его значения, иногда модифицированные, в которых язык в той или иной степени испытывает потребность. Инолексемы в тагальском языке демонстрируют общие закономерности, характерные для семантической ассимиляции заимствований. При освоении слова (особенно многозначного в языке-доноре) может происходить:

1.1. сужение значения или круга значений, напр.:

- кит. *oan* «насекомое» > таг. *uang* «жук; кокосовый жук»,
- исп. *paño* «ткань, материя» > таг. *panyò* «носовой платок»,
- англ. *lady* «леди, дама, женщина вообще» > *leydi* «незамужняя женщина».

1.2. расширение значения/круга значений за счет развития нового значения вследствие возникновения семантических связей различного вида (метафорических, метонимических), напр.:

- скр. *pankti* «линия, ряд» > мал. *pangkat* «франг, образец», таг. *pangkát* «фрагмент, отрезок; толпа, масса; группа»,
- араб. *le-lahma* «мясо» > таг. *lamán* «содержимое; плоть, мясо»,

1.3. Изменение значения инолексемы при переходе в тагальский язык может быть вызвано:

1.3.1. семантическим переносом по сходству (метафорой), напр.:

- скр. *kubja* «горбатый, сгорбленный, согнувшийся» > таг. *kubò / bahay* («дом»)-*kubò* «приземистая филиппинская хижина»,

кит. *hun* (ветвь) *-ki* > таг. *sungki* «неправильный рост зубов»,

1.3.2. семантическим переносом по смежности (метонимией), напр.:

- мал. *asap* «дым, пар, туман, испарения» > таг. *asáp/hasáp* «раздражение глаз, вызванное дымом или испарениями»,

исп.-мекс. *palenque* «палисад, огороженный участок» > таг. *palengke* «рынок, базар».

1.3.3. развитием у слова специфических коннотаций, или, напротив, их нейтрализацией:

baylarina [< исп. *bailarina* «балерина, танцовщица»] «платная партнерша (в дансинге)»,

rilip [< англ. *relief* «облегчение, утешение»] «одежда для пострадавших»;

исп. *salvaje* «дикий, яростный, грубый» > таг. *salbahe* «неприятный, противный».

1.3.4. Заимствование может служить эвфемизмом, заменяя табуированное языком понятие, или же стать способом прямого выражения «невежливого» родного слова:

este [< исп. *este* «это»] «впиваться глазами в женщину; заниматься любовью»,

kalakwerda [< исп.-мекс. *calacuerda* «бой барабана к атаке»] «болтливая женщина»,

kursó [< исп. *cursar* «часто делать, повторять; др.»] «диарея»,

2. Явление расширения значения лексемы при ее заимствовании следует отличать от широкого процесса развития и расширения семантики уже усвоенных инолексем, по сути аналогичного семантическим переносам в исконно

тагальских словах (ср., напр., таг. *alon* «морская волна, вызванная землетрясением или ветром» > «волна» + «волнистый, локон»). Постепенное расширение семантики, развитие иных значений заимствований происходит вследствие возникновения новых смысловых связей:

2.1. метафорических - напр.:

таг. *kutō* [< мал. *kutu* «вошь, вши»] «звук от множества насекомых» + «журчание»,
bala [< исп. *bala*] «пуля, ядро» + «подкуп (особенно на выборах)»;

2.2. метонимических - напр.:

mutyā [< скр. *mutya* «жемчуг, раковина»] + «амулет» + «чары, обаяние»,
seksi «сексуальный» [< англ. *sexy*] > «сексуальный, симпатичный» + «хорошо одетый»;

2.3. из этических соображений, для создания эвфемизма – напр.:

bomba [< исп. *bomba*] «насос, помпа; бомба», «яростное политическое выступление, атака» + «звезда порнофильмов; порношоу»,
malasado [< исп. *mal* «плохо», *asado* «жареный»] «плохо прожаренный, недоготовленный; яйцо всмятку» + «умирающий» и др.

3. Одним из характерных системных факторов взаимодействия исконной и заимствованной лексики является разгрузка многозначности слов языка-реципиента за счет иноязычных синонимов. Сравним, например:

таг. *ilaw* «свет, светлый; освещение, иллюминация; лампа, светильник» и *tanglaw* «поэт. свет, светлый, освещение; факел» [< кит. *tieng* (лампа, светильник) –*lāu* (строение, башня) «свет, сигнальный огонь, маяк»], *lāmparā* «лампа, светильник» [< исп. *lámpara* «лампа, светильник»].

Таким образом, заимствования в тагальском языке демонстрируют общие закономерности семантического усвоения инолексем, что может быть проиллюстрировано на широких пластах ассимилированной лексики азиатского и европейского происхождения.

Поэты Мавераннахра второй половины XVI в.

Норик Б.В.

Институт Востоковедения РАН (Санкт-Петербургский филиал)

В данных тезисах обобщены результаты исследования ценного источника по литературной жизни Мавераннахра второй половины XVI в. – «Тазкират аш-шуара» Мухаммада Мутриби Самарканди (966-1037/1558-1629). Сочинение написано на персидском языке и посвящено правителю Мавераннахра Вали Мухаммад Бахадур-хану (перед тем как представить сочинение на суд столь высокого судьи, Мутриби предложил учёным мужам Самарканда прочесть его, и, с учётом их замечаний, отредактировал его) (лл.2а-2б). На одном из первых листов сверху над текстом имеется надпись: «Составлена эта книга в эпоху Баки Мухаммад-хана. Автор по имени Нисари в год 1013-й был современником Акбар-падшаха». Совершенно очевидно, что имя автора тазкере указано неверно, что весьма странно, поскольку достаточно прочесть одну-две газели автора, чтобы понять, что он пользовался *тахаллусом* «Мутриби». В то же время и Нисари (ум.1005/1597), и Мутриби были современниками Акбара (964-1013/1556-1605). Относительно же даты можно с уверенностью сказать, что это действительная дата составления сочинения, поскольку в самом тексте она встречается десятки раз в следующей формуле: «а ныне, в год 1013-й, такой-то живёт там-то или делает то-то». В то же время, причина отнесения тазкере перу Нисари, отчасти, понятна. Дело в том, что на nive поэзии Мутриби являлся близким учеником Нисари, о чём он сам говорит в своём сочинении (лл.152аб). Кроме того, из самого тазкере следует, что Мутриби был «правой рукой» и постоянным участником маджлиса Нисари. Далее, поэтическая антология Нисари пользовалась популярностью в Мавераннахре той эпохи. Всё это могло послужить причиной того, что сочинение, начатое вероятно ещё при жизни Нисари, было приписано ему, тем более, что антология Мутриби хронологически продолжает сочинение Нисари «Музакир-и ахбаб». Таким образом, мы можем сказать, что «Тазкират аш-шуара» Мутриби является четвёртым по счёту тазкере в «литературной генеалогии» Мавераннахра после «Тазкират аш-шуара» Даулатшаха Самарканди (зак. 892/1487 г.), «Маджалис ан-нафаис» Алишира Наваи (зак. 896/1490-91г.) и «Музакир-и ахбаб» Хасана Нисари (зак. 974/1566 г.). В структурном отношении сочинение Мутриби схоже с указанными тазкере, однако в каждом из них расположение материала построено по своему оригинальному принципу (хронологический – у Даулатшаха, социально-иерархический – у Наваи, принцип личного знакомства и отношения к Бухаре – у Нисари). Мутриби же избирает иной принцип.

Итак, «Тазкират аш-шуара» Мутриби построено в порядке абджада. Таким образом, Мутриби словно составляет Диван из поэтов. Автор разделяет свой труд на *тасмийе* и 29 *харфов* (29-й *харф* – сочетание букв лам и алиф; в этом *харфе* упомянуто всего пятеро поэтов). *Тасмийе* посвящено правителям, писавшим стихи и покровительствовавшим поэзии. *Харфы* – биографические сведения об адибах второй половины XVI в., живших в Мавераннахре, Иране, Ираке, Индии. *Тасмийе* и каждый *харф* разделены на три части. Каждая из трёх частей *тасмийе* носит название *исм*, а каждая часть *харфа* – *нуқта*. В первой части говорится о правителях или адибах, которых Мутриби не только видел, но и с которыми лично общался. Вторая часть посвящена тем, кого наш автор видел, но с кем пообщаться ему не удалось. В третьей части говорится о тех, кого Мутриби не видел и сведения о ком он почерпнул из третьих рук. Таким образом, степень достоверности убывает от первой к третьей части.

Значение данного тазкере заключается в том, что в нём упомянуто более трёхсот адибов, и сама эта цифра уже свидетельствует о продолжении развития литературной традиции, заимствованной Шибанидами у Тимуридов. Кроме того, сочинение содержит достаточное количество имён поэтов, оставшихся в истории лишь благодаря перу Мутриби. И, наконец, эта антология даёт интересный материал о литературных связях Мавераннахра и Индии во второй половине XVI в.

Внутриполитическое развитие Японии в годы русско-японской войны

Овсянников Н.В.

Институт стран Азии и Африки при МГУ имени М.В. Ломоносова

Первое десятилетие XX в. – важный период в политической истории Японии, когда менялась структура властных отношений, и на политической арене всё решительней проявляли себя новые силы. Наш интерес к данной теме был привлечён тем, что заключение Портсмутского мирного договора, бесспорно успешного для Японии, сопровождалось острым политическим кризисом, повлекшим за собой масштабные акции гражданского неповиновения. Данный факт, а также недостаток внимания, уделяющегося этой проблеме в отечественной и западной историографии, заставил нас обратиться к истории политического развития Японии накануне и в годы русско-японской войны.

При проведении исследования мы использовали следующие источники: материалы трёх наиболее влиятельных японских газет начала XX века – проправительственной «Кокумин-симбун», умеренной «Токио Нитинити-симбун» и

радикальной «Осака Асахи-симбун»; дневники русского православного священника отца Николая, постоянно находившегося в Японии в годы войны; исследования японских историков, основанные на личных дневниках ведущих политических и общественных деятелей рассматриваемого периода.

Расклад политических сил накануне войны с Россией можно представить следующим образом: центр – правящий блок, состоящий из нескольких политических группировок; правый фланг – разветвлённое националистическое движение; левый фланг – социалисты и антивоенная оппозиция.

Наибольшей активностью в предвоенный период отличался правый фланг, который представляли так называемые ультра-патриоты, решительно выступавшие за утверждение своего агрессивного внешнеполитического курса. Именно деятельность ультра-патриотов, направленная, главным образом, на привлечение общественного сознания, активную пропаганду своих взглядов через подконтрольные СМИ и дестабилизацию политической ситуации в стране, во многом предопределила крайнюю степень напряжённости в японском обществе, которая, в конечном счёте, подтолкнула правительство к началу войны против России.

Военный период характеризовался дальнейшей эскалацией напряжения в обществе, которая была обусловлена, с одной стороны, усталостью от тягот затянувшейся войны, а, с другой, агрессивной пропагандой, главным образом, со стороны ультра-патриотов. Можно утверждать, что на данном этапе именно ультра-патриоты, поставившие под свой контроль процесс формирования массового сознания японцев, стали наиболее влиятельной силой в обществе.

Важнейшим политическим событием военного периода можно назвать тайный союз премьера Кацура с крупнейшей партией «Сэйюкай», дававший Кацура как опору для противодействия ультра-патриотам, так и возможность занять лидирующее положение в правящем блоке. К концу войны Кацура удалось добиться господства своей политической воли в японском руководстве.

К 1905 г. японское руководство осознало необходимость скорейшего завершения войны, и 1 сентября 1905 г., несмотря на призывы ультра-патриотов вести войну «до захвата Санкт-Петербурга», был подписан мирный договор, условия которого были объективно выгодными для Японии и отвечали целям, поставленным японским правительством.

В то же время ультра-патриоты, видя, что принятие важнейшего политического решения проходит без их участия, попытались вернуть себе прежние позиции и «надавить» на правительство. С этой целью, используя колоссальное влияние в обществе, они организовали массовое антиправительственное «движение против мирного договора».

Правительство, во многом благодаря такому влиятельному союзнику, как «Сэйюкай», нашло силы для жёсткого отпора ультра-патриотам: к октябрю протесты и выступления удалось погасить. В обмен на оказанную партией поддержку Кацура, следуя условиям тайного соглашения, уступил власть председателю «Сэйюкай» - Саиондзи Киммоти, который стал новым премьер-министром. Впервые в истории передача власти состоялась без одобрения *гэнро* - совета старейшин при императоре.

В правящем блоке сложилась принципиально новая система отношений, получившая название Кацура-Саиондзи, при которой вплоть до 1913 г. кабинет министров поочерёдно возглавляли два этих политических деятеля; влияние же некогда всесильных *гэнро* на государственную политику становилось всё менее значительным.

Итак, развитие политических процессов 1903-1905 гг. привело к образованию новой мощной политической группировки, которая стала осуществлять руководство японской государственной политикой. При этом на второй план были отодвинуты как старые политические силы и институты, например, *гэнро* и *Сумицуин* (Тайный совет при императоре), так и радикалы, которые на данном историческом этапе потерпели неудачу в противостоянии с более умеренными политиками.

Эволюция жанра винной лирики в арабской классической поэзии

(VI – IX вв.)

Осипова К.Т.

Институт стран Азии и Африки при МГУ им. М.В. Ломоносова

1. В жанре винной лирики – *хамриййат* – в средневековой арабской литературе была создана разработанная система образов, повлиявшая на развитие гедонистической поэзии на Востоке. На материале образцовых, по мнению средневековых и современных критиков, произведений мы попытались проследить эволюцию жанра винной поэзии на композиционном, стилистическом и функциональном уровнях.

2. В период с VI по IX вв. жанр *хамриййат* прошел несколько этапов развития. В VI в. у доисламских поэтов только появляются полустихия, содержащие описание вина и пирушки. В начале IX в. создаются произведения с винной тематикой, которые представляют самостоятельную жанровую форму. Подобная трансформация жанра отражала эволюцию в системе всей арабской поэтической традиции и обуславливалась как изменениями в понимании принципов литературного творчества, так и влиянием внелитературных факторов. В связи с постепенным устранением остаточных признаков устно-формульного стиля и становлением принципов индивидуального авторства поэты уделяют всё большее внимание средствам «украшения речи», т.е. тропам и фигурам. Литературный процесс понимается как стремление к оригинальности при сохранении преемственности и следовании лучшим образцам.

3. Одной из ранних дошедших до нас антологий винной поэзии является трактат Ибн ал-Му‘тазза «Категории сравнения о заре радости». Как и большинство средневековых филологических трудов, принадлежащих к *адабной* литературе, данный трактат имеет синкретический характер. Другим интересующим нас средневековым трудом, где анализируется винная лирика, является подглава в «*Диван ал-ма‘ани*» ученого ал-‘Аскари «О вине и связанных с ним нежных мотивах». В отличие от трактата Ибн ал-Му‘тазза, книга ал-‘Аскари носит преимущественно филологический характер. Приводя в своих трудах *бейты* различных авторов, содержащие винные мотивы, Ибн ал-Му‘тазз и ал-‘Аскари отмечают наиболее удачные сравнения, указывают на заимствованные мотивы, однако не рассматривают эволюцию жанра *хамриййат*.

4. Истоки становления *хамриййат*, как и любого другого жанра арабской поэзии, следует искать в доисламской словесности. Описание обстановки пирушки и гедонистические высказывания встречаются в бейтах практически всех известных доисламских поэтов. В их поэзии отдельные винные строки влетают в различные эпизоды касыды (в частности, в *насиб* /элегии/ или *фахр* /самовосхваления/). Выполняя подчинительную, орнаментальную функцию, они зачастую создают настроение касыды. Суть гедонистических элементов заключается в том, что только дошедший до отчаяния и ощутивший всю трагичность бытия человек может по-настоящему оценить радостные минуты, проведенные в хорошей компании за чашей вина. В творчестве ал-А‘ши в отличие от его предшественников (Имру‘улкайса, Тарафы, Лабиды), в поэзии которых вино есть не что иное, как условный знак беспечного времяпровождения, появляются попытки сделать его самоценным объектом описания.

5. Основной жанровой формой следующего этапа, VII – VIII вв., по-прежнему является политематическая касыда, однако, появляются тенденции обособления ее тематических частей (прообразы будущих самостоятельных жанров). Многие поэты данного периода известны своим нарушающим привычные нормы образом жизни. Винные же мотивы являются скорее средством выражения презрительного отношения к сложившейся политической и религиозной обстановке, чем собственно предметом описания. Самым известным поэтом, не имевшим себе равных, был ал-Ахтал. Винные мотивы в его творчестве образуют отдельный эпизод произведения, нередко логически завершённый, который,

однако, ассоциативно связан с другими частями касыды, написанной в жанре *мадх* (восхваления), *фахр* или *хиджа'* (поношения). Встречаются также и короткие стихотворения (*кыт'а*). Обращают на себя внимание тематические новации автора.

6. Итог многовековой традиции сложения жанра подвел своим творчеством выдающийся поэт Абу Нувас (VIII в.) Темы и мотивы, намеченные в доисламской поэзии и более подробно развитые ал-Ахталем, поэт разворачивает в яркую живую картинку, нередко наполняющуюся новым смыслом. Если раньше винные мотивы служили смысловым переходом или были лишь эпизодом в касыде, то теперь в результате того, что описание вина становится самоценным, они окончательно выделяются в отдельное стихотворение. К этому добавляется изящная отделка стихов как в фонетико-синтаксическом, так и в семантическом плане.

Исламская республика Иран и проблема терроризма

Подрезов А.В.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

В настоящее время Соединенные Штаты Америки используют реально существующую проблему международного терроризма как некий карт-бланш для своих действий по устранению неугодных им субъектов глобализации таких, как отдельные страны, не входящие в данный процесс, а также отдельных организаций и физических лиц.

Ныне в числе «пособников» мирового терроризма чаще всего фигурируют Сирия и Иран, т.е. последние государства Ближнего и Среднего Востока, не идущие в фарватере внешней политики США. Вместе с тем, как это ни парадоксально, Иран на протяжении 1990-х и 2000-х годов оказывал реальное противодействие терроризму на многих направлениях. Если взять Афганистан, то задолго до признания Талибана террористической организацией Иран оказывал прямое противодействие наступлению талибов на север Афганистана. На этом направлении скорее можно признать виновными в создании террористической организации сами Соединенные Штаты, которые совместно с Пакистаном (в частотности с ИСИ) и рядом «неправительственных» организаций Саудовской Аравии (американского сателлита на тот момент) создали и превратили в реальную политическую силу движение Муллы Омара.

Если взять отношение Ирана к чеченским террористам, то здесь вопрос немного сложнее. Автору пришлось увидеть на чеченских видеокассетах интервью иранских моджахедов. А.Куликов и С. Лембик в своей книге «Чеченский узел» приводит схему транзита, в том числе через иранскую территорию вооружения и живой силы для чеченских сепаратистов (1, 224). Однако во-первых, помощь Чечне (в отличие от Боснии) осуществлялась в частном порядке, во-вторых, в собственно террористических акциях (Буденновск, Кизляр, захват парома «Аврария») иранский след не прослеживается. Во время второго чеченского конфликта Иран встал во главе группы исламских стран, не поддерживающих чеченский терроризм. Скорее, в поддержке чеченского терроризма можно обвинить таких американских сателлитов, как Турция, Саудовская Аравия, Пакистан и на тот момент подконтрольный США Талибан.

Что же касается поддержки Ираном движения Хизболла, то во время гражданской войны в Ливане это было единственным шагом для защиты шиитского населения Ливана. Израиль поддерживал свою диаспору теми же средствами, включая в создание собственных террористических организаций (например, действующий и ныне Бейтар), либо прибегая к методам государственного терроризма. Ныне Хизболла является организацией, принципиально отличной от того, чем она была в 1980-е годы. Участие Ирана в финансировании Хизболлы несомненно. Сейид Хасан Насралла в своей книге «Речь победы» прямо благодарит Иран и Сирию за поддержку в борьбе (2, 5). Однако размеры этой помощи не так велики. Западной пропагандой утверждается, что Иран тратит на поддержку террористических организаций сумму, сопоставимую с военным бюджетом, Однако только на импорт вооружений Иран тратит 25% своего госбюджета (3, 139). Отсюда видно, что ни о каких сопоставимых величинах не может быть и речи.

Подводя итоги, можно сказать, что причиной потока обвинений в адрес Ирана является не поддержка терроризма, а наличие собственной независимой от США внешней политики.

1. Куликов А., Лембик С. *Чеченский узел*. М., 1999.
2. Речь победы генерального секретаря партии Аллаха Сейида Хасана Насраллаха. М., 2001.
3. Арабаджян А.З. *Исламская республика Иран: экономический потенциал*. М., 2002.

Конструкции с прямой речью и вокатив в текстах переводов «Алмазной сутры»

Потапова Н.В.

Институт стран Азии и Африки при МГУ им. М.В. Ломоносова

Одной из особенностей древнекитайского языка было то, что прямая речь вводилась только с помощью одного глагола *уе*. Это слово могло быть единственным глаголом в предложении, но даже если в предложении уже имелся глагол речи, то после него перед прямой репликой всё равно должно был стоять глагол *уе*. Для передачи прямой речи в переводах «Алмазной сутры» используются следующие глаголы, имеющие непосредственное отношение к акту говорения: *yan (dayan)*, *bai*, *gao*, *yue*, *shuo (xuanshuo)*. В текстах переводов эти глаголы, обозначая речевую деятельность, имеют много схожих черт, но имеют и существенные различия. Относительно способа ввода прямой речи, все вышеперечисленные глаголы, кроме глагола *bai*, могут непосредственно вводить прямую речь (исключения можно, скорее всего, отнести за счёт недостаточного владения индийскими переводчиками китайским языком). Глаголы *bai* и *gao* также используются для ввода дополнения, которое обозначает адресата, т.е. того, к кому напрямую обращена реплика. Таким образом, образуются следующие конструкции, используемые для передачи прямой речи с указанием конкретного слушателя *обратившись к кому-то сказать: bai ...yan, gao...yue*. Таким образом, глагол *gao*, в отличие от всех остальных глаголов, может выступать в двух функциях: за ним может следовать прямая речь говорящего, и также он может служить для ввода адресата прямой речи. Но обычно адресат речи вводился конструкцией с предлогом *wei*: например, *weiru shuo тебе скажу*.

Самыми употребительными из выше перечисленных глаголов говорения являются *yan*, *gao* и *bai* (так как во многих ситуациях необходимо персонализировать собеседника). Можно отметить, что эти глаголы являются самыми общими по значению и, соответственно, поэтому самыми употребительными. Глаголы *dayan отвечать*, *xuanshuo провозгласить*, *jieshuo разъяснить* отмечены в единичных употреблениях.

В качестве глаголов говорения в текстах переводов «Алмазной сутры» также встречаются *wen спросить*, *shuo сказать* и существительное со значением продукта говорения *yu речи*. Из них только глагол *shuo* может выступать самостоятельно и периодически использоваться для ввода прямой речи. Остальные два слова - *wen* и существительное *yu* никогда для ввода прямой речи не используются. Интересно, что обычно *wen* и *yu* выступают в придаточных предложениях как второй член глагольно-объектных синтагм со значением действия, предшествующего основному действию, выраженному сказуемым главного предложения (на русский обычно переводятся дееспричастным оборотом):

zuowen спросив, zuoyu сказав, shuoyu сказав речи. Причём, субстантивирюясь, *wen* и *yu* чаще всего оформляются демонстративом *shi*: *zuoshiwen задав этот вопрос, zuoshiyu произнеся эти речи, shuoshiyu сказав эти речи.* Глагол *yan* также может субстантивироваться, образуя глагольно-объектную синтагму с глаголом *shuo*: *shuoshiyan сказав эти слова.* Глагол *shuo* также может субстантивироваться, например, в синтагмах *zuoshishuo*.

В санскритском варианте оригинала «Алмазной сутры» употреблено много глаголов, относящихся к процессу говорения (здесь кажется более сообразным давать английский вариант перевода, как более точный): *ukta – to utter произнести*, *vac – to speak говорить*, *bhāṣ – to tell рассказывать*, *ah – to say сказать*, *ruc – to enlighten, to make bright*, *prati√śru – answer отвечать*. Но к прямой речи непосредственное отношение имеют лишь глаголы *vac – to speak говорить*, *ah – to say сказать* и совсем малоупотребимый в тексте сутры глагол *prati√śru – answer отвечать*. Ни для одного из санскритских глаголов нет выдержанного китайского соответствия в переводах.

Что касается вокатива, то стоит отдельно отметить, что в древнекитайском языке понятие вокатива практически отсутствовало, именно поэтому переводчики обнаруживали свою беспомощность, когда вставал вопрос употребления обращения и его места в структуре высказывания. Это хорошо видно на примерах из версий Дхармагупты и Сюань Цзана, где порой вокатив следует прямо за личным местоимением. Подобное употребление невозможно представить в текстах, написанных на классическом вэньяне. Вокатив, как известно, используется для фиксации адресата речи и привлечения внимания слушающего. В переводах сутры вокатив чаще всего стоит в начале высказывания и отделяется от последующего предложения либо восклицательным знаком, либо точкой. При коротких ответах со значением подтверждения или опровержения предыдущей реплики вокатив мог стоять после короткого ответа, но никогда не мог вклиниваться в саму структуру предложения (расстановка знаков препинания и структурирование текста происходило гораздо позже, но даже согласно тогдашней логике вокатив воспринимался отдельно). Многочисленные обращения, подчас излишние в рамках одного высказывания, обычно опускались переводчиками: достаточно было добавить при вводе прямой речи кто к кому обращается, и необходимость вокативов автоматически снималась. Но тем самым в китайских переводах несколько изменился и сам характер текста: текст сутры стал принимать более монологический характер и всё менее походить на диалог с соответствующими ему атрибутами диалогической речи.

Место Палестины в колониальной политике Великобритании к началу Первой мировой войны

Рогашева Е.А.

Московский педагогический государственный университет им. В.И. Ленина

На рубеже XX века европейскую дипломатию больше всего занимал «восточный вопрос». Великие державы всячески пытались установить контроль над распадавшейся Османской Империей и разделить ее на сферы своего влияния. Еще с XIX века Англия наряду с другими странами проникала на территорию Османской Империи разными способами, будь то ссуды или займы, открытие миссий или представительств, ведение «археологических изысканий» или строительство железных дорог. Палестина занимала в этих планах не последнее место. Как стратегический, экономический, политический и культурный центр Ближнего Востока она имела притягательность для любой европейской страны. Особенно для Англии, чье влияние на этих территориях в последние десятилетия XIX века стремительно возрастало. Задача Великобритании в этом регионе заключалась в укреплении своих позиций, как дипломатическими, так и военными методами. Это находило отражение во всей восточной политике империи.

Причины того, что Англия сочла жизненно необходимым укрепиться именно на этих территориях, заключались в следующем:

1. Ближний Восток в начале XX века становится одной из самых важных территорий для Империи. Он был своеобразным перекрестком ее «имперских колониальных путей», позволяющим существенно сократить расстояния. Защита этих путей всегда считалась первоочередной задачей империи, поэтому контроль над этими территориями был напрямую связан с так называемыми «национальными интересами» державы. Наиболее удобной в качестве подобного форпоста была именно Палестина, расположение которой на побережье Средиземного моря позволяло создать здесь сильные военно-морские базы.

2. Кроме того, Палестина прилегала к еще одной территории, которую Великобритания также включала в сферу своих наиважнейших стратегических интересов. Речь идет о Суэцком канале, контроль над которым Англия получила еще в XIX веке и укреплением которого она не переставала заниматься на протяжении всех последующих лет. Все прилегающие к каналу территории постепенно оказывались в руках англичан. Но для полного контроля данного сектора нужно было укрепиться в Палестине, что позволяло не опасаться каких бы то ни было проблем в северной части Суэца. Великобритания не могла позволить, чтобы эти важнейшие для нее территории оказались в руках других держав.

3. Еще одним немаловажным фактором, обосновывающим необходимость укрепления в этом регионе именно английских позиций, было нахождение нефти на территории прилегающих к Палестине стран, таких как Иран. Создание плацдарма на Святой Земле существенно бы облегчило транспортировку нового топливного средства, переход на который Англия уже постепенно осуществляла.

4. Кроме того, Палестина с древнейших времен была культурно-религиозным центром, «колыбелью трех религий». Поэтому проникновение на ее территорию других стран зачастую носило миссионерско-просветительский характер. Таким образом, та страна, которая сумела бы поставить под свой контроль так называемые «святые места», несомненно, укрепила бы свой авторитет, как ведущая держава. Это не могло не привлекать Великобританию, которая в начале XX века уже начала терять свою позицию лидера в мире, отставая по темпам развития от Германии, США и даже, в некоторых отраслях, от Франции и России, поэтому подобная моральная победа была необходима для поднятия престижа нации в ее собственных глазах и глазах мирового сообщества, тем более, что в Палестину в это время активно проникает Россия, являющаяся одним из наиболее опасных конкурентов Англии на Ближнем Востоке.

«Наставления Богдо Джебзун Дамба ламы» как старокалмыцкий письменный памятник XVIII в.

Сангаджи-Горяев Н.О.

Калмыцкий государственный университет

Письменная культура калмыков имеет длительную историю, на протяжении которой создавались замечательные произведения как оригинального, так и переводного характера. В их числе можно назвать буддийское сочинение «Наставления Джебзун Дамба ламы», которое написано на старокалмыцком вертикальном письме и, вероятнее всего, является переводом со старомонгольского письменного языка.

Сочинение по объему небольшое: 8 листов форматом 9,5: 25 см, написанные с обеих сторон. Это сочинение замечательно тем, что автором его является человек, реинкарнацией которого считается ныне здравствующий Его Пресвященство Богдо-гегян Джебзун Дамба Хутухту IX – глава буддистов Монголии, проживающий в Индии, Дхарамсале. Он родился в 1932 году в столице Тибета Лхасе. В четырехлетнем возрасте был признан реинкарнацией

Джебзун Дамба Хутухту, но это держалось в тайне по политическим мотивам. В 1991 году Его святейшество Далай-лама официально возвел его на трон Джебзун Дамба Хутухту.

Какая из реинкарнаций Хутухту была автором данных изречений, пока нам трудно сказать. Но известно, что есть сочинения на старомонгольском языке под названием “Золотые изречения восьмого Джибзундамба гегена” и “Изречения пятого Джибзундамбы”. Являются ли они одним и тем же сочинением или это разные по содержанию произведения мы надеемся узнать в ходе дальнейших наших исследований.

Основным содержанием сочинения являются наставления святого, который с большим сожалением говорит о нравственном упадке, царящем в мире людей. Он клеймит тех, кто погряз во лжи, разврате, алчности, пьянстве и других пороках, призывает жить в добродетели, терпении, с верой в душе. Пророчит природные катаклизмы, такие как холод, неизвестные болезни, наводнения, размножение ядовитых змей, которые испытывают люди живущие несправедливо. Призывает переписывать это сочинение и распространять среди людей, чтобы получить заслуги.

В богатом письменном наследии имеются сочинения, содержащие пророчества и других святых, таких как Бодхисаттва Маньчжури, Далай-лама. Это жанр, характерный для буддийской литературы, был очень популярным среди калмыков. Имеются много устных вариантов святых пророчеств. Так, при больших исторических потрясениях, таких как Великая Отечественная война и высылка народа в Сибирь, люди цитировали соответствующие отрывки из подобных сочинений, считая, что об этих событиях уже было известно раньше.

Таким образом, исследование письменных памятников данного жанра является очень актуальным и ждет своих исследователей.

1. Калмыцкая дореволюционная литература. Элиста, 1984.
2. Жибзун Дамба хутухту-йин зарлиг

Экономическое самоуправление и даосизм

Сёмкина А.П.

Новосибирский государственный университет

В рамках осуществления в Китае крупномасштабных проектов регионального развития (среди которых наиболее крупным является программа ускоренного освоения Северо-Запада) среди специалистов наблюдается значительный рост интереса к проблеме управления экономикой на местном уровне. В этом плане наше внимание привлекла статья китайского экономиста Чжао Шаочжи, опубликованная в одном из провинциальных журналов [1]. Автор, в свою очередь, ссылаясь на теорию Шэн Хуна, предложил в качестве методологической основы теории управления использовать даосские понятия «недеяние» (*у-вэй*) и «не-недеяние» (*у-бу-вэй*).

Основатель даосизма Лао-цзы считал недеяние путем того, кто достигает господства, а деятельность (*ю-вэй*) – путем подчиненного. Однако «недеяние» никогда не означало бездеятельность. В даосизме существовал даже особый термин «осуществлять недеяние» (*вэй-у-вэй*) [2]. «Поэтому овладение Поднебесной всегда осуществляется посредством недеяния. Кто действует, не в состоянии овладеть Поднебесной» [3]. В то же время, если верхи только «не действуют», то низы получают слишком большую свободу и могут начать злоупотреблять ей. Поэтому верховной власти нужно «придерживаться корней», т. е. выбранного курса и основных принципов, но делать это она должна тонко и искусно, чтобы побуждать подчиненных к активности. Современное правительство, регулируя экономическую деятельность, не может брать на себя функции рынка, обязано создать юридическую и экономическую среду, гарантирующую соблюдение законов. В этом отношении правительство должно быть «недействительным». Оно не может прямо вмешиваться в экономическую жизнь и хозяйственное управление, что не исключает осуществление макроконтроля и вмешательства в экстремальных ситуациях. Этот процесс активного контроля над ситуацией, но без волюнтаристского вторжения в естественное течение экономических процессов и можно будет назвать «не-недеянием».

Одновременно правительство, по мнению Чжао Шаочжи, должно обращать внимание на возвращение сил самоуправления в обществе, повсеместно повышать роль общественного самоуправления. В условиях современной рыночной экономики интересы центра и мест, равно как и самих регионов, очень разнятся между собой, поэтому опираться на одни административные приказы, единые планы, как это было раньше, сейчас невозможно. Необходимо, чтобы освоение Западных районов дало местным администрациям (правительствам) возможность действовать, исходя из собственной практики, реализовывать собственные творческие системные проекты (сочетая *у-вэй* правительства и *ю-вэй* общества).

Для повышения эффективности деятельности администрации необходимо углубить реформирование правительственных органов, изменить основу их функционирования, которым может стать «не-недеяние».

В изложенной выше концепции китайского ученого для нас представляются существенными два момента:

1) Обращение к классическим идеям для обоснования своих концепций и взглядов как к авторитетному методологическому источнику традиционно присуще китайской экономической мысли. Чаще всего апеллируют к конфуцианству, но в данном случае – к даосским категориям.

2) Появление данной статьи неслучайно, оно свидетельствует о тенденции демократизации управления экономикой, которая, несмотря на все сложности, постепенно реализуется, в том числе на уровне региональных программ. В данном случае явно прослеживается настойчивое стремление представителей регионов освободиться от мелочной опеки центра.

1. Чжао Шаочжи. Деятельность правительственных органов в процессе ускоренного развития Западных районов// *Ланьчжоу дасюэ сюэбао (Шэхуэй кэсюэ бань)*, 2002, Т. 30, №3, С. 134-137.
2. Кобзев А.И. “Вэй” // *Китайская философия: Энциклопедический словарь*. М., 1994, с. 56.
3. Древнекитайская философия. М., 1972, Т. 1, с. 129.

Японские компании в КНР: проблемы ведения бизнеса и стратегии их решения

Саплин-Силановицкий Ю.В.

Институт Стран Азии и Африки при МГУ им. М.В.Ломоносова

В последние годы экономическое развитие Китая характеризуется высокими темпами роста ВВП, внешней торговли, притока прямых иностранных инвестиций, что характеризует страну как одну из наиболее динамично развивающихся экономик в Азии. В конце 2001 г. КНР вступил в ВТО, что говорит об углублении интеграции страны в мировую экономику. Благоприятные перспективы дальнейшего развития страны, дешевая рабочая сила, улучшение инвестиционного климата – все это способствует принятию решений ТНК о переносе своего производства в Китай. Активное участие в этом процессе принимают и японские компании. Бурное развитие японо-китайских экономических

отношений в последние годы отражает степень вовлеченности японских фирм в экономику КНР. В тоже время в Китае японские компании сталкиваются с целым рядом проблем, не всегда свойственных для японской экономики.

Целью нашего исследования является изучение стратегий японских компаний в Китае, которые они применяют для решения стоящих перед ними проблем.

В ходе изучения были выявлены следующие проблемы ведения бизнеса в КНР:

- проблема контрафактной продукции на внутреннем рынке Китая;
- проблема высокой текучести кадров;
- проблема поиска партнера для ведения бизнеса;
- проблема необходимости формирования имиджа японских компаний при проникновении на китайский рынок;
- проблема поиска свободной ниши для японской продукции на местном рынке;
- проблема возвращения средств за товары, предоставленные в кредит местным дистрибьюторам.

В ходе изучения подходов японских компаний к решению данных проблем нами были сделаны выводы, что в большинстве случаев требуется особые стратегии с тем, чтобы добиться успеха в Китае. Многие японские фирмы, которые не сочли возможным уделить достаточно внимания решению этих проблем или радикально изменить устоявшиеся ранее стереотипы, не смогли добиться тех результатов, которые принесли неординарные стратегии других японских компаний.

Таким образом, изучение стратегий японских компаний, добившихся успеха, позволяет расширить представление о деятельности японского капитала в Китае, проследить особенности развития экономических отношений двух стран на микроуровне, а также сделать выводы, что бизнес в КНР требует неординарных стратегий, основанных на углубленном изучении потребностей местного рынка и специфики экономического развития страны.

1. Мацуо Э., Такахата С., Ёсида К. *Сянхай-о сэйсүру моно-га сэкай-о сэйсү!* (Кто побеждает в Шанхае, побеждает и во всем мире). Токио: Даямондося, 2001
2. Сакаия Т. *Тюгоку дайкацуё* (Активное использование возможностей Китая). Creating Mutual Benefits with China. Токио: NTTсюппан, 2003
3. Такаи Н. *Тюгоку-дэ сэйко-суру дзиндзирому-но сэнкакусэндзюцу* (Стратегия успеха управления персоналом в Китае). Токио: Коданся, 2002
4. Хироканэ К., Мирао Т. *Тюгоку бидзинэсу сайдзэн сэн* (С передовой бизнеса в Китае). Токио: Коданся, 2003
5. Ма Ч. *Тюгоку синсюцукигё-но родомондай* (Проблемы рабочей силы иностранных предприятий в Китае). Токио: ДЖЕТРО, 2000

К вопросу о генезисе езидизма

Усоян Х.Р.

Санкт-Петербургский государственный университет

Езидизм представляет собой наиболее древнюю и самобытную религию курдов. Обладая основными чертами, присущими крупной полноценной религии, с ее догматикой, богословием, таинствами, обрядами, духовной иерархией и сохраняя раздельность и чистоту своих каст, которые фактически являются основой их теократического общества, езидизм нередко называли мусульманской сектой. Французский ученый Роже Леско, придерживаясь взгляда исламоведа Микеля Анджело Гуиди, автора гипотезы о мусульманском происхождении езидизма, в своей работе, посвященной езидам в Сирии, излагает гипотезу о возникновении езидизма от ислама [1]. В. Никитин не соглашается с этим мнением, утверждая: “Лично я полагаю, что курды-езиды никогда не были мусульманами” [3, 328]. По мнению академика Н.Я. Марра, езидизм исповедовался большей частью курдов до того, как они были обращены в ислам [2]. Иногда возникновение езидизма связывают с иудаизмом, с древнеперсидскими верованиями, с христианством и исламом; езидам приписывали и арабское происхождение. К ряду наиболее фантастических точек зрения относится мнение части армянских авторов XIX в., принимающих езидов за еретиков, отколовшихся от армянской церкви. Некоторые авторы считают, что корни езидизма простираются в период 3000-4000 гг. до н. э. Вплоть до сегодняшнего дня не выработалось единого мнения относительно происхождения езидизма, и этот вопрос остается дискуссионным, нуждаясь в глубоком научном исследовании.

Поклонение Солнцу и огню у езидов давало основание многим ученым говорить о близости зороастризма и езидизма. -На самом деле, схожих элементов больше, и они намного глубже. Детальное изучение источников и устных традиций этих двух религий позволяет говорить, что езидизм и зороастризм не только близки, но и, несомненно, имеют одни истоки. Существует множество общих черт как в обрядовой стороне двух религий, так и в догматике. Например, семь основных религиозных праздников, существующих как в зороастризме (*гахамбары*), так и в езидизме, которые являются фундаментом обеих вероисповеданий. Вера в семь архангелов (вместе с Ахура-Маздой; в зороастризме именуемых *Амеша-Спента*), пятикратная ежедневная молитва (привнесенная позже в ислам из зороастризма), поклонение солнцу и огню, почитание воды и земли. Обряд инициации и отличительный знак в обеих религиозных системах также совпадает: у езидов белая нижняя рубашка с круглым вырезом – *toka Êzid* (в зороастризме *стахр пайсанха* или *судра*) и плетеный шнур из шерсти (у зороастрийцев в виде священного пояса *авйанхана* или *кусти*, сотканный также из шерстяных нитей). У индусов во время инициации на тело мальчика также надевается священный шнур *яджнонавита*.

Значительное количество языковых, религиозных и исторических свидетельств позволяет говорить, что когда-то носители древнеиндийской и древнеиранской культур, составляли единую “индоиранскую” общность. Многие схожие элементы ведической религии, зороастризма и езидизма позволяют предположить, что субстратом этих религиозных систем явились древние индоиранские воззрения. Схожесть ведической религии, раннего зороастризма и езидизма сводится не только к тому, что принять их нельзя, но и что все общество основано на кастово-теократическом принципе деления и браки между кастами строго запрещены (можно только родиться индусом, зороастрийцем или езидом, причем все приверженцы этих вероисповеданий уже рождаются в определенной касте).

Некоторые исследователи уверенно пишут, что езидизм возник в XII в., и его основателем был Шейх Ади б. Мусафир (реформатор езидизма). Они, почему-то, не видят (или намеренно закрывают глаза на) столь очевидные и многочисленные схожие элементы в езидизме и зороастризме, касающиеся не только обрядовой стороны, но и догматики и культа, которые, как известно, складываются тысячелетиями. В езидском вероучении, наряду с преимущественно курдской религией ахл-и Хакк (“люди Истины”), явно просматриваются древнейшие культы, корни которых уходят вглубь тысячелетий.

Возникновение езидизма, очевидно, следует искать в так называемой «индоиранской» религии, которая была развита предками индийцев и иранцев прежде, чем они разошлись. По-видимому, особенности той религии включали в себя почитание элементов природы, таких как огонь и вода (которые и сегодня составляют основу езидского и зороастрийского культов) и строгое разделение между семьями духовенства и мирян.

1. Lescot R. *L'Enquete sur les Yesidis de Syrie et du Djebel Sindjar*, "Memories de L'Institut Francaise de Damas". Volume IV, Beyrouth, 1938.
2. Марр Н.Я. Еще о слове "челеби". К вопросу о культурном значении курдской народности в истории Передней Азии. // *"Записки Восточного отделения Императорского Русского Археологического Общества"*. Т. XX, Санкт-Петербург, 1911, с. 99-151.
3. Никитин В. Курды. Пер. с франц., вступительная статья и редакция И.О. Фаризова. Москва, 1964.

Каспийский регион в новой геополитической реальности и интересы России

Фишкин Д. О.

Институт стран Азии и Африки при МГУ им. М.В. Ломоносова

Распад Советского Союза на отдельные независимые государства привел к кардинальным изменениям в общемировой геополитической ситуации. Россия утратила значительную часть прежних стратегических позиций, Соединенные Штаты в свою очередь предпочли закрепить победу в «холодной войне» и продолжили экспансию на постсоветском пространстве. Оказавшись независимыми государствами, бывшие советские республики были поставлены перед необходимостью определить свое место в мировом сообществе, выбрать пути развития. Перед Россией же встала непростая задача формирования новых отношений со своими ближайшими соседями в сложившихся геополитических условиях, осложняющаяся тем, что многие новые независимые государства болезненно относятся к ее стремлениям вернуть утраченные позиции, усматривая в этом угрозу своему суверенитету.

С особой яркостью данные процессы проявились в каспийском регионе. Прежде всего, это объясняется тем, что выгодное геополитическое положение и богатство ресурсами превращают Каспий в новый «полюс притяжения», выходящий далеко за региональные пределы. Здесь как нигде сходятся интересы ведущих мировых и региональных государств. Нерешенность статуса Каспийского моря и отсутствия определенности в спорах вокруг природных богатств (особенно углеводородных) самого большого озера планеты делают Каспий сложнейшей геополитической проблемой на территории бывшего СССР. Конфликты же дают лишний повод для вмешательства третьих стран в качестве посредников при урегулировании. Необходимо отметить, что для многих государств каспийского региона нефтегазовый фактор является наиважнейшим источником выживания, с помощью которого они стремятся укрепить свое международное положение, решить экономические и социальные проблемы. Однако многим бывшим советским республикам оказалось не под силу самостоятельно осваивать свои ресурсы, и они были вынуждены пойти на сотрудничество с иностранными компаниями, заинтересованными в проникновении и закреплении в регионе.

В последнее время Соединенные Штаты значительно преуспели в продвижении своих интересов на Каспии. Американские нефтяные компании проявляют здесь наибольшую активность, США объявили Центральную Азию и Закавказье зоной своих приоритетных интересов, подчеркивая необходимость того, чтобы развитие региона проходило независимо от политического доминирования третьих сил (прежде всего России и Ирана, а также Китая). Заявив о своих намерениях укрепиться на Каспии, Соединенные Штаты перешли к активным действиям по вытеснению оттуда России. Однако стоит отметить, что Россия во многом сама сдала свои позиции, показав отсутствие последовательной внешней политики, что обусловлено сложностью внутреннего положения, трудностями самоопределения и недостаточностью отношений с бывшими союзными республиками, а во многом и недальновидностью высших чиновников государства. Непоследовательность российской политики воочию проявилась в позиции России по разделу Каспия.

Особое значение приобрел вопрос транспортировки энергоресурсов на мировые рынки. Россия контролирует почти всю сеть трубопроводов в регионе, что заставляет другие прикаспийские государства видеть в создании альтернативных путей транспортировки одно из важнейших условий обеспечения своей реальной независимости от Москвы. Соперники же России, и прежде всего США, всячески «подогревают» это стремление (США и Турция стремятся притворить в жизнь проект нефтепровода Баку – Тбилиси – Джейхан, строительство которого уже началось).

Оценки доказанных запасов нефти в Каспийском регионе в настоящий момент следует считать завышенными. США поспешили заявить о Каспии как о «новом Кувейте» или «новом Персидском заливе», таким образом сформировав у руководства государств региона мнение об их способности существовать самостоятельно, проводить самостоятельную экономическую политику (в отрыве от России). Заявления о богатствах Каспия также способствовали росту напряженности в регионе – каждое государство стремилось распространить свой суверенитет на как можно большую территорию. После проведения Соединенными Штатами «антитеррористической операции» в Афганистане и оккупации Ирака США еще более укрепили свои позиции в регионе, дополнив свое экономическое присутствие военным. Россия же оказалась в ситуации, когда жизненно важный для нее регион постепенно выводится из орбиты российского влияния, что чревато серьезными геополитическими последствиями. Однако было бы ошибочно полагать, что у России не осталось рычагов влияния на ситуацию в регионе. Таким образом, от той политики, какую Россия будет вести на Каспии, и сможет ли она эффективно отстаивать свои национальные интересы, зависит как будущее региона в целом, так и статус России как великой державы.

Лингвистическая терминология в тюрко-татарских грамматиках начала XX века

Хакимов Б.Э.

Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина

В периоды интенсивного развития той или иной научной дисциплины бурный рост переживает также научная терминология. Языкознание, как и любая другая наука, тоже проходило эти этапы. Для татарского языкознания, являющегося неотъемлемой частью тюркологии и сформировавшегося под влиянием Казанской школы тюркологов, подобным ключевым, переходным периодом было начало XX века [1]. Именно в это время были заложены основы современной татарской лингвистики и сделан большой шаг вперед в развитии тюркологической науки. Стремление к созданию оригинальной татарской грамматической теории на основе новейших достижений мирового и, прежде всего, европейского языкознания способствовало разработке новой лингвистической терминологии, которая в основном используется и в настоящее время [4, 5].

С целью исследования истории возникновения, основных источников и способов создания тюрко-татарской лингвистической терминологии начала XX века были проанализированы различные грамматики указанного периода, что позволило сделать следующие основные выводы:

1. Лингвистическая терминология тюрко-татарских грамматик начала XX века формировалась под влиянием двух традиций: европейской и арабской, каждая из которых, в свою очередь, восходит к античным грамматическим теориям [3, 6].

2. В начале XX века в татарских научных кругах шла дискуссия по вопросу о терминологии. Существовали как полярные (от пуризма до полной арабизации), так и умеренные точки зрения. В целом, ученых того времени можно

разделить на два лагеря: традиционалисты (А.Мухаммедрахим, Х.Маккаи, А.Максуди и др.) и реформаторы (Г.Ибрагимов, Г.Сагди, Дж.Валиди и др.).

3. В начале XX века были впервые разработаны способы создания лингвистической терминологии. Г.Ибрагимов предлагает следующие пути: *использование уже укоренившихся арабских терминов; придание нового значения татарским словам; создание новых слов при помощи средств татарского языка; принятие в качестве терминов диалектизмов и слов из родственных тюркских языков* [2].

4. Можно определить следующие генетические пласты татарской лингвистической терминологии начала XX века: арабский (наиболее многочисленный); тюрко-татарский (в том числе калькированные арабские и русские термины); европейский (начинает появляться лишь в 20-х годах XX века).

5. Для лингвистической терминологии тюрко-татарских грамматик начала XX века характерна широкая синонимия. Часто для одного и того же понятия каждый автор предлагает свой термин.

6. Калькирование русских и реже арабских терминов было в указанный период самым продуктивным способом создания оригинальной татарской терминологии.

7. В целом терминологическую ситуацию в исследуемый период можно охарактеризовать как этап формирования современной татарской лингвистической терминологии путем синтеза арабских, европейских и оригинальных татарских терминов. Главным, направляющим процессом на этом этапе была интенсивная татаризация терминологии, впоследствии сменявшаяся интернационализацией.

Лингвистическая терминология тюрко-татарских грамматик начала XX века представляет большой научный и практический интерес. Результаты данного исследования могут быть использованы при определении теоретических основ создания новой научной терминологии в языках, расширяющих сферу своего применения. Разработка данной научной темы ведется на кафедре «Татарский язык в иноязычной аудитории» Казанского университета при поддержке Министерства образования Российской Федерации.

1. Закиев М.З., Казанская школа тюркологов и грамматики на татарском языке (конец XIX и начало XX вв.) // *Тюркология. К семидесятилетию академика А.Н. Кононова*. Л., 1976. с. 73-78.

2. Ибрагимов Г., *Татар сарыфы*. Казань, 1911. С. 52.

3. Мифтахова И.Г., «Формирование лингвистической терминологии в татарском языкознании (по татарским грамматикам XIX – начала XX вв.)» // *Языковая семантика и образ мира*. Казань, 1997, с. 54-56.

4. Мифтахова И.Г., *История татарских грамматик: исследование именных частей речи (XIX – начало XX вв.)*. Казань, 1998. С. 162.

5. Мифтахова И.Г., *История татарских грамматик: исследование глагола, местоимения и наречия (XIX – начало XX вв.)*. Казань, 1999. С. 168.

К исследованию калмыцких топонимов Ставропольского края

Цеденова Д.А.

Калмыцкий государственный университет

Многие исследователи отмечают, что территория юга России с древнейших времен являлась пристанищем разных племен. Каждое из этих племен оставило следы своего пребывания. Они сохранились в топонимике, которая отражает особенности той или иной местности, ее естественно-географическую специфику.

Появление калмыков на территории Северного Кавказа и ее освоение во многом изменило топонимическое «лицо» этой местности. Возник целый ряд монголоязычных географических названий, принесенных ойрат-калмыками из Центральной Азии, н-р: г. Эссентуки, п. Арзгир, р. Кума.

Собранный нами топонимический материал мы разделили на названия населенных пунктов и водных реалий.

Ойконим – название населенных пунктов: деревни, сала, аула, города и т.д.

Гидроним – собственное название реки, озера, источника, колодца.

Из исторических и этнографических источников, произведений художественной литературы и сообщений информантов, выходцев Ставропольского края, нами зафиксировано 29 географических названий, из них 17 ойконимов и 12 гидронимов.

По структурно-грамматическому критерию следует различать:

1 простые:

- основа-существительное в чистой форме: оз. Давсун от калм. «давсн»-соль, р. Кума – от калм. «кюмн» -человек, оз. Барманцак – от калм. «барманцк»-перекатиполое, оз. Царын- от калм. «царнг»-лиман;

- основа + аффикс совместного падежа, имеющий признак обладания –та: Тахта- от калм. «тах»-подкова, Кугульта- от калм. «кегл»-терновник, Термита- от калм. «терм»-стенная решетка кибитки, Башанта- от калм. «бьяшнг»-дворец, Сабан Антуста – от калм. «амтях уста»-сладкая вода;

- основа-прилагательное в чистой форме: с. Арзгир – от калм. «арзгр» - неровный, шероховатый, Бурукшун;

2 сложные:

- прилагательное + существительное: с. Шар Хулсн-«желтый камыш», оз. Цаган Хак-«белые хлопья», Кевсала-«красивая балка»;

- числительное + существительное: Тавн уул –г. Пятигорск, Йисн туг- г. Эссентуки;

Определив принципы номинации по структурно-грамматическому критерию, мы попытались разделить их на лексико-семантические группы:

1. по им. собственному: оз. Дадынское – от калм. имени Дадн , оз. Сенгилеевское- от калм. имени Сенгл;

2. названия, связанные с флорой: пос. Шар Хулсн- от калм. «желтый камыш», пос. Кугульта – от калм. «терновник», пос. Бурукшун –«белый от распутившегося ковыля»;

3. названия по признакам местности, учитывающие рельеф, характер почвы, особенности ландшафта: пос. Арзгир – от калм. арзгр – «неровный, холмистый», пос. Тахта – от калм. тахта – «в форме подковы», пос. Кевсала – от калм. ке сала – «красивая балка», Тавн уул – Пятигорье;

4. названия, связанные с хозяйственной или иной деятельностью населения: пос. Летняя Ставка и Зимняя Ставка – вероятно связаны с кочевым образом жизни калмыков и др. народов;

5. этнонимическое название: пос. Дербетовка от калм. племени дервд – дербеты. Это свидетельствует о том, что на этой территории проживали дербеты.

Таким образом, данные топонимики представляют определенный интерес не только для исторической географии, но и для решения ряда вопросов по картографии, этнографии, диалектологии. С точки зрения семантики топонимы отражают особенности рельефа местности, своеобразии водных объектов, растительного мира; некоторые из них соотносятся с этнонимами.

Бурятский государственный университет

На сегодняшний день Мо Янь (настоящее имя Гуан Мое), перу которого принадлежат более 70 рассказов и девять романов, является одним из крупнейших писателей КНР, обладателем множества литературных наград, лауреатом государственных премий. Славу Мо Яню принесли его исторические романы, однако не менее особого внимания достойно и его произведение о современном Китае, каковым является «Страна вина». Вышедший с большими усилиями в 2000 году, роман обеспечил писателю достаточно скандальную славу, поскольку налицо огромное количество «внелитературных ситуаций», характерных скорее для массовой литературы: секс, насилие, низкий юмор и прочее, что вызвало яростные нападки литературной критики, повлекшие запрет произведения (что лишь послужило росту его популярности).

В своих выступлениях Мо Янь часто отмечает, что великое влияние на его творчество оказал роман Габриэля Гарсия Маркеса «Сто лет одиночества», а «Страна вина» является результатом преданности королю магического реализма [Tripathy S.]. Роман Мо Яня представляет собой сюрреальное раздробленное путешествие в мир фантастичного, и в то же время мимолетный взгляд в ужасающие уголки обреченного общества, отражение социальной действительности современного Китая. Писатель посредством метафор, гротеска, фантастических, порой мифических описаний пытается вскрыть всю сущность такого явления как современное общество, противоречащую его внешнему облику, подчеркнуть внутреннюю слабость, несостоятельность и другие замаскированные его недостатки.

Общезвестно, сегодня КНР переживает мощнейший экономический рост, простой народ выбирается из бедности, страна становится достойным членом мирового сообщества как супердержава. Однако не все так благополучно. Капитализм с китайским оттенком создает множество ужасающих и кровопролитных случаев, что не могло не заставить талантливого писателя создать историю, где омеиваются отрицательные черты современного китайского общества.

По словам Мо Яня, после прочтения статьи о профессиональном «субутьльнике», его одновременно взволновали и вызвали отвращение генетическая предрасположенность человека к алкоголю, коррупция и неумеренность, на которые человека подталкивает социальное положение и работа [Olesen]. В «Стране вина» Мо Янь при помощи сатиры, даже черного юмора, клеймит такие порочные общественные явления как пьянство, обжорство и коррупцию. Не случайно, что сюжет книги не похож на предыдущие работы автора, где главными персонажами были крестьяне. Здесь же описывается жизнь горожан-провинциалов, чья падшая нравственность выдвигает вперед потворство своим низменным желаниям, слабостям, а лишь потом гуманность и человечность. Для таких людей пьянство, обжорство, беспорядочные интимные связи являются основными и первостепенными ценностями. Не удивительно, что самыми расточительными потребителями всего этого становятся коррумпированные государственные чиновники. Использование метафор и метонимий в романе помогает представить абсурдное и невероятное гротескное удивительно и живо. «Чудесные», фантастические явления и события в нем возникают как нечто само собой разумеющееся как самая естественная часть жизни, а иногда и как реальность более осязаемая и вещественная. Фантазия автора пределов не знает – но во всем угадывается то, «о чем пишут газеты», то есть злободневная реальность.

В произведении странные персонажи – в них во всех есть что-то нереальное и противоестественное, что-то неблагополучное. Они слишком нелепы, чтобы поверить в их существование. Но они и не вымысел: «в газетах только и пишут что о них». В романе пестрый набор отрицательных персонажей, они представлены в самом отвратительном виде, ибо подчеркивается их примитивность чувств и отсутствие разума.

Последним произведениям Мо Яня типичны низкий юмор (порой «черный»), кричащий непристойностями, обилие эротики, переполнение гротескных сюжетных линий. Однако далеко не это дает повод недовольству официальной критики, а их остро социальная направленность.

1. Мо Янь. *Дзугуо* [Страна вина] – Тайбей, 2000
2. Olesen Alexa. *Mo Yan takes another shot*
<http://www.lynnwaterhouse.intrasun.tcnj.edu>
3. Tripathy Salil. *China's heart of Darkness*
<http://www.pathfinder.com/asiaweek>

Жанр саньвэнь в современной китайской литературе

Цыренова О.Д.

Бурятский государственный университет

Отличительной приметой китайской литературы 90-х гг. XX в. является повсеместное обращение к жанру *саньвэнь*. Среди критиков-литературоведов привычным стало словосочетание «бум *саньвэнь*». Для китайской классики этот жанр не является новым – его корни уходят в заметки (*суйби*), появившимся в Китае в VIII-IX вв.; заметки, пояснения к стихам (*шыхуа*, *цыхуа*), относящимся к X-XII вв.; частные документальные записи (*бици*), имеющим тысячелетнюю историю. В литературе древнего периода термином *саньвэнь* обозначают прозу вообще, в самом широком смысле слова (что и фиксирует большинство современных словарей китайского языка). В современной литературе *саньвэнь* охватывает воспоминания, литературные портреты, письма, дневники, лирические миниатюры, философские размышления, т.е. особую область прозы, ограниченную от саяшо, повествовательной, фабульной прозы, и от драматургии. Европейским эквивалентом *саньвэнь* может служить термин «эссе», «очерк».

Так называемый «бум *саньвэнь*» проявился в различных переизданиях уже известных произведений, создании книжных серий; в появлении новых периодических изданий *саньвэнь*, специальных разделов в газетах «Ваньбао», «Чжоумо»; и, наконец, в том, что произведения становились бестселлерами, независимо от степени известности писателя. Среди многочисленных авторов *саньвэнь* можно выделить Ван Цзэнцина, Ван Мэна, Лю Синью, Юй Цююй, Чжан Чжунсина, Чжан Чэнжи, Хань Шаогуна, Чжан Вэя, Ши Тешэна, Чжан Канкан, чье творчество по-прежнему получает самую высокую оценку критиков. Их произведения отличает дух профессиональных литераторов, широкий тематический диапазон – от фактов общественной истории до тонких психологических переживаний. Независимо от того, обращаются ли авторы к истории, или к событиям действительности, или возвращаются к природе, жанр *саньвэнь* избирается представителями интеллигенции как возможность выразить их беспокойство и опасения о культуре, более того, как способ существования их идей и чувств в условиях переходного для общества и культуры периода.

Однако оживление этого жанра имеет и другую крайность: массовое обращение к *саньвэнь* неизбежным образом привело к снижению качества произведений, многие *саньвэнь* не обладают художественной ценностью.

Произведения *саньвэнь* 90-х гг. можно подразделить на: *саньвэнь* литераторов (Ван Цзэнци, Чжан Чжунсин), *саньвэнь* деятелей культуры (Юй Цююй), *саньвэнь* учащихся (Ли Цзянлинь, Цзинь Кэму), женские *саньвэнь* (Су Су,

Хуан Айдуни), а также произведения писателей, не специализирующихся на *саньвэнь*, как например, Чжун Мин, Ван Сяобо.

Проблема духовного обнищания, всеобщего невежества, отчуждения человека в рыночных условиях становится в литературе темой номер один. В противостоянии материальное – духовное, техника – культура современный человек оказывается загнанным в тупик, постоянно сохраняется его тревожное состояние, что также является важнейшей темой в мировой литературе. Обе эти проблемы находят отражение в произведениях жанра *саньвэнь* 90-х гг. Структура культуры переходного периода, сложность системы ценностей оказывают влияние на творчество *саньвэнь*, результатом чего явились как минимум нижеследующие аспекты: неспешное, но обязательное развитие данного жанра; превращение произведений *саньвэнь* в способ существования духа интеллигенции; коммерциализация изданий и, как следствие, переход части произведений в предметы потребления.

Постоянное переиздание классических произведений *саньвэнь* создало атмосферу разнообразия в литературе 90-х гг., однако заимствования у «великих мастеров» в качестве образца у некоторых авторов превратились в прямое подражание. Вопросы жизни и чувств, общества и собственного «я» после трактования их в классических произведениях у современных авторов выглядят мелкими. С другой стороны, коммерциализация творчества принесла в культуру бытовые проблемы. Вследствие чего произведения *саньвэнь* во многих аспектах утратили присущие им гуманизм, просветительские функции. Этот кризис в полной мере проявился во время «бума *саньвэнь*».

Проблема привлечения иностранного капитала в экономику ЮАР

Чадкова С.Н.

Институт стран Азии и Африки при МГУ им. М.В. Ломоносова

1) С 1998 г. экономическое и социальное развитие ЮАР происходит на основе макроэкономической стратегии – рост, занятость и перераспределение – РПЗ (англ. GEAR). Основополагающая идея стратегии – концепция экономического роста «для всех», отказ от опоры в развитии на чёрных трудящихся и государство с одной стороны или национальный и международный капитал с другой.

2) Стратегия РПЗ внесла радикальные изменения в положения платёжного баланса страны, поставив покрытие его дефицита в зависимость от притока иностранного капитала. Его стимулирование, начиная от моделей долевого участия и кончая сокращением или освобождением от налога на прибыль, преследует цель привлечения прямых инвестиций, в первую очередь в производство машин, электро- и электронного оборудования, чёрных и цветных металлов, в металлообрабатывающую, химическую промышленность, а также в производство упаковочных материалов.

3) В то же время приток инвестиций в ЮАР идёт не столь быстрыми темпами, как ожидалось. В 2002 г. в страну поступили прямые капиталовложения в объёме 2,7 млрд. долл. Таким образом, с 1994 г. их приток составил 22 млрд. долл., что значительно меньше, чем поступления в такие государства (сопоставимые по уровню экономического развития с ЮАР), как Чили и Мексика. Доля ЮАР в суммарных инвестициях данного типа, привлечённых в развивающиеся страны, составляет крайне малую величину – менее 1%.

4) Иностранцы инвесторов не удовлетворяют: низкие темпы экономического роста ЮАР, неблагоприятная квалификационная структура рабочей силы, незначительная численность представителей среднего класса, неясность правовой основы инициатив, направленных на увеличение предпринимательства среди представителей коренного населения, а также проблема высокого уровня преступности и СПИДа, получившего в ЮАР широкое распространение.

5) В данных условиях катализатором инвестиционной деятельности выступает приватизация. Так, например, до сих пор крупнейшей иностранной инвестицией в ЮАР считается продажа за 1,2 млрд. долл. 30%-ного пакета акций компании «Telkom» (телефонная связь обычного типа) консорциуму «Thintana», состоящему из малазийской «Telecom» и «SBC». Неплохие успехи в инвестиционной сфере достигнуты в отдельных отраслях, и прежде всего в автомобилестроении. «BMW», «Toyota», «Mercedes» производят в ЮАР автомашины с правосторонней системой управления для экспорта в Австралию, Японию и Сингапур. Новые капиталовложения в условиях ЮАР компенсируют традиционно низкую сберегательную активность населения и способствуют притоку в страну новых технологий и расширяют возможности для использования маркетинговых систем ТНК.

6) Тем не менее, баланс движения капитала для государства с самой развитой и наиболее крупной на континенте экономикой, которая остро нуждается в инвестициях, зачастую оказывается дефицитным, несмотря на общую повышательную тенденцию (с 1994 г.) в сфере привлечения прямых иностранных инвестиций. Отток капитала из страны продолжается. И основной причиной этого является ощущение риска у иностранных инвесторов, связанное с деятельностью в ЮАР и, как следствие, склонность к вывозу капитала.

7) Важнейшую роль в экономическом будущем ЮАР, которое во многом будет зависеть от притока прямых иностранных инвестиций, играет позиция государства. Макроэкономическая стратегия, как механизм либерального управления хозяйством, призванный стимулировать экономический рост, с самого начала своего осуществления в Южной Африке отводила государству роль активного регулятора рыночного развития. Это является одной из специфических особенностей адаптации ЮАР к мировому рынку, которая, с точки зрения западных инвесторов, осуществляется довольно успешно.

8) По мнению многих международных финансовых центров, ЮАР заслуживает большего кредита доверия. И действительно, в ноябре 2003 года агентствами был повышен кредитный рейтинг ЮАР. Однако в перспективе государству предстоит принять ряд существенных мер, чтобы убедить в этом иностранных инвесторов. Первым шагом в данной связи можно считать начавшиеся недавно переговоры о создании общерегиональной фондовой биржи.

1. Черкасова И.В., Южная Африка: новая постапартеидная стратегия развития // В сб.: *Южная Африка на пороге третьего тысячелетия*, 2002, с. 65-76.

2. ЮАР сегодня // *Информационный бюллетень посольства Южно-Африканской Республики в Москве*. М., 2000. №3 (май-июль), с. 4-6.

3. БИКИ. М., 2002, №30 с. 16, №55-56 с. 6, № 124 с. 4-5, № 129 с. 1,4

4. БИКИ. М., 2003, №10-11 с. 5-6, №32 с.16, №76 с. 16, №79 с.1,4, №85 с.16, №89 с.16.

5. БИКИ. М., 2004, №14 с.1,16, №15 с. 1,4-5, №19 с. 16.

6. Региональные производственные комплексы и иностранные инвестиции. М., 2004

7. New Horizons and Policy Challenges for Foreign Direct Investment in the 21st Century // OECD Global Forum on International Investment, 26-27 November 2001, Mexico City, Mexico.

Италия и малоазиатский вопрос в период подготовки к подписанию Лондонского договора март-апрель 1915 года

Шарипов А.М.

Уральский государственный университет им. А.М. Горького

Еще накануне Первой мировой войны итальянское правительство предприняло ряд попыток укрепиться на территории юго-западной Турции. В августе 1913 года между Римом и Стамбулом было подписано соглашение, позволившее Италии начать исследования для строительства железной дороги в Адалии [1]. Удалось также добиться устранения оппозиции со стороны Германии, которая на первых порах неодобрительно отнеслась к попыткам Италии создать собственную сферу влияния в Малой Азии. Однако начало Первой мировой войны, и переход Италии на сторону Антанты привел к обесцениванию всех договоренностей, достигнутых с Германией и Турцией, которые после вступления Италии в войну оказались в лагере ее противников. С этого момента Италия могла опереться лишь на соглашение с английской железнодорожной компанией Смирна-Айдын, которая накануне войны, под давлением британского правительства, заинтересованного в сотрудничестве с Италией, согласилась передать итальянцам свои права на продление железной дороги вглубь Анатолии.

Несмотря на то, что в ходе переговоров, начавшихся между странами Антанты и Италией, рассматривались главным образом вопросы об Адриатике, идеи Сан Джулиано о необходимости укрепления итальянских позиций в Малой Азии были восприняты и его преемником на посту министра иностранных дел Сиднеем Соннино, тем более что, по мнению посла Италии в Англии Имперали, в этом вопросе не должно было возникнуть особых сложностей [2].

4 марта 1915 года Имперали от имени итальянского правительства вручил лорду Грею меморандум, в котором содержались условия, на которых Италия была готова вступить в войну. Часть этого документа, относящаяся к Малой Азии, состояла из 4-х пунктов: 1). Италия заинтересована в поддержании равновесия в Средиземном море. 2). В случае распада Османской Империи Италия должна получить часть юго-западной Турции в районе провинции Адалия. 3). Если целостность Османской империи будет сохранена, интересы Италии все равно будут учтены, в момент распределения сфер влияния. 4). Если какая-либо страна захватит территорию Османской империи, она позволит Италии после войны получить Адалию [3]. Все эти пункты были отражены в 9-й статье Лондонского договора от 26 апреля 1915 года [4]. Часто в литературе, посвященной вопросу об итальянской экспансии в Малую Азию можно встретить мнение, что итальянское правительство недостаточно ясно сформулировало свою позицию относительно ближневосточных территорий [5]. Однако отсутствие конкретной формулировки было вызвано не тем, что Италия не знала, какие именно территории она хочет получить, а той позицией, которую занял британский министр иностранных дел лорд Грей. 20 марта 1915 года, когда Имперали попытался добиться уточнения итальянской сферы влияния Грей заявил, что никто из союзников до сих пор не определил свою сферу влияния на Ближнем Востоке и переговоры об этом последуют в дальнейшем [6].

На самом деле ограниченные переговоры по поводу дальнейшей судьбы Османской империи уже имели место. Более того, именно в марте 1915 года между Россией, Францией и Великобританией была достигнута договоренность о том, что Россия после войны должна получить Константинополь и прилегающие к Проливам районы [7]. По всей видимости, заявление Грея объяснялось желанием Великобритании как можно быстрее заключить союз с Италией. В случае если бы итальянцы узнали о подписании соглашения между Россией, Францией и Великобританией это могло бы вызвать длительные дискуссии и отсрочить вступление Италии в войну.

1. Petricioli M. *L'Italia in Asia Minore*. Firenze, 1983, p. 87-90.
2. Petricioli M. *L'Asia Minore nelle relazioni franco-italiane durante la prima guerra mondiale*. Firenze, 1985, p. 5.
3. I Documeti Diplomatici Italiani (DDI). Roma, Ser.5. T.3. N.121. P.96.
4. Сборник договоров России с др. государствами 1856-1917. N.71. С. 436-441.
5. Toscano M. *Il patto di Londra*. Bologna, 1934, p.162-164. Capasso C. *Italia e Oriente*. Firenze, La nuova Italia, 1932, p.148-149
6. DDI. Ser.5.T.3. N.162. P.132.
7. Сборник договоров России с др. государствами 1856-1917. N. 70. С. 428-435.

О проблеме влияния структурных особенностей финансовой системы на экономический рост (с учетом специфики стран Азии и Африки)

Шеенко Е.А.

Институт стран Азии и Африки при МГУ им. М.В. Ломоносова

Давно признан тот факт, что финансовый сектор способен оказывать значительное влияние на эффективность реального сектора экономики и, в том числе, на экономический рост. Цель данной работы состоит в том, чтобы выявить основные достижения современной макроэкономики на данном направлении (собрать набор stylized facts), а также проанализировать данную проблему с учетом специфики стран Азии и Африки.

В современной экономической науке начало исследованию этого класса проблем было положено работой Раймонда Голдсмита (Raymond Goldsmith) "Financial structure and Development" (1969). Он же и наметил три ключевых направления, в которых впоследствии проводилась исследовательская работа, а именно: из чего складывается и каким образом эволюционирует финансовая система по мере развития экономики, какое качественное влияние на экономический рост оказывает уровень развития финансовой системы и каково количественное ускорение темпов экономического роста в зависимости от структурных особенностей финансовой системы. Каким же образом современные экономисты определяют финансовую систему и ее функции? Существуют различные определения, но мы обратимся к варианту, предложенному нобелевским лауреатом Дж. Стиглицем: финансовая система включает в себя платежную систему, финансовые рынки, как механизмы перераспределения средств и привлечения финансирования, механизмы контроля за рисками и асимметрией информации, а также систему цен, которая позволяет принимать решения об осуществлении тех или иных инвестиционных проектов. Основные функции финансовой системы на микроуровне, по Стиглицу, это: передача ресурсов (капитала) от сберегающих агентов к заемщикам и инвесторам; мобилизация капитала, поскольку проекты часто требуют больше средств, чем может быть у одного или нескольких сберегающих агентов; отбор проектов; мониторинг использования средств по проекту; обеспечение выполнения контрактов (возврата); передача, агрегирование и диверсификация рисков. Значительным продвижением в данной области стала недавняя серия исследований, проведенных экспертами Мирового банка, где на широком материале эмпирически исследовались связь между параметрами финансовой системы и темпами экономического роста. При этом анализ влияния проводился на нескольких уровнях путем сопоставления значений и динамики показателей по большим выборкам стран, отраслей и отдельных предприятий. Авторы этих работ Рос Левайн (Ros Levine) и Асли Демирчук (Aslı Demirgüç) выделяют три ключевых аспекта: 1) влияние особенностей структуры финансовой системы и финансовых рынков на процесс принятия решений рыночными агентами на микроуровне; 2) доступность финансирования и

механизмы привлечения средств для осуществления инвестиционных проектов; 3) совершенство механизмов финансовых услуг

Эмпирические данные, полученные Росом Левайном и рядом других авторов, свидетельствуют о том, что в странах, где преобладающей формой акционерного капитала является крупный капитал, фирмы осуществляют более рискованные и менее эффективные инвестиционные проекты, чем в странах, где более распространено распыление активов компаний среди большого количества мелких акционеров. Данные выводы достаточно хорошо накладываются на эмпирические данные по странам Ближнего и Среднего Востока (Турция, Иран, Сирия, ОАЭ, СА). В рамках данного подхода также большое внимание уделяется взаимосвязи между институтами, рынками и инструментами в процессе посреднической деятельности. Повышение качества посреднических услуг в принципе может оказывать влияние на экономику путем повышения нормы сбережений, активизации накопления основного капитала и его более эффективного использования. Несовершенство механизма финансовых посредников, в частности банковской системы, способно значимо снижать уровень экономической активности фирм – данные Левайна свидетельствуют о том, что средние издержки банковской системы и прибыль финансовых посредников по данной группировке стран БВ и СВ в 1.5 – 3 раза выше, чем по группе развитых стран.

Кроме того, принимая во внимание региональную специфику стран Азии и Африки, необходимо учитывать особую значимость таких структурных особенностей финансовой системы, как совершенство финансовой отчетности и систем корпоративного контроля, развитость финансового законодательства по защите прав кредиторов и акционеров и т.д. и т.п. В ряде исследований было показано, что при анализе формирования инвестиций важно учитывать несовершенство финансовых рынков, результатом которого становится значительный разрыв между стоимостью внутренних и внешних источников накопления, в результате чего развитие многих отраслей сильно зависит от доступа к источникам внешнего финансирования. В условиях развивающихся экономик стран Азии и Африки доступ к кредиту остается весьма сегментированным. Эту проблему не решает и глобализация международных рынков капитала. В секторах, где такой доступ ограничен, объем инвестиций существенно зависит от величины собственных ресурсов.

Итак, можно утверждать, что для стран Азии и Африки имеет место двоякая тенденция: прямое влияние финансовой системы на реальный сектор ниже, чем в развитых странах (ввиду неразвитости традиционных рыночных механизмов), но косвенное влияние – существенно больше (поскольку в экономике создаются различные суррогатные механизмы, замещающие роль рыночных регуляторов).

Гендерная проблема в Китае. Дискриминация женщин

Шкель А.Ю.

Дальневосточный государственный технический университет

Социальная дискриминация женщин означает ограничение или лишение прав по признаку пола (или гендерному признаку) во всех сферах жизни общества: трудовой, социально-экономической, политической, духовной, семейно-бытовой. Социальная дискриминация ведет к снижению социального статуса женщины и является одной из форм насилия над ее личностью, и, следовательно, угрозой для ее безопасности.

Общественный статус женщин в Китае (а они составляют почти половину населения страны) традиционно был низким. Повышение их роли в обществе, что предполагает улучшение социального положения, вовлечение в решение общегосударственных задач, обеспечение равенства с мужчинами, – одно из важных направлений государственной социальной политики сегодня.

Конституция КНР формально предоставила женщинам равные с мужчинами права во всех областях политической, экономической, культурной, общественной и семейной жизни. Приняты нормативные акты, защищающие их права и интересы: законы о браке, о наследовании имущества, о гарантиях прав и интересов женщин, об охране здоровья матери и ребенка, постановления об охране труда женщин, о строгом наказании преступников, занимающихся похищением и продажей женщин и детей, о запрещении проституции, а также соответствующие статьи в Уголовном кодексе, Общих положениях гражданского права КНР, Гражданском процессуальном кодексе, и другие нормативные документы.

В 1980 г. Китай подписал Конвенцию ООН о ликвидации всех форм дискриминации женщин; в 1990 г. ратифицировал Конвенцию МОТ о равной оплате за равный труд мужчин и женщин.

В начале 1995 г. впервые в истории страны китайское правительство приняло Программу повышения статуса женщин на период 1995 – 2000 гг. Особое внимание в ней обращалось на решение наиболее сложных проблем: повышение их образовательного и профессионального уровня, увеличение числа работающих женщин и их доли среди руководящего состава, установление равной оплаты за равный труд с мужчинами, ежегодное обучение грамоте 3 млн. женщин (в возрасте 15-40 лет), улучшение охраны их здоровья, помощь проживающим в бедных районах и др.

Для того, чтобы лучше понять какова ситуация на сегодняшний день, я провела анкетирование среди китайских студентов 20-22 лет, которые учатся в Дальневосточном государственном техническом университете. Студенты отвечали на четыре вопроса: «Знаете ли Вы о женской дискриминации в Китае?» «Интересна ли для Вас эта тема?» «Какова Ваша позиция касательно этой проблемы?» «Чтобы Вы посоветовали женщинам, чтобы искоренить эту проблему?» Ответы были получены самые разные, но важно то, что 67% опрошенных сказали, что в Китае действительно существует женская дискриминация. В университетах Китая эта проблема постепенно исчезает, но даже сейчас некоторые учебные заведения отдают предпочтение лицам мужского пола, несмотря на то, что девушки могут набрать более высокий проходной бал.

Целью своей работы я считаю попытку проанализировать проблему женской дискриминации в китайском обществе, понять ее причины и постараться найти пути выхода из этой сложной ситуации. Потому как цивилизованное государство, желающее, чтобы его называли развитым, не может являться таковым, если в нем существует дискриминация в какой бы то ни было форме.

Экономическая роль и политическое значение вакуфной собственности в жизни городов Османской империи XVI в.

Шлыков П.В.

Институт стран Азии и Африки при МГУ им. М.В. Ломоносова

В работе представлены результаты исследования функционирования вакуфных учреждений в социально-политической жизни османского общества и анализ деятельности вакуфов в городской экономике. Источниками служили османские акты: канун-наме провинций (вилаята Диярбекир, санджаков Амид (Диярбекир), Эрзинджан и т. д.), канун-наме вакфов Эрзинджана и др. законоположения; налоговые реестры (*tahrir*), протоколы кадийских судов и вакуфные грамоты (*vakfiye*). Дополнительно использовались нарративные источники: исторические хроники XV-XVII вв., дневники и заметки географов и путешественников.

Среди черт, наиболее характерных для вакуфов в Османской империи можно выделить: 1) их чрезвычайно широкое вертикальное и горизонтальное распространение во всех социально-экономических стратах османского общества; 2) их способность удовлетворять индивидуальные, групповые и государственные нужды; 3) продолжительность существования института вакфа вообще и отдельных вакуфных учреждений. Широкое распространение практики учреждения вакуфов было вызвано тем, что: 1) доходы вакуфов были в какой-то степени, хотя и не в полной, освобождены от контроля государства, 2) передача имущества вакф для разных слоев городского населения становилось способом обойти шариатские нормы раздела имущества; 3) имущество, переданное в вакф, было в большей степени защищено от захвата мирскими властями. Постепенно (к XVI в.) вакуфы стали крупнейшими собственниками городского недвижимого имущества – земли, жилых зданий, помещений, предназначенных для торгово-ремесленной деятельности; и связанных с городом деревень.

Организуя политическое и экономическое пространство районов, вошедших под власть Османской империи, Порты создает целый ряд социальных институтов и учреждений, во главе которых выступают вакуфные организации [1]. Цель создания вакфа – безвозмездная благотворительность, непосредственно связанная с религиозной деятельностью. Социальная роль вакуфов выражалась в оказании: 1) религиозных услуг – строительство и развитие мечетей и медрес (в бейлербействе Диярбекир подобные вакуфы составляли 10% и 51% от общего числа соответственно), школ чтения Корана (1,77%) и т. д.; 2) образовательных услуг – создание школ (*mekterp*) и медресе (6,21%); 3) муниципальных услуг – строительство и поддержание в нормальном состоянии систем водоснабжения, мостов, колодцев, фонтанов и т. д. Для нормального функционирования и процветания города очень часто Порты инициировала учреждение в нем вакфа [2]. Вакф был фактором, обеспечивавшим создание благоприятных условий для роста городского населения. Благодаря вакуфам возникали новые сферы занятости, а множество услуг оказывалось безвозмездно – все это и привлекало людей в те районы, где были учреждены вакфы. Вакуфам принадлежит значительная роль в формировании городского центра, а в дальнейшем – и городских кварталов (*махалле*). Так в Диярбекире в XVI в. в результате деятельности вакуфов было создано 27 махалле. Аналогичные процессы наблюдались и в других районах империи [3].

Экономическое значение вакуфов определялось результатами эксплуатации доходных объектов, входящих в вакф. Именно за счет этих доходов оказывались социальные услуги. Например, в бейлербействе Диярбекир доходы, полученные от этих объектов, составляли 2 652 061 акче (около 6% от общего дохода). Управители вакуфов обеспечивали нормальное функционирование этих объектов, организовывали работы по их починке, ремонту и восстановлению. Все это приобретало особую важность в связи с тем, что государство крайне редко брало на себя подобные функции [4]. Вакуфы, таким образом, вносили существенный вклад в сохранение экономической активности в регионе.

Приведенные цифры и примеры показывают, что вакуфы организовывали пространство города и доминировали в социальной и религиозной сферах его жизни. Как владельцы сети культурно-образовательных и религиозных учреждений вакуфы становились инструментом исламизации и османизации вновь завоеванных земель. Как крупнейшие собственники коммерческих объектов в городе и связанных с ним деревень вакуфы определяли развитие городских бизнес кварталов (*çarşı*) и обеспечивали город достаточным количеством продовольственных товаров. Как собственники муниципальных и общественных сооружений вакуфы играли важную роль в социальной жизни города, обеспечивая его водой, поддерживая за счет своих доходов, в надлежащем состоянии каналы, мосты, дороги и т. д. Кроме того, актом учреждения вакфа многие высшие государственные сановники обеспечивали себе престиж на новых территориях, что давало им весомый аргумент в споре с местными элитами.

1. Kazıcı Z. *Osmanlı Vakf medeniyeti. İstanbul*, 2003. P. 103.
2. Faroqhi S. *Towns and townsmen of Ottoman Anatolia. Trade, crafts and food production in an urban settings, 1520-1650*. Cambridge, 1984. P. 24.
3. Halaçoğlu Y. *XIV-XVII. Yuzyillarda. Osmanlılarda devlet teşkilâtı ve sosyal yapı*. Ankara, 1996. P. 154.
4. İnalçık H., Quataert D. *An Economic and Social History of the Ottoman Empire, 1300-1914*. Cambridge, 1994. pp. 82-83.

Индийская семья: особенности положения женщины

Ярсева Л.Ф.

Казанский государственный университет

Понятие «семья» в традиционных культурах Востока наполняется особым смыслом, которое к тому же исторически изменчиво. Своё понимание семьи выработано и в традиционном индуистском обществе. Согласно религиозно-философским учениям Индии перед человеком стоят четыре цели: выполнять религиозный и общественный долг – «дхарма»; стремление к материальному благополучию и славе – «артха»; отречься от мирской суеты – «мокша»; наконец, - предаваться наслаждению и продлить свой род – «кама». [1]

Существующая в лоне индуизма семья – чаще не романтический союз двух сердец, а религиозные обязанности и социальная необходимость. Отдельно ни мужчина, ни женщина не могут функционировать полноценно ни в плане физическом, ни в сакральном. Только союз, освященный браком, соединяет их в единое целое, в котором они способны выполнить своё предназначение. Поэтому семья внутри индуистской традиции воспринимается как священный институт, а семейные узы являются важным и неотъемлемым компонентом жизненного цикла.

Главное предназначение индианки - материнство, но почётнее быть матерью сына, нежели дочери; если вы родились женщиной, считают индийцы, ваша карма испорчена. Девочки не являются продолжательницами рода и требуют больше затрат (свадьба оплачивается стороной невесты), поэтому, если в древности женщина, родившую девочку, мазала грудь ядом..., в современности же, беременная женщина, узнавшая после УЗИ, что должна родиться дочь, зачастую делает аборт. Специалисты считают, что за последние 10 лет в Индии погибли в общей сложности 20-25 млн. не родившихся девочек.

До сих пор в стране не существует гражданского кодекса, действуют нормы, установленные древнейшими памятниками – «Махабхарата» и законы «Ману». В них рекомендации по выбору идеальной жены: «не следует брать девушку рыжую, болливую, красноглазую... Пусть женится на девушке имеющей имя созвездия, горы, дерева, птицы... И имеющей походку лебедя или слона...». В «Камасутре»: умение «петь, танцевать, жонглировать, обучать попугая говорить...».[2]

Законным брак считается, если каста или подкаста та же или стоит в кастовой иерархии ниже касты мужа - такой брак называется анулома (букв. перевод «по шерсти»), незаконный брак - пратилома («против шерсти»). [3]

Если девушка понравилась и соответствует касте жениха, если ей исполнилось 16 лет, начинается длинный процесс бракосочетания: смотрины, помолвка, свадьба. Считается, что только теперь после замужества раскрывается истинная сила индианки, всё, что было до этого – прелюдия. Теперь она - «саубхагьявати» - «обладающей счастливой судьбой»,

теперь её будут звать не по имени, а «женой такого-то мужа», теперь её украшают «мангалсутра» - ожерелье, «кунку» - красная точка по середине лба, «бангдья»- ручные браслеты, «дзодви» - кольца на пальцах ног и «надх» - носовая серьга.

Ритуал бракосочетания зависит от отдельных религиозных общин. Например, до сих пор существующая экзогамия в Хиндустане, где жена попадает в дом мужа, видя его в первый раз, и навсегда лишившаяся права видеть родных и порядки нат в Раджастхане, где о женщине заботятся и охраняют. [4]

К сожалению, могут случаться разводы. Сейчас расторжение брака происходит в гражданском суде по согласию сторон. Ранее развестись можно было только в случае бесплодности женщины или «неспособности родить сына». Уйти от мужа – грех. Да и «как может человек распоряжаться своей судьбой... если к тому же этот человек всего лишь женщина». [5]

Остаться вдовой для индианки – всё равно, что быть похороненной заживо. Считается, что смерть мужа - это расплата за грехи жены, поэтому индийские женщины сжигали себя на погребальных кострах мужей - этот обряд называется «сати».[6] Последний известный ритуал самосожжения был осуществлен в 1987 году, тогда же он был законодательно запрещен, 18-ти летний Руп Канвар, но добровольность акта – обязательное условие- до сих пор остаётся загадкой.

Существует мнение, что индийская женщина обладает магической силой, приносит удачу, благополучие и процветание, некой энергией, без которой не может действовать мужчина...[7]

1. Ефименко В., Этикет Камы // *Азия и Африка сегодня*, 1991, № 9, С.50-54.
2. Глушкова И., Идеальная жена в зеркале Камасутры // *Азия и Африка сегодня*, 1994, № 8-9, С.118-125.
3. Самозванцев А., Женщина в браке // *Азия и Африка сегодня*, 1987, № 9, С.67-71.
4. Кудрявцев М.К., *Община и каста в Хиндустане*. М., 1971, с.281.
5. Шоротчондро Чоттопадхай, Шерикандо. М., 1960, с.287.
6. Кашен В., Жестокий ритуал // *Азия и Африка сегодня*, 1999, № 4, С.58-65.
7. Альбедиль М. Женская энергия – основа семейных отношений // *Азия и Африка сегодня*, 1994, № 8, С.72 – 75.

Разговорная речь калмыцкой молодёжи

Яшкулов Д.А.

Калмыцкий государственный университет

Разговорная речь (далее РР) калмыков неоднородна. Качество РР калмыков зависит от социальных факторов: возраста уровня образования, сферы деятельности конкретного лица. Наиболее важным среди этих признаков является возраст т.к. разговорная речь усваивалась калмыками разных поколений через разные формы, в разных условиях и это проявляется в качестве речи. В связи с этим рассмотрим особенности РР калмыков молодого поколения.

В силу сложившейся в Калмыкии языковой ситуации калмыцкая молодёжь усваивает русскую речь раньше калмыцкой, а молодые калмыки с детства растут в окружении русской речи, (исключения составляют калмыки, проживающие в сельских районах, где преобладают представители коренного населения, например Кетченеровского района). Калмыцкий язык усваивается большей частью калмыцкой молодёжи в детстве фрагментарно: через отдельные фразы, обороты, слова, которые слышат дома, с системой языка знакомятся в школе. Родной язык фактически преподается как иностранный, на нем, как правило, не говорят, не пишут.

В РР калмыцкой молодёжи не обнаруживаются явные признаки интерференции родного языка. Однако это вовсе не снимает вопросы культуры РР. Как и на речь русских сверстников, на РР калмыцкой молодёжи большое влияние оказывает окружающая просторечная стихия, жаргон, молодежный сленг. Снижение общей культуры также негативно проявляется в речи молодёжи. В связи с этим изучение РР молодёжи является особенно актуальным. Ведь на нее можно воздействовать, так как она находится в стадии становления. Именно молодое поколение – будущее национального языка.

РР молодых билингов в данной работе рассматривается на уровне лексического состава речи, ее стилистической характеристики, поскольку именно они не признают официальную культуру. Их речь изобилует жаргонной лексикой, нарушением стандартов и т.п. Это относится большей частью к старшеклассникам и учащимся СУЗов.

Молодёжь довольно активно включает в разговорную речь слова и выражения, которые находятся как бы на грани литературного языка: Я не въезжаю (не врубаюсь) в эту математику; Да он тебе насвистел (набуцкал); Там же тусуются одни гасконцы;

В целом в РР молодёжи используются просторечные общерусские элементы, среди которых большая доля вулгаризмов: отмазать – выручить; трещать – болтать; клевый – красивый; слинять- уйти; попить – пойти и т.д. В то же время сельская молодёжь, владеющая калмыцким языком в большей степени, чем их городские ровесники, и имеют свой специфический фонд жаргонизмов: например: Побарджа (подержи); похалча (посмотри); сколько накидучило (который час); таттышка (выдвижной ящик); затарлчк (спрячь); якалдык (пойдем поговорим); торгчк (познакомиться); шиннячий (новый); боорцг (борец) и т.п. Кроме того, интерес представляет способ образования этих жаргонизмов, например: *Калм. Корень+Рус. Окончание: Калм. Тюлк+Рус. Ни = тюлкни(толкни). Рус. Корень+Калм. Аффиксы: Рус. Куда+Калм. Ран = Кударан(куда); Рус. Кипит+Калм. Лджана = Кипитлджана (кипит) и т.д.*

Возможно также, что в данном случае мы наблюдаем у калмыков процесс русификации на уровне сознания, который находит отражение в вышеуказанных языковых изменениях.

Также необходимо отметить такую разговорную деталь: калмыцкая молодёжь, владеющая калмыцким языком, в своей речи использует такие средства, как междометия, лексические повторы :Э-э (используется как обращение) “Байр,э-э эндр ю кехм?” (Байр,э-э, что будем сегодня делать?) “Э-э, ковюс хустт-машинка бяня?” (Э-э, ребята у вас есть зажигалка?)

В городе понижение знания родного языка идет интенсивнее, чем в селе. Это можно объяснить тем, что сельские жители больше привержены, своему этническому языку. Наши наблюдения показали, что РР молодого поколения, значительно в меньшей степени подвержена интерференции. Гораздо большее влияние на РР данной группы людей оказывает окружающая просторечная стихия, жаргон, молодежный сленг.

Таким образом, лингвокультурологическое осмысление речи молодёжи в его региональном варианте позволяет сделать вывод о том, что молодежный жаргон является своеобразной картиной мира молодого поколения с его максимализмом, с его представлением о жизненных ценностях, норме поведения.

Анализ молодежного жаргона на концептуальном уровне дает возможность увидеть степень значимости тех или иных реалий в мироведении разных групп молодёжи. Таким образом, подобное описание молодежного сленга характеризует образ мысли, особенности психологии молодого носителя национального языка.

Можно сделать такие выводы: наблюдаемые процессы, по всей видимости, свидетельствуют не только об изменении лексической системы калмыцкого языка под влиянием русского языка, но и о происходящем процессе русификации речи калмыков на уровне сознания, мышления.

Исследование РР калмыцкой молодежи это лишь один аспект исследования уникального лингвистического материала именуемого РР калмыков.